

Изображение Пифагора въ древнемъ возрастѣ.

А 245 ф 801-83
974 15245-4

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИΘΑΓΟΡΑ,

ЗНАМЕНИТАГО САМОСКАГО ФИЛОСОФА;

и ли

Картина дрснихъ славнѣйшихъ
народсѣ,

изображающая ихъ происхожденіе, обычаи,
богослуженіе, таинства и достоламятности.

Въ сей картинѣ оживлены всѣ важнѣйшія
произшествія древнихъ временъ.

801-18
7030

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА, 1804.

Въ Университетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Попова.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Путешествій Пифагора.

	Стран.
I. Предметъ и планъ всего сочиненія.	3
II. Рожденіе Пифагора, дѣтство его и воспитаніе.	13
III. Гомеръ, Иліада, Одиссея.	23
IV. Продолженіе разговора Гермодамаса. Первые наставленія, сдѣланныя Пифагору.	31
V. Пифагорова Библіотека; первое его чтеніе Санхоніатонъ. Гермесъ, Орусъ, Орфей, Гезіодъ и проч.	36
VI. Топографія Самоса.	45
VII. Самосская Сивилла.	65
VIII. Богослуженіе Меркурія и Нептуна; ихъ храмы и жрецы.	77

Оглавление.

	Стран.
IX. Богослуженіе Юноны. -	87
X. Первое Пифагорово путешествіе. Начало міра. - - -	99
XI. Нравы Самосскаго народа. -	113
XII. Домашніе нравы Самосцевъ; — хозяйство ихъ; — брачное шоржество. - - -	126
XIII. Нравы при Дворѣ Самосскомъ. Поликрапъ. - - -	157
XIV. Второе Пифагорово путешествіе; онъ ѣдетъ въ Сциросъ. Фересидъ. 174.	174.
XV. Фересидово ученіе, Теорія Природы. 197	197
XVI. Частная жизнь древнихъ Грековъ. 219	219
XVII. Смерть Гермодамасова; его погребеніе. Рѣчь Фересидова къ Пифагору, - - -	235
XVIII. Пифагоръ возвращается въ Самось. Политическое состояніе сего города. - - -	247
XIX. Совѣты Пифагору, какъ съ пользою путешествовать. - - -	256

Оглавление.

	Стран.
XX. Путешествіе въ Эфесъ. -	271
XXI. Путешествіе въ Приенну. Біасъ. Разсужденіе о клеветѣ. - - -	283
XXII. Пиршествво семи Мудрецовъ. -	297
XXIII. Путешествіе въ Милетъ. Фалесъ. Тразибулла. - - -	323
XXIV. Анаксимандръ, Поликрапъ и проч. - - -	355
XXV. Нравы Галикарнасскихъ жителей. 376	376
XXVI. Путешествіе въ Гнидъ, Арадосъ и Кипръ. - - -	391
XXVII. Мѣстоположеніе Кипра. -	399
XXVIII. Происхожденіе и нравы Паэоса. 408	408
XXIX. Служеніе Венерѣ. - - -	418
XXX. Путешествіе въ Сидонъ. Мосховы апомы. - - -	431
XXXI. Происхожденіе Финикіянь. -	445

О г л а в л е н і е.

Стран.

XXXII. Подробное описаніе Сидона — Беритъ — Библосъ — Празднество Адониса. - - - - -	461
XXXIII. Путешествіе въ Тиръ. -	476
XXXIV. Тирскія лѣтописи. -	492

Писадоръ разсказываетъ свои путешествія
и обнародываетъ свои законы.

ПУТЕШЕСТВІЯ П И Θ А Γ Ο Ρ Α.

I.

Предметъ и планъ всего сочиненія.

Сидя въ слоновыхъ креслахъ, въ преддверіи святилища Музъ, недавно воздвигнутаго Кропонцами, Пиеагоръ, съ почпенною бородою, съ бѣлыми власами, подобными льну его одежды, такъ вѣщаль избраннымъ ученикамъ своимъ, окружившимъ на другой день послѣ торжества его рожденія (1):

Любезные мои! . . . сія золошая лира, повѣшенная вами вчера подъ симъ священнымъ сводомъ, въ воспоминаніе дня

(1) Ямбл. Порфир. Θоп. Діог. Ник. Скутелъ Бруккеръ Шеферъ и проч.

моего рожденія, очень ясно доказываетъ мнѣ любовь вашу, и напоминаетъ о послѣдней къ вамъ обязанности. Восемьдесятъ лѣтъ минуло мнѣ — время, время успокойсья. — Друзья! мнѣ должно проспитъся съ вами, и я собралъ васъ — для исполненія сего долга.

Этотъ тихой ропотъ — вѣрный свидѣтель горести вашей при одной мысли, разспаться со мною — для меня очень чувствительнѣе! . . . Мнѣ еще хотѣлось пожить съ вами; но шепотомъ было бы желать удаленія послѣдней минутой: лѣта мои повелительнымъ образомъ увѣряютъ меня въ томъ, что скоро должно разспаться съ вами; и потому я хочу предупредить послѣдніе удары, зависящую и злобою намъ готовимые — удары, по видимому, жесточайшіе изъ всѣхъ прежнихъ (1)!

(1) Пифагоровы Училища сожжены и разграблены; около ста воспитанниковъ содѣлались жертвою пламени и ярости; На-

Со дна могилы, разверзающейся подъ ногами моими, буду я еще пещись о друзьяхъ своихъ; душа моя будетъ обитать среди васъ, и нѣжныя, сердечныя обо мнѣ воспоминанія ваши — досподолжная награда трудовъ моихъ — продолжатъ бытіе мое гораздо далѣе обыкновеннаго предѣла, всѣмъ существамъ предписаннаго. —

Нынѣшнюю ночь, по мрачному какому-то предчувствованію, коего причины не могу изъяснить, провелъ я въ обзорѣннѣи восьмидесяти-лѣтней моей жизни. Теченіе дней моихъ не было совершенно правильно, и въ существованіи моемъ нашелъ я очень много такихъ минутъ, которыхъ мнѣ самому должно стыдиться. Ахъ, любезные мои! Пифагоръ, основатель школы истинны, долженъ былъ нѣсколько разъ признаться самъ себѣ не только въ заблужденіи, но даже и въ самой лжи! Но снисходительная Природа

ставникъ ихъ самъ едва только избѣгъ погибели.

доставляетъ мнѣ еще довольно времени исправить свои ошибки, и я, боясь упустить его, спѣшу имъ воспользоваться. Постараемся же, чѣмъ безпристрастное попомство не могло упрекать меня ни въ чемъ, обезславливающимъ имя мое и подвергающимъ васъ презрѣнью. —

Путешествія и память суть два на свѣтѣ средства (1), образующія челоука, и въ самое короткое время помогающія ему жить очень долго. Имъ обязанъ я всѣмъ шѣмъ, что я теперь и что я знаю. Въ послѣднѣя эти мои наставленія изображу я вамъ картину своей жизни, съ подробнымъ описаніемъ многократныхъ и отдаленныхъ моихъ путешествій во всѣхъ ихъ отношеніяхъ. Много уже говорили объ этомъ въ мірѣ, и еще до сихъ поръ говорятъ различнымъ образомъ. Злословіе почпило меня всегдашнимъ своимъ преслѣдованіемъ, и

(1) Пифагоръ говаривалъ :

Tantum quisque tenet, quantum memoria complectitur.
Stob. Serm. I.

попому справедливо и весьма нужно, друзья мои! чѣмъ вы меня совершенно узнали. До сего самаго часу, я считалъ за нужное для васъ и для себя не открывать вамъ всего; я скрылъ еще гораздо болѣе васъ отъ шѣхъ, съ коими говорю изъ за занавѣсы. Наконецъ настало мгновеніе, въ которое нельзя мнѣ умолчать вамъ ни о чемъ. Въ мои лѣта, челоукъ уже жилъ, въ ваши научился спрадать и противоборствовать; — вы все узнаете!

Истина святая, первая изъ всѣхъ Музъ! проспи, что я такъ долго медлилъ возданіемъ шѣбѣ достойной чести; швоя собственная польза можетъ быть пребовала отъ меня сей предосторожности: народъ не пригошвленъ и не привыкъ еще къ лицезрѣнью твоему, а правящіе имъ спрашались яркаго сіянія свѣта швоего. — Истинныхъ любителей швоихъ очень не много; во всей Италіи, а можетъ быть и во всей вселенной, мы только одни собраны здѣсь въ швое имя.

Въ Римѣ и во всей великой Греціи пылаетъ огонь Весты, но жесточайшія и ужаснѣйшія наказанія ожидаютъ дерзкую жрицу, небреженіемъ своимъ допускающую попухнуть священному сему пламени. — О Истина святая! гдѣ олшари твои? гдѣ жрецы? —

Да будетъ училище сіе свящилищемъ ея! Друзья! содѣлаемъ всѣ вѣрнѣйшими ея служителями, — и когда судьба разсѣетъ насъ по лицу земли, перенесемъ съ собою всюду, куды только ни прибудемъ, безцѣнные сѣмена ея: много ихъ разперяется, много пропадетъ, но чтожь до того? — Еслили они пустякъ роски хотя въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ на лицѣ земномъ, по старанія наши не оспанулся уже безплодными. Да погибнетъ все, да испребится даже и самое имя Пиеагора, но Истина да пребудетъ всегда! — Васъ, любезные ученики мои! васъ поспавляю я спражами ея; оспанышесь навсегда ей вѣрны; и — еслили уже такъ дол-

жно — пожертвуемъ ей самими собою, хотя бы по споило и жизни нашей! Я позволю вамъ забыть меня, но заклинаю васъ говорить всегда истину, и не испускашь во всю жизнь изъ устѣ вашихъ ни одного слова, не дѣлашь ни одного шагу, прошивнаго ей. Вамъ, любезные мои! препоручаю я истину прежде всего и болѣе всего. Еще повпоряю: будьте всегда правдивы, и припомъ любите другъ друга! — Вотъ вамъ два главнѣйшія правила, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ прочія; ихъ держитесь!

Абарисъ Залеукъ, Харондъ, Тимаратъ, Геликаонъ, и шы, прилѣжнѣйшій изъ всѣхъ воспитанниковъ моихъ, Лизисъ! вы избраннѣйшіе ученики мои! напрягите всѣ свои силы, употребите всѣ возможные средства къ содѣланію истины законодательницею шѣхъ спранъ, въ которыхъ вы произведены на свѣтъ. Ты, никогда не оставлявшій меня, Замолксисъ! иди къ полудикимъ Фракійцамъ, и подѣ

медвѣжьей кожею, покрывающею тебя, понеси къ нимъ истину. Тоже и ты, Милонъ, споль прославившійся плѣсною своею силою, истина есть также перевязь силы (1), копорая поможетъ тебѣ пріобрѣсти шріумфы несравненно блистательнѣе полученныхъ уже побоею въ Крошонъ и въ самой Пизѣ.

Я, любезные ученики мои, долженъ совершить передъ вами обѣтъ, копорый не легко мнѣ исполнить. По примѣру одного Индѣйскаго законодателя *Будги*, все, чему только я ни училъ васъ до нынѣшняго дня, подобно тѣмъ испорченнымъ большею лигапурою деньгамъ, копорыя однакожь свободно обращаются въ Государствѣ подъ предлогомъ долговъ Правительсва. Я хочу наконецъ заплашить вамъ за приверженность вашу ко мнѣ сполна чистымъ золопомъ исти-

(1) Намеканіе на поясъ въ созвѣздіи Милонномъ. Послѣ болѣе о семъ говорено будетъ.

ны, для васъ мною сохраненнымъ до сихъ послѣднихъ минутъ. Наспавленія, копорыя вы отъ меня съ нынѣшняго дня услышите, и копорыя можетъ быть будутъ уже послѣднія, одни только достойны того, чпобъ вы навсегда удержали ихъ въ памяти вашей. — предыдущія были однимъ только пригопвленіемъ. Такъ-то наспроиваютъ музыкальные инструменпы, нарочно дѣлаютъ совершенно ложные тоны и разноголоски, прежде нежели произведутъ гармонической аккордъ, на спройной и правильной мѣрѣ тоновъ основанный. — Вы посвяпили мнѣ большую часть своей жизни, я хочу теперь отдать вамъ отчетъ въ собственнй своей; вы могли бы пребовать сего, вступаая въ мою школу. Я не скрою отъ васъ ничего — не ушаю ни моихъ заблужденій, ни ошибокъ, для того чпобъ вы въ примѣрѣ моемъ всѣмъ воспользовались. Вашему благоразумію предоставляю я попеченіе о дальнѣйшемъ распространеніи сильныхъ и разительныхъ истинъ, копорыя

вы скоро услышите и объ изъясненіи ихъ всѣмъ молодымъ людямъ, женщинамъ и народу; пошому что воспитаніе обоихъ половъ и просвѣщеніе народное будутъ двумя главнѣйшими предметами нашихъ разговоровъ, — такъ какъ они были уже тѣмъ во всемъ ученіи моемъ и путешествіяхъ. Вѣрные друзья мои! когда не будетъ болѣе меня съ вами, воздвигните тогда по всей земли, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ одного мѣста до другаго, *сигналы* (1) истины, дабы вамъ можно было опять собраться въ одно мѣсто во время грозныхъ полищическихъ бурь.

Для чего я не Эпалидъ (2), сынъ Меркурія, награжденный отъ отца своего безпримѣрнымъ даромъ жить и умирать попеременно, сохраняя между тѣмъ память въ томъ и въ другомъ состояніи? Но хотя бы сдѣлали ме-
(1) Гомеръ, *Иліада* XVII. Эсхилъ, *Трагедія* Агамемнонъ.

(2) Сіе Философское желаніе послужило предлогомъ къ самымъ нелѣпымъ обвиненіямъ Цицагора, какъ по увидимъ послѣ.

ня и сыномъ самаго Аполлона, по я все таки чувствую день ото дня больше, что я родился только человекомъ!

II.

Рожденіе Пифагора, дѣтство его и воспитаніе.

Происхожденіе мое славно — кровь моей матери спруилась нѣкогда въ жилахъ Государей и даже Боговъ; увѣряютъ, что предки ея восходящъ чрезъ Кефалонянина Ансея, основателя Самоса и перваго въ немъ Государя, даже до самаго Юпитера. Таковымъ небеснымъ происхожденіемъ я гордился до тѣхъ поръ, пока въ одномъ путешествіи нескромнымъ образомъ не показали мнѣ гроба отца бессмертныхъ. Правовѣрные жрецы, шоль искусно проповѣдывающіе ученіе Боговъ, иногда очень несвязно сами себѣ противорѣчатъ.

Мать моя, сначала называвшаяся Паренією, съ благодарностію чувствовала всю важность своего происхожденія, и по-

Книжка I. Б

тому была очень набожна: поутру и ввечеру она молилась у подножія олшарей. По тому же увѣренію и опца моего Мнезарка, которій былъ не меньше набоженъ, часто величали попомкомъ Боговъ. Богатство его было самымъ сильнымъ, великимъ и неоспоримымъ того доказательствомъ въ глазахъ у служителей храмовъ, и они сами очень охотно приняли на себя трудъ утвержденія сего. Мнезаркъ былъ искуснѣйшимъ художникомъ въ Само-сѣ, и ученіемъ своимъ обязанъ Эпрускамъ. Всѣ отдавали ему въ томъ справедливость, что онъ трудился больше для славы, нежели для собственной прибыли; еще и до сихъ поръ немногимъ извѣстно, что Поликрашовъ персень съ изображеніемъ лиры, брошенный симъ пираномъ въ море, и опять ему въ цѣлости доставленный, есть драгоценное произведеніе Мнезарковой гравировки. Онъ сдѣлалъ его для Эака, опца пиранова. Оба эти Государя всегда очень дорожили симъ маленькимъ образцовымъ произведеніемъ искусства. Я знаю, что многие приписы-

ваютъ его ученику опца моего Фодору; но онъ только обдѣлалъ камень.

Мнезаркъ лишь только сочелся бракомъ съ Паренією, то, въ силу оказавшагося ему благопріятнымъ гаданія по полету пшидъ, отправился въ Дельфы, во время Пифійскихъ игръ, празднуемыхъ въ этомъ Фокійскомъ городѣ, всякіе два года. Онъ скоро обмѣнялъ и распродалъ тамъ многія вещи прекрасной своей работы, что доставило ему безчисленный прибытокъ. Нецѣпте обращаетъ насъ къ Религіи, щастіе также. Паренія, упоая въ безчисленныхъ наслажденіяхъ изобилія, желала еще имѣть удовольствіе, нѣжнѣйшее удовольствіе, быть маперью. Допущена будучи къ Оракулу, славнѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ, она не хотѣла спросить его прежде, нежели принесла ему богатое жертвоприношеніе. Служитель Боговъ, напередъ еще уведомленный о характерѣ особъ, пришедшихъ спросить Всевѣдущаго, произнесъ слѣдующій отвѣтъ:

„Щастливья супруги ! пустишесь
 „моремъ къ Сирїи; великое богатство ожи-
 „даетъ Мнезарка въ приспани, а дитя
 „прекрасное какъ Аполлонъ, и мудрое какъ
 „Пиѳія, увѣнчаетъ желаніе Парвенїи въ
 „Сидонѣ.“

Эпо были слова Оракула; ему надобно было имѣть великую отважность къ произнесенію ихъ; но они льстили опцу моему въ двухъ самыхъ любезнѣйшихъ сердцу его предметахъ: въ усовершенствованїи его искусства и полученїи попомства. Городъ, означенный Оракуломъ, былъ уже очень извѣстенъ по промышленности своихъ жителей. Механическія искусства процвѣтали въ немъ, и Мнезаркъ немедленно успремился туда для усовершенствованїя своего.

Прибывъ въ Сидонъ, въ мастерской одного художника, по обыкновенію искушался онъ однажды въ новомъ образѣ обдѣлывать драгоценные каменья, полировать ихъ, и дѣлать способными къ вырѣзыванію,

какъ пришли уведомить его, что Парвенїя почти безъ всякихъ мукъ сдѣлала его отцемъ прекраснаго младенца. Онъ спѣшилъ домой, и подлинно находилъ въ новорожденномъ сходство съ тѣмъ идеальнымъ поршрпомъ, который изобразилъ Оракуль. Родительской судь часно бываетъ слишкомъ снисходителенъ. —

Солнце первое божество Сидонцевъ, едва только произведенъ я былъ на свѣтъ, по опедъ, покрывши меня своею одеждою, поспѣшно понесъ въ храмъ для посвященїя особеннымъ образомъ Аполлону, предсказавшему мое рожденіе (1). Потомъ Мнезаркъ возвратилъ меня въ обѣяшїя манеры, которая грудью своими должна была вскормить меня; съ тѣхъ поръ и мать и сынъ приняли по обстоятельству новыя имена. Парвенїя назвалась Пиѳисою, а я Пиѳагоромъ. Симъ воздана была честь безошибочности предсказанїя Дельфійскаго Пиѳина Оракула.

(1) Около 600 лѣтъ до лѣтосчисленїя Христїанъ.

Иной сказалъ бы, что мнѣ отъ самаго рожденія предопредѣлено путешествовать. Едва только мать въ соспоянїи была переноситъ мореплаваніе, какъ Мнзаркъ, нетерпѣливо желая опять быть въ своемъ отечествѣ, возвратился съ любезнымъ сыномъ и пріумноженнымъ имѣніемъ въ Самосъ, и посвятилъ десятую часть прибытка божеству, только благосклонно его покровительствовавшему. Онъ воздвигъ святилище Аполлону, и опредѣлилъ вѣчное жалованье жрецу въ немъ служащему. Сіе святилище было первою моею школою, а жрецъ его первымъ моимъ наставникомъ. У меня не было другихъ до самой смерти моего родителя, которой видно ожидалъ чуда. — Да и въ самомъ дѣлѣ должно быть сему, дабы подъ сѣнью оларей получить хорошее воспитаніе.

При всемъ томъ, однакожь, я не потерялъ ни одного года своей юности. Природа должна быть единственною наспа-

вницею дѣйствія. Она, производя на свѣтъ человека, дѣлаетъ одинъ только абрисъ человека; должно дать чувствамъ свободу ощущать дѣйствіе всѣхъ предметовъ, имѣющихъ на нихъ вліяніе, и такимъ образомъ новорожденному доставить время привести себя въ нѣкоторое совершенство. Первый возрастъ есть царство однихъ только побужденій; не много надобно искусства, чтобы сплести вѣнокъ или гирлянду; еще меньше надобно шипку розы, чтобы раздѣлать совершенно. — Точно такъ же бываетъ и съ человекомъ, начинающимъ жить. — Отецъ мой, самъ того не зная, воспиталъ меня самымъ приличнымъ образомъ, оставя меня собственному произволу. Душа моя подобна была волосамъ моимъ: раздѣваясь по стремленію рождающихся спрасей моихъ, ни что ея не снѣсняло; не зная пороковъ, такъ какъ и добродѣтелей, она совершенно была невинна.

О естли бы человѣческій родъ могъ всегда быть таковъ! Какъ прелестны были для меня первыя минуты утра жизни!

съ восхищеніемъ еще и до сихъ поръ воспоминаю я объ нихъ. Какъ они были пріятны! какъ легко наслаждался я счастьемъ! какъ соперникъ бабочки, я рѣзвился съ нею по цвѣточнымъ коврамъ; какъ товарищъ ягненокъ, игравшаго подлѣ своей матери, я вскарабкивался съ нимъ на пригорки, и желалъ нагнать быстрое теченіе чистыхъ водъ, капающихъ со скалъ, тамъ и сямъ разсѣянныхъ. Очень былъ бы я счастливъ, еслибъ понималъ тогда свое блаженство.

Одно происшествіе сдѣлало на нѣжной мозгъ мой горесипное и возмущительное впечатлѣніе. Какой-то другъ моего родителя вошелъ однажды въ недавно воздвигнутый храмъ для принесенія жерпвы Аполлону, держа въ рукахъ пѣтуха. Птица билась и вырывалась, какъ будто бы предчувствуя свою участь. Вдругъ являясь съ ножомъ жрецъ, у котораго въ рукахъ прежде я не видывалъ ничего, кромѣ цѣлистныхъ растений. Онъ беретъ пѣтуха, заворачиваетъ ему голову и зарѣ-

зываетъ. Я увидѣлъ кровь, текущую сквозь пламя, и глаза мои помушились; я упалъ безъ памяти предъ статуею. Пришедши въ себя, я тотчасъ побѣжалъ жаловаться своей матери; но видя, что она не раздѣляетъ со мною моего негодованія, я оставилъ ее, и пошелъ къ двумъ лебедямъ, наградивъ хопя надъ ними своими поцѣлуями по злодѣянію, которое учинено было съ другою бѣдною птицею.

Это происшествіе скоро разнеслось по всему острову; молодыя Самоскія дѣвцы изъ сосѣдственныхъ селеній удвоили ко мнѣ свои ласки. Онѣ попеременно обнимали меня; гибкіе пальцы ихъ были безпрестанно на бѣлокурыхъ моихъ волосахъ, и онѣ всегда называли меня *добрымъ Геніемъ ихъ мѣста*. Я всегда плясалъ и рѣзвился съ ними. — Мы не начнемъ играть, говорили онѣ, безъ мальчика съ бѣлокурыми волосами (1); намъ надо Пиеагора.

(1) Всѣ сіи подробности взяты изъ различныхъ описаній Пиеагоровой жизни.

Однажды сидѣлъ я подѣ пополомѣ, разбирая цвѣтш; сговоренная чеша накануне своего брака находившаяся подошла и — что ты шушь дѣлаешь? — сказала мнѣ.

Пивагоръ. Вы видите: я сочешаваю розанѣ съ лиліею.

Обругенныя. А для кого?

Пивагоръ. Для васѣ, естѣли угодно, я приношу съ собою счасшїе.

Они приняли слова мои (1) за предсказанїе Оракула, и были въ самомѣ дѣлѣ счасшливы. — Первыя лѣта жизни! для чего не соспавляете вы всего человѣческаго существованїя? — Машъ моя овдовѣвъ препоручила меня мудрому Гермодамасу, который жилъ въ опдаленїи отъ города, и спокойно примѣчалъ произшествія вокругъ него произходящїя, ни мало ихъ не касаясь. Онъ былъ достой-

(1) Древнїе великое вниманїе обрацали на случайныя слова.

нымѣ попомкомѣ Креофила Самоскаго, коего имя будешъ сполько же славно, какѣ Гомерово, за госпепрїимспво, имѣ величайшему изъ Поэшовѣ оказанное. —

III.

Гомеръ, Иліада, Одиссея.

Какѣ скоро сдѣлался я способенѣ принимашъ хопя нѣкоторое участїе въ семѣ предметѣ нашей испорїи, шо спѣшилъ подробно распросишь о ней у почшеннаго моего наспавника. Когда онѣ мнѣ рассказывалъ ее въ первой разѣ, я былъ еще очень молодѣ. Онѣ посадилъ меня къ себѣ на колѣни и — доброй Гомерѣ, сказалъ онѣ, который никогда не былъ богатѣ, опредѣлилъ малое имѣнїе свое для пупешеспвій по всей Грецїи, чшобы усовершенспвовать въ нихъ безспертныя свои Поэмы. Соспарѣвшисъ и лишасъ зрѣнїя, оспался онѣ съ однимѣ только своимѣ Генїемѣ. Мальчикѣ, бѣднѣе еще его, служилъ ему вожапымѣ. Скипаясь изъ одного города

въ другой, перебираясь изъ одного острова на другой, рѣшился наконецъ остаться въ Хіосѣ, гдѣ завелъ школу; но жестокая судьба преслѣдовала его повсюду: сердца всѣхъ были къ нему нечувствительны (1).

Гермодамасъ! сказалъ я учителю своему, прервавши его: доброй Гомеръ никому зла не сдѣлалъ; за что же опровергнулъ онъ всѣми?

Гермодамасъ. Сынъ мой! за то, что онъ старался хранить свою Музу въ независимости, и не хотѣлъ ничего принимать отъ людей, неумѣющихъ одолжать.

Въ одинъ осенній вечеръ, Креофилъ, сидя подъ двумя вязами, служившими преддверіемъ проспаго, но удобнаго для жизни его дому, заставлялъ воспитанника своего Леодаманша удивляться величеству послѣднихъ лучей заходящаго дневнаго

(1) Различнымъ образомъ говорятъ объ обстоятельствахъ старости Гомеровою. Въ семь сочиненіи помѣщено будешь другое еще о ней преданіе.

свѣшила. Обращая глаза на правой берегъ Имбразы, онъ увидѣлъ дряхлаго лысаго старика, опирающагося одною рукою на длинной своей посохъ, а другою держащагося за плечо молодого человѣка, копорой несъ подъ мышкой два большіе свипка. — Гдѣ мы? спросилъ старикъ у своего вожатаго. — Еще далеко отъ броду, между Юонинымъ и Непшуннымъ храмомъ, отвѣчалъ мальчикъ. — И такъ, перехватилъ старикъ, мы не найдемъ сего дня убѣжища, гдѣ бы преклонилъ голову! — Ты еще такъ бодръ при всей своей старости, сказалъ мальчикъ. — О эти богачи! продолжалъ старикъ, какъ они грубы! какъ они беспыдны въ своихъ великолѣпныхъ черпогахъ! — Ахъ, бѣдный Гомеръ! мнѣ очень жаль тебя! отвѣчалъ мальчикъ.

При имени Гомера, Креофилъ, пораженный какъ будто именемъ отца Боговъ и человѣковъ, тотчасъ вспалъ, побѣжалъ на встрѣчу къ старику и мальчику, и такъ первому сказалъ: „Божественный

Гомеръ! я не избъ числа тѣхъ богатыхъ, коихъ сердце такъ же бываетъ хладно, какъ вершины горъ Ампелопскихъ. Я живу въ той сладостной умѣренности, которую ты такъ прекрасно воспѣлъ въ второй своей Поэмѣ. Будучи спраснымъ любителемъ Музъ, я въ свободные часы плѣняюсь нѣкошорыми опрывками высокихъ твоихъ сочиненій. Приди раздѣлишь со мною жилище мое. Гонимый полъ долгое время жестокими бурями бѣдствій, войди наконецъ въ безопасную пристань. Прими гостепрїимство, предлагаемое тебѣ твоимъ другомъ, равнымъ человѣкомъ, кошорый удивляется твоимъ дарованіямъ. Почти скромную мою хижину, и я буду спараться о тебѣ, какъ о самомъ себѣ, а о твоихъ сочиненіяхъ, какъ бы о своихъ родныхъ дѣтяхъ.“

Гомеръ не колебался; онъ зналъ совершенно человѣческое сердце, и не могъ ошибиться въ искренности чувствованій своего хозяина. Онъ прожилъ у него еще нѣсколько лѣтъ, кошорыя были прїят-

нѣйшими въ его жизни. Креофилъ имѣлъ счастье слышать избъ успѣ самого Гомера божественныя его Поэмы. — Тебѣ отдаю я ихъ, сказалъ, при послѣдней минутѣ своей жизни, творецъ Иллїады! тебѣ по праву принадлежатъ онѣ. Ты принялъ Сочинишеля ихъ въ домъ свой, раздѣлялъ съ нимъ все, что у тебя ни было, какъ съ братомъ, ты же долженъ наслѣдовать послѣ него и имѣніе его. Возьми, Креофилъ, и храни творенія мои; Греція не почла ихъ недостойными себя. Попомство можетъ быть благословитъ за нихъ и меня и тебя. —

Гомеръ изиуспилъ послѣдній вздохъ свой въ объятіяхъ Креофила, кошорой, содѣлавшись обладателемъ великаго Гомерова Генія, не промѣнялъ бы его на всѣ Гигесскія сокровища. Съ благоговѣніемъ положилъ онъ въ кедровой ковчежцѣ два эти великія произведенія ума человеческого, и при смерти опдалъ залогъ сей своему сыну. Внукъ его не менѣе предка своего имъ гордился.

Ликургъ, путешествуя по Греціи и ближнимъ ея островамъ, дабы дать время законамъ своимъ въ опсущивіе свое утвердился въ Спаршѣ, пришелъ къ нему и сказалъ: „Ты владѣешь Гомеровыми твореніями; знай, что они составляютъ счаственность цѣлаго міра, а не одного человѣка. Именемъ Музъ, копорымъ и въ Спаршѣ воздвигнуты также олтари; именемъ Гомера, копорый воспѣвалъ не для однихъ только дѣшей Креофилыхъ; именемъ всѣхъ современныхъ тебѣ народовъ и почтеннаго потомства, прошу тебя: позволь Ликургу списать въ почтности сіи два творенія гѣвца Ахиллеса и Улиса, копорые отъ малѣйшаго приключенія могутъ у тебя погибнуть!“

Внукъ Креофила съ удовольствіемъ исполнилъ толь справедливую прозьбу Спаршанскаго законодателя. Такимъ-то образомъ сіи двѣ прекрасныя Поэмы божественнаго Гомера, копорыя бы пропали вмѣстѣ съ Авпоромъ, неизмѣвшимъ при-

спанища, сохранены, дошли до нашихъ временъ, и безъ сомнѣнія до самаго конца вѣковъ воспоржесивуютъ надъ всеокрущающею косою времени. —

Любезные ученики! сіе опспупленіе (1) извинительно по слѣдующей причинѣ. Гермодамасъ, для упражненія моей памяти, (ибо онъ зналъ, какія мнѣ выгоды со временемъ отъ того получить можно) заставилъ меня выучить наизустъ нѣсколько пѣсенъ изъ Одиссеи, и нѣкопорые стихи изъ Илліады. Онъ предпочиталъ первую Поэму впорой, не смотря на то, что въ ней гораздо больше жару, картинныя описанія живѣе, все находится въ движеніи, и соединеніе великихъ спрасшей разсыпаетъ повсюду красоты гораздо мужесивеннѣйшія; но все и вездѣ сраженія! вездѣ печать кровь человѣческая; тысячи тысячъ жертвъ падаютъ для поддержанія смѣшныхъ требованій

(1) Объ этомъ писали многіе древніе Авторы. Въ Анахарсисѣ то же упомянуто о семъ.

нѣсколькихъ Царей. Вся Греція принимаетъ оружіе за одну вѣроломную (1) женщину!

Благоразуміе можетъ быть имѣетъ право сдѣлать здѣсь выговоръ Музамъ, но какъ же хорошо онѣ загладили вину свою въ Одиссеѣ! Эта книга сочинена для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ половъ и для всѣхъ сослояній. Разстаніе Андрوماхи съ Текторомъ нѣсколько прогашельно; но ненарушимая вѣрность Пенелопы, прекрасная простота и откровенность Наузкаи, Телемакъ, доброй Эвмей, и даже вѣрная собака (2) спартаго Улиссова служителя — все, все исполнено красотъ плѣнительности и вмѣстѣ нравоченія. Одиссея есть истинная школа для смертныхъ!

(1) Елена стоила жизни 1,562,000 чело-
вѣкамъ, по исчисленію Дареса Фригійскаго.

(2) Называемая Аргусъ. Смопри въ Пиеа-
горовыхъ законахъ книгу живошныхъ.

*Продолженіе разговора Гермодамаса.
Первыя наставленія, сдѣланныя
Пиеагору.*

Есть еще другая Школа, продолжалъ Гермодамасъ, копорую ты долженъ предпочипать ей, сколько она ни превосходна. Пиеагоръ! первыя чувствованія твои происходятъ отъ Природы, да будетъ же она первымъ и главнымъ предметомъ твоего ученія! Оснавь пѣсни Гомеровы для наблюденія гармоніи, царствующей между бесчисленными существами, соспавляющими великое цѣлое, коего ты самъ одна нераздѣлимая частичка. Раскрой глаза свои и мысли, взойди на мысъ Позидіумъ, взгляни на Эгейское море, копорое, кажешся, безпреспанно грозитъ поглотить эту почку земли, и, однакожь, не выходитъ изъ предѣловъ своихъ. Дерзкая рука смертныхъ воздвигла городъ и храмы, коихъ основаніе погружено, такъ сказашь, въ водахъ. Всякой островъ пред-

спавляетъ родъ шюрмы, но смертный скоро научился распространять подъ своими шюпами предѣлы ея. Оспровитяне почти всегда промышленнѣе и дѣятельнѣе жителей твердой земли. Нужда сдѣлала ихъ сперва неуспрашаемыми; потомъ первые наши предки, не терпя бездѣйствія, переѣхали въ верхній Египетъ для основанія тамъ купеческой колоніи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ другіе Самосцы весьма отважнѣе первыхъ проникли въ неизвѣстныя моря еще далѣе Геркулеса; буря прибила ихъ къ берегу оспрова, который не былъ, подобно нашему во всякое время года, усланъ отъ Природы зелеными коврами. Томящемуся жаждою путешественнику въ немъ не представлялись къ уполенію оной источники прохладной воды; нѣдра земли его заключали въ себѣ золото; народы въ немъ живущіе, хотя и не столь образованные, но гораздо за то умнѣе насъ, безъ всякаго сожалѣнія и весьма охотно рѣшились лишать себя безполезнаго мешалла, промѣнивая его на другія произведенія, гораздо

полезнѣйшія, коихъ не было въ ихъ землѣ. Самосцы завели съ ними торговлю, и два торгующіе народы были удовлетворены, благодаря щасливому невѣжеству одного изъ нихъ. Благополучный и спокойный Самосъ сдѣлался богаше, но припомъ и безпокойнѣе, оставя искать истинныхъ сокровищъ въ обработываніи плодоносной земли и произрастающей шоль полезныя травы, для науки врачеванія. О! для чего мы не остались простыми горшечниками! мы не возбудили бы зависти Грековъ и недобѣрчивости Персовъ. Какъ скоро увидѣли у насъ морскія силы, то всѣ могущественныя Державы на матерой землѣ, успрашась шого, соединенно приняли намѣреніе испребить насъ открышою силою, или другимъ какимъ нибудь шоль же несправедливымъ, сколь и подлымъ образомъ.

Пизагоръ! прибавилъ мой учитель, пусть сей великой примѣръ несчастнаго

нашего отечества послужитъ тебѣ урокомъ. Не старайся удвоить своего наследства, страшись обратишь на себя взоры и вниманіе завистливой толпы, ищи пріобрѣсти славу одними только дарованіями, гравируй изображенія на кольцахъ, и, чего обыкновенно не примѣчаютъ артисты — пусть всякое произведеніе рѣзда твоего представляешь чтонибудь нравственное или полезное, и тѣмъ самымъ послужитъ наставленіемъ. И такъ есть-ли Поликрашъ, или другая какая важная и сильная по должностямъ своимъ, по довѣренности народной или богатству особа, пожелаетъ имѣть перстень или печать твоей работы, представя выбору твоему изобразишь, что угодно: то ты, избирая всегда совѣты съ неуспрашимою мудростію, представляй взорамъ вельможи предметы, которые бы среди виновныхъ его пршесствъ, въ лонѣ постыднаго сладострастія, пробуждали въ сердцѣ его иногда спасительные упреки совѣсти.

Прекрасныя искусства должны доставлять оружіе добродѣтели.

Прими, сынъ мой, еще другой совѣтъ, проснмымъ разумомъ мнѣ внушенный; другіе пріобрѣвшіе больше свѣденій, или имѣющіе обширнѣйшаго Генія, дадутъ тебѣ наставленія гораздо выше. Я хожу прямо по землѣ, не прыкаясь и доволенъ собою. Богъ щедротъ простеръ благодѣтельную десницу къ родителемъ твоимъ, любезный Пифагоръ! и такъ подражай одному твоему соотечественнику, такому же, какъ и отецъ твой, художнику, котораго работа хотя и не была такъ прекрасна, но за то блистала изобрѣтательнымъ желаніемъ. Онъ твердо рѣшился сдѣлать прежде своей смерти какое-нибудь открытіе. Занявшись совершенно симъ великодушнымъ намѣреніемъ, оставилъ все другія упражненія, и единственно посвятилъ себя этому предмету. Все прочія сдѣлались мало-значущи въ глазахъ его. Онъ ничего не

зналъ, oprичь одного только; но за то это одно зналъ совершенно. Если бы изъ скромности онъ не скрылъ своего имени, то оно умножило бы малое число мужей, оказавшихъ услугу опечеспву.

V.

Пифагорова Библиотека; первое его чтеніе Санхоніатонъ. Гермесъ, Орусъ, Орфей, Гезіодъ и проч.

Главная вина моя состояла въ томъ, что я не совершенно чувствовалъ всей цѣли мудрыхъ Гермодамасовыхъ наставленій. Я хотѣлъ съ начала все знать. Библиотека, опцемъ мнѣ оставленная, удовлетворяла совершенно моему желанію. Онъ во всю свою жизнь старался съ великими издержками собирать шворенія всѣхъ славнѣйшихъ и лучшихъ историческихъ и нравственныхъ Сочинителей, кои только ему были извѣстны. Я съ жадностію пробѣжалъ всѣ сіи книги передъ

не столь жадными глазами моего учителя, который не только не удерживалъ моей ревности, но еще возбуждалъ ее, научая меня нарѣчіямъ разныхъ племенъ, чтобы я могъ почерпать объ нихъ свѣденія въ самыхъ источникахъ; ибо въ Самосѣ говорящъ совершенно особеннымъ нарѣчіемъ.

Нѣсколько мѣсяцовъ я не выходилъ никуда со двора, дабы предаться чтенію всѣхъ книгъ предо мною находящихся; я не пропустилъ ни одной, и мнѣ — не понравилась ни одна. По окончаніи послѣдней книги, Гермодамасъ увидѣлъ меня очень недовольнымъ собою, или лучше употребленіемъ своего времени. Упомясь болѣе, нежели насладившись, я погруженъ былъ въ глубокое размышленіе. Онъ вывелъ меня изъ сего труднаго положенія, сказавши:

Что, Пифагоръ! не уже ли познанія дѣлаютъ такъ задумчивымъ и молчаливымъ? Мы не таковы бываемъ ввечеру, возвращаясь съ прогулки по высотамъ

горамъ , окружающимъ Самосъ съ сѣвера.
Все ли ты прочелъ ?

Пивагоръ. Все , и каждую часть отъ одного конца до другаго , не пропуская ни одной строки.

Гермодамасъ. Ну , теперь ты въ состоянїи самъ завести Школу ; теперь ты можешь быть учителемъ своего учителя. Какъ ! ты испортилъ уже цѣлую библиотеку ? Старой Сатурнъ не такъ скоро пожиралъ дѣтей своихъ , въ минушу ихъ рожденїя.

Пивагоръ. Я прочелъ сорокъ два Тома Тауша (1) , котораго Финикїянинъ Санхонїатонъ поспрудился собрать ; я читалъ происхожденїе Свѣта , Гермесомъ Трисмегистомъ начертанное на камняхъ ; читалъ гїероглифы Египтянина Оруса ; чи-

(1) Не смотря на строжайшее повелѣнїе жрецамъ Нила , сохранять ихъ въ тайнѣ , многіе переписанные отрывки ходили по рукамъ , которые они сами доставляли охотникамъ — разумѣется за великую цѣну.

талъ Сивиллины предсказанїя , которыя въ стихахъ , довольно худыхъ , предшествовали прекраснымъ Гомеровымъ Поэмамъ ; читалъ стихотворенїя Музея Ораса и сына его Эвмолпа ; читалъ даже и пѣсни его дочери на войну Троянскую. Но я не люблю , что женщина воспѣваетъ кровопролитныя сраженїя. Все это не стоило Одиссеи. Амфїонъ и Линусъ уже не таковы ; ихъ гимны подлинно вдохновенны , и заставляють вѣрить чудесамъ , которыя имъ приписываютъ ; а ихъ еще превосходитъ Орфей. Однакожь все это не могло удовлетворить души моей. Я все читалъ , что писали Фригїецъ Дарій и Диктисъ Крипянинъ о несчастной Троѣ. Я читалъ Великаго Зороастра (1) , величайшаго человѣка изъ всей Персїи , законодателя Бактрійскаго ; но политическіе законы его показались мнѣ очень недостаточны. Священныя узаконенїя его очень мнѣ наскучили , не науча меня ничему.

(1) Здѣсь говорится о старомъ Зороастрѣ.

Пять книг (1) о невѣроятныхъ дѣлахъ больше любопытны, нежели полезны; это сочиненіе должно передѣлываться въ концѣ каждаго вѣка. Но чтеніе Гезіода, соперника и друга Гомера, совершенно мнѣ все вознаградило. Я никогда не прошу ему, что онъ, будучи пастухомъ Геликонскимъ, ославилъ сапого отца своего, когда девять Музъ предложили ему лавровой вѣнокъ Поэта. Но онъ хотѣли только испытать его. Шастливъ онъ, что опять возвратился въ поля, коими такъ прекрасно былъ вдохновенъ. Мнѣ хочется побывать когда нибудь въ Орхоменѣ. Я омышу тамъ гробъ Гезіодовъ, и подъ надписью, на немъ уже находящеюся, подпишу отъ себя еще немногія слова: „Да будетъ благословенна память Гезіода, родившагося въ Кумахъ! за то, что онъ воспѣлъ земледѣліе, питающее людей и сохраняющее чистоту нравовъ!“

(1) Оригинальное сочиненіе, соображаясь съ которымъ трудился Палефатъ.

Я очень мало заботился, Термодамасъ, о прочтеніи колкихъ ямбовъ Архилока и военныхъ пѣсенъ Тиршеевыхъ. Людей не нужно возбуждать ко мщенію. Я лучше люблю наставленія Терпандра, который воспѣвалъ съ оливою въ рукахъ!

Термодамасъ. Пифагоръ! ты удовлетворилъ своему любопытству; скажи теперь мнѣ: какія знанія пріобрѣлъ ты изъ сего обширнаго чтенія? —

Пифагоръ. Все, что только могъ узнать, состоить въ знаніи, когда сотворена вселенная; все, чему только ни научился, заключается въ свѣденіи о томъ, съ котораго времени существуютъ люди. Чтожь ославится послѣ этого? — Сомнѣнія и нужда знать больше: ибо я предпочелъ бы самую смерть стыду жить, не зная самого себя, и будучи совершенно чуждымъ всего того, что происходило прежде меня, и что окружаетъ меня теперь на землѣ.

Гермодамасъ. Молодой Пиеагоръ! незнаніе дѣлаешь тебя несправедливымъ. Библиотека ошца твоего не заключаешь въ себя всего того, что извѣстно. Есть еще живыя книги, съ которыми тебѣ бесѣдовать должно: есть Мудрецы, которые, предупредивъ вѣки, и лишаась надежды возвысить своихъ современниковъ до той степени высоты, на какой сами находянся, думаютъ только сами для себя, и дѣлаютъ открытія въ уединеніи, удаляясь отъ непросвѣщенной толпы, и которые быстротою Генія своего и неуспынными трудами заслужили, что Природа удостоила ихъ открытіемъ взорамъ ихъ нѣкоторыхъ завѣсь, ее покрывающихъ.

Пиеагоръ. Прости, любезный Гермодамасъ! молодому своему воспитаннику, жаждущему ученія. Такъ; есть столько скромные люди, которые, будучи въ неизвѣстности и не оставляя кромѣ имени ничего послѣ себя, просвѣщаютъ умъ свой и упражняющся въ высокихъ позна-

ніяхъ, которыхъ существованіе только подозрѣваю, и которыми они обладаютъ въ самомъ дѣлѣ. — Гермодамасъ! поѣдемъ, оставимъ сей островъ; опечество вездѣ, гдѣ только можно научишься и сдѣлаешься лучше. Завтра же. . .

Гермодамасъ. Погоди немного, доброй молодой человекъ! Благоразумной мореплаватель, прежде нежели садился въ корабль для дальняго путешествія, заготовляетъ все нужное къ дорогѣ, и запасается свѣдѣніями о тѣхъ земляхъ, которыя желаетъ видѣть; о тѣхъ народахъ, къ которымъ долженъ приставать, и старается получить хотя нѣкоторое познаніе ихъ языка. Чтобы говорить съ кѣмъ нибудь, надобно понимать другъ друга; но ты чувствуешь ли себя способнымъ понимать важные уроки глубочайшей мудрости, которыхъ ты никогда еще не слыжалъ? До сихъ поръ ты учился у одной только безмолвной Природы. Прежде нежели удалишься изъ сего острова, кинь по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько

взглядовъ вокругъ себя, на людей и предметы тебя окружающіе! Начнемъ съ самаго простаго, и дойдемъ постепенно до самаго сложнаго и высокаго. Прежде нежели обратимся къ изысканію причинъ, посмотримъ нѣсколько времени на дѣйствія. Когда уже намъ ничего больше не останется узнавать въ своемъ опечесивѣ, тогда оставимъ его, и начнемъ путешествіе въ иносѣанные край для открытія великихъ началъ и истинъ, необходимыхъ къ блаженству жизни. — Пифагоръ! охлади немного жаръ свой. Орель, на горѣ Идѣ живущій, не прежде позволяешь молодымъ птенцамъ своимъ парить въ высоту, какъ поддержавъ первый полетъ ихъ вокругъ гнѣзда и подвергнувъ лучамъ упреннаго солнца.

Топографія Самоса.

Гермодамасъ помолчавши съ минутою продолжалъ: Но ты, копорый спыдишься незнанія о происхожденіи мѣра! знаешь ли происхожденіе собственнаго своего опечесива? Кажется, съ этого должно бы начать. Знаешь ли по крайней мѣрѣ хотя различныя имена, копорыми оно называлось? Оно имѣло по крайней мѣрѣ четыре имени. Древнѣйшее его названіе *Парегнія*, коей первые жители были пришельцы изъ Каріи; потомъ называлось оно *Антелумсомъ*, *Меламфилусомъ*, наконецъ уже *Самосомъ* (1). Мѣстоположеніе его находится въ Іоніи, на срединѣ между сѣвернымъ и западнымъ концами мыса Трогаліума, противъ Микалы; два мыса, находящіеся въ восточной сторонѣ нашего острова, опстоятъ отъ него едва ли на семь стадій. Самый опдаленнѣйшій къ западу мысъ

(1) Спраб. Геогр. кн. XVII. Драпперъ, описаніе Архипелага.

Нептуновъ , намъ извѣстенъ подъ именемъ горы Позидіумъ. Гора , или , лучше сказать , хребетъ горъ , извѣстныхъ подъ именемъ Амелосскихъ , простирается вдоль по всей восточной сторонѣ острова. Вообще вся земля въ нашемъ опечесствѣ неровна и гориста , но отъ того ни мало не бесплодна. Всѣ Азіатскія , деревья произрастаютъ въ немъ сами собою ; одинъ только кипарисъ не можетъ расти въ здѣшнемъ климатѣ.

Въ сей сторонѣ , по древнему народному преданію , которое однакожь не основано ни на какомъ вѣрномъ памятникѣ , думаютъ , что на нашемъ островѣ были жилили еще и прежде прибытія и завладѣнія онымъ Карійцовъ (1). Это же самое преданіе сохранило намъ даже нѣкоторыя драгоценныя подробности о характерѣ и правахъ сихъ первыхъ жи-

(1) Въ Запискахъ Парижской Академіи Надписей и прекрасныхъ Наукъ по разнымъ мѣстамъ.

телей. У нихъ не было рабовъ для обработки земли и для услуги въ ихъ домахъ ; они сами себѣ служили , и имя господина было имъ не извѣстно ; каждой жилъ у себя безъ всякаго различія , кромѣ возраста и пола ; одни только отцы повелѣвали дѣтьми своими , и дѣти никому не повиновались , кромѣ отцовъ своихъ. Старшій въ семействѣ наслаждался нѣкоторымъ преимуществомъ , основаннымъ на одной только царствовавшей тогда простотѣ нравовъ. У нихъ не было начертанныхъ законовъ , не было ни денегъ , ни богатствъ , и они не торговали иначе , какъ только мѣною нужныхъ вещей. Величайшій корабль ихъ состоялъ въ лодкѣ , способной помѣстить въ себѣ небольшое семейство. Не зная сами какъ очутились на семъ островѣ , они думали , что сами собою родились и выросли на немъ , подобно растеніямъ , которыя растутъ и возвышаются въ садахъ , не бывши нарочно посажены. Сверхъ того это преданіе увѣряетъ еще , что эти первые жители

наслаждались совершеннымъ счастьемъ и спокойствіемъ, будучи честны, добры и гостепріимны. Карійцы не оставили никакого ихъ слѣда. Не сожалѣешь ли и ты, Пифагоръ, подобно мнѣ, о семъ золотомъ вѣкѣ Самоса? Всякая спрана имѣетъ свой золотой вѣкъ; это не есть химера, рожденная въ мозгу Поэтовъ. Когда ты будешь путешествовать, то не забудь оправдать мое замѣчаніе. —

Островъ, который ты видишь напротивъ полуденной стороны Трогиліума, называется Нареекисомъ. Мы замѣтимъ, что эта земля отстоитъ ближе всѣхъ другихъ отъ Греціи, только отъ Аппиканскаго мысу Семсума; Трогиліумъ лежитъ напротивъ.

Небольшая пристань, показывающаяся намъ въ западной сторонѣ Самоса, защищается толстою каменною стѣною, примыкающею почти къ самому мысу, для охраненія ея входа — эта-то славная стѣна составляетъ одно изъ трехъ чудесъ нашего

отечества; она длиною болѣе двухъ стадій, и погружена въ море на 250 шаговъ глубиною: это произведеніе подастъ попомкамъ нашимъ выскокую мысль о Самосцахъ и о могуществѣ морской ихъ силы. Безъ сомнѣнія, они очень многимъ обязаны Коринѳянину Аменоклесу, коимъ предложилъ имъ въ услуги свои дарованія. Сей искусный корабельщикъ былъ принятъ съ чрезвычайною радостію островитянами, желавшими получить хотя нѣкоторое участіе во владычествѣ надъ морями. Онъ-то послалъ нѣсколько кораблей, на которыхъ Батусъ перевезенъ въ Ливію (1), для основанія тамъ города Сирена. Намъ одолжены мореплаватели изобрѣшеніемъ перевозныхъ судовъ и для конницы. Но гораздо почтеннѣе было бы для насъ, если бы мы подали примѣръ хорошихъ нравовъ.

На твердой землѣ мало городовъ, укрѣпленныхъ столь величественными

(1) Или *Африку*, оба сіи названія означали одно и то же въ древней Географіи.

стѣнами, каковы Самосскія. Мы симъ одолжены каменоломнямъ нашимъ, почти неисчислимымъ. Посмотри на сію равнину, продолжающуюся до цѣпи Амеллосской, и образующую великой уголъ къ западу; она простирается вдоль около горъ; сіи стѣны различной величины по мѣстамъ, составленныя изъ большихъ четверугольныхъ камней бѣлаго мрамора, обдѣланныхъ, по большей части на площадкахъ, имѣющихъ по бокамъ четверугольныя башни, также мраморныя, въ 60 шагахъ одна отъ другой, выключая только утесистыя мѣста, укрѣпленныя самою Природою. Могутъ быть башни выше; но что касается до ихъ вида и расположенія, то есть ли прекраснѣе и лучше сихъ зданій?

Прежде нежели оставимъ сію часть Самоса, должно замѣтить, что однѣ развалины Цирка, въ продолженіи вѣковъ, будутъ предметомъ чрезвычайнаго удивленія. Придутъ изъ дальнихъ странъ раз-

сматривать его строеніе, все изъ бѣлаго мрамора; мѣста не поддерживаемы сводами: Архипекторъ предпочелъ сдѣлать ихъ на самой горѣ; опдѣлка ихъ нѣсколько груба; можетъ быть сдѣлаютъ когда нибудь лучше, но можно ли выстроитъ прочнѣе и оставитъ памятникъ продолжительнѣе сего и важнѣе? Какой городъ можетъ имѣть столь прекрасныя публичныя мѣста, украшенныя множествомъ мраморныхъ столбовъ, такъ какъ сіи могилы, возвышающіяся на холмахъ? Недоспаютъ только кипарисовъ; мрачная, безпрестанная зелень ихъ содѣлала бы мѣсто сіе самымъ привлекательнымъ.

Будутъ говорить также о нашемъ водопокѣ, которой на разстояніе 2000 шаговъ проводитъ здравую воду изъ Имбразы въ Самосъ, на вершину горъ. Онъ сдѣланъ въ низкой стѣнѣ, прерываемой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ долину, лежащую на воспокѣ отъ города, стѣна сія поддерживается сводами удивительной

величины. Ты можешь видѣть ихъ оп-
сюда на дорогѣ изъ Милеса въ Пиросъ.
Каналы, ошѣ шести до семи лактей въ
діаметрѣ, выдѣланы глиною, какой нигдѣ
нѣтъ, кромѣ нашего острова, и копорую
орошаетъ источникъ. Воды его, выходя
изъ горъ, сообщающѣ, можетъ бытъ, гли-
нѣ по свойство, копорымъ славятся всѣ
наши глиняныя произведенія.

Къ сѣверу у насъ есть другой источ-
никъ, для копораго сдѣланъ каналъ, впо-
рое чудо въ Самосѣ. Его можно видѣть
сквозь многія горы, на разстояніи ошѣ 5
до 6 сошѣ шаговъ. Вотъ каналъ во 150 пу-
азовъ глубиною, въ копоромъ сдѣлано оп-
верстіе на 850 шаговъ длиною. Попомки
наши, можетъ бытъ, удивятся: мы при-
нуждены были выкопать споль глубоко
для сохраненія поверхности водъ. По немъ
лежитъ дорога длиною на 7 спадій; Ар-
хипекторъ не Самосецъ: имя его Метаръ,
сынъ Навстрофѣвъ.

Къ западу на нашемъ островѣ спот-
итъ высочайшая гора. Недавно взошли
на вершину ея, и шамъ опкрыли жилу
глиниспой или бѣлой земли, копорую
способно чистить плашья; служители
Эскулаповы нашли въ ней нѣкопорую
силу для лѣченія; они еще не достигли
до совершенства въ сей наукѣ. Вречева-
ніе подобно нѣсколько наукѣ гаданій.

Въ опдаленныхъ мѣстахъ не разъ ви-
дѣли волковъ и даже шигровъ. Не лзя
думать, чшобы они родились на сей зем-
лѣ, но шѣмъ не менѣе страшны; впро-
чемъ у насъ есть желѣзныя руды для по-
раженія ихъ; земля наша по большой ча-
спи имѣетъ цвѣтъ ржавчины.

Третіе и величайшее Самосское чудо —
старой храмъ Нептуновъ. Согражданинъ
нашъ Менодотъ, копорой сочиняетъ ше-
перь книгу о всемъ, чшо только досшой-
но примѣчанія путешественника на на-
шемъ островѣ, увѣрялъ меня, чшо сей

храмъ есть произведеніе Карійцевъ, подъ управленіемъ Нимфъ. По его преданію, это первой памятникъ предшественниковъ нашихъ; другіе приписываютъ сіе величественное зданіе Аргонавтамъ. Они воздвигли его на- скоро, для помѣщенія тамъ приличнымъ образомъ Юнониной статуи, которой приносили они обѣты, когда отправлялись въ Самосъ, на берега Имбразы, гдѣ родилась сія Богиня. Ея изображеніе есть дѣло Смилисова рѣзца, Эгинскаго каменосѣчца и современника неусыпнаго Дедала. Матерія, изъ которой оно сдѣлано, не драгоценна: опрубокъ дерева представлялъ долгое время образъ Юноны, и поклоненіе сей Богинѣ было слишкомъ пламенно. Нынѣ примѣтны первые успѣхи Скульптуры, и едва помнятъ уже начала. Вотъ каковы люди! они всегда занимаются однимъ предметомъ на счетъ другаго.

Возвратимся въ храмъ матери Боговъ. Величественное сіе строеніе соотвѣст-

ственно пространству: оно возвышается на берегу моря, и дѣлаетъ видъ къ воспоку; основанія столбовъ необыкновенны; колонны, поддерживающія портикъ, оплечны опѣ боковыхъ: онѣ изъ бѣлаго мрамора, пьедесталы изъ сѣраго, и куполы изъ такого же камня, въ чешыре футовъ съ половиною въ діаметрѣ. Землепрясеніе поколебало только сіе огромное зданіе. Пифагоръ узнаетъ съ удовольствіемъ, что Архитекторъ сего строенія нашъ соотечественникъ: имя его Рескусъ, сынъ Филеевъ.

Въ немъ находящаяся при главныя статуи въ ростъ геройской, представляющія, на одномъ основаніи, Минерву между Геркулесомъ и Юпитеромъ. Юные ученики Истории трудовъ человеческихъ, придутъ разсматривать въ сихъ статуяхъ начала художества. Безъ сомнѣнія скоро заснутъ мѣсто сихъ безобразныхъ началъ произведенія совершеннѣйшія; но простой народъ не много

требуетъ: ему бы только дали боговъ; онъ не сморитъ, соопвѣтствуетъ ли изображеніе достоинству оригинала; его воображеніе дополняетъ прочее.

Еслили ты пойдешь къ востоку на край острова, то обрати глаза свои на реліефъ, гдѣ изображенъ богъ Эскулапій, который предлагаетъ двумъ или тремъ человѣкамъ, едва-едва за нимъ влекущимся, листокъ дерева, распускаго между нашими скалами. Это чистительное. Народъ, ни у кого не спрашивая, употребляетъ его во многихъ болѣзняхъ и чувствуетъ пользу.

Климатъ Самосскій здоровъ; земля, хотя суха, но была бы плодоноснѣе, еслили бы ее лучше обрабатывали, и оправдала бы сію пословицу: *самыя куры даютъ молоко.*

Сынъ мой! здѣсь и вездѣ ты можешь видѣшь и увѣришься, что не земля заключаетъ лѣно свое опъ людей, но люди не хотяшь употребить трудовъ своихъ для земли. Еслили бы Самосцы —

вмѣсто того, чтобы обдѣлывать пристани, возвышать башни, извлекашь съ великимъ трудомъ мраморъ изъ каменоломней для строенія храмовъ и темницы, которую украшаютъ они подъ именемъ града — еслили бы Самосцы, говорю, подружались съ Природою, то, можетъ быть, не прославились бы столько; но за то не многія области были бы щастливѣе ихъ и спокойнѣе. Не оставая своего острова, они на немъ нашли бы свое блаженство и тишину, безъ которой щастіе быть не можетъ. Для чего не ограничили они трудовъ своихъ тихими занятіями первыхъ своихъ предковъ? Вся Іонія добровольно содѣлалась бы данницею мирнаго трудолюбія. Море Икарское покрылось бы малыми судами, плывущими къ пристани *Галеръ*, для полученія прекрасныхъ глиняныхъ (1) произведеній Само-

(1) Извѣстныхъ у Римлянъ подъ общимъ именемъ *Фиделія*. Это были сосуды изъ бѣлой земли, для всякихъ употребленій, для вина и другихъ напитковъ.

скихъ. Мы бы промѣнивали сосѣдямъ прекрасной ясписъ нашъ на другіе товары, которыхъ у насъ нѣтъ; — мы бы заслужили всю ихъ благодарность, позволивъ имъ собирать на горахъ нашихъ цѣлительныя травы, которыхъ тамъ очень много; они бы отдали намъ все, чего бы только мы ни попросили за сей Самоской камень, способный для полированія золота, и столь нужный въ мѣхъ странахъ, гдѣ царствуетъ роскошь; столь необходимый для жрецовъ Цибелиныхъ, жертвующихъ, для угожденія божеству сему, своимъ поломъ. Мы бы могли также позволить имъ рубить прекрасныя сосновые лѣса наши, лежащія къ сѣверу, которые мы едва умѣемъ употреблять; — мы бы пользовались своими дубами, которыхъ нѣкогда столь много было на семъ островѣ, что онъ даже имя свое получилъ отъ нихъ; и наконецъ мы содѣлались бы — естли можно такъ сказать — народомъ *священнымъ*, подобно вѣшвистому дереву посвященному Юпитеру. Отдаленнѣйшія области,

пронувшись невинностію нашей полипики, отправили бы пословъ къ намъ для совѣщанія и посредничества нашего въ ихъ дѣлахъ. Самые бѣдные островитяне, ни мало не прѣученные къ сраженіямъ, были бы примѣромъ мудрости и умѣренности для всей Греціи.

Жители Самоскіе не могутъ еще цѣнить сихъ надежныхъ благъ и сего истиннаго величія; они хотѣли прежде набогатѣться, чтобы сдѣлались могущественными. Но это стоить имъ спокойствія, добродѣтелей, и даже собственности ихъ независимости. Они блистали, и еще блистаютъ. Но чего стоить имъ сей блескъ! и сколько бѣдствій готовится для нихъ въ будущемъ! И все это для удовольствованія ребяческому тщеславію. Имъ хотѣлось также имѣть монументы, чтобы показывать чужеземцамъ. Они всякой день говорятъ путешественникамъ, приходящимъ къ ихъ берегу: „сей городъ, весь мраморный, столько спаръ,

сколько прекрасенъ и обширенъ. У насъ есть верхній и нижній городъ: нижній давно уже выстроенъ Тимбреемъ и Государемъ Прокломъ по плану Иона, Афинскаго Архитектора; верхній, совершенно новый, выстроилъ Рекусъ, сынъ Филеевъ, и шопъ и другой — Самосцы. Аргонавты, приплывши къ намъ, выстроили храмъ Юнонинъ, столь грубой, столь несовершенствою въ частяхъ своихъ, какъ и статуя сего божества, которую привезли они съ собою. Рекусъ перестроилъ его съ помощію Θεодора, сына своего, Архитектора и Скульптора вмѣстѣ. Онъ сдѣлалъ изъ него храмъ величественнѣйшій всѣхъ извѣстныхъ. Фелеклесъ, другой сынъ его, поддержалъ славу своей фамилии. У насъ хранится точное и вѣрное описаніе теоріи и практики, руководившей его въ семъ великомъ предпріятіи. Мы потому же самому архитектору одолжены лабиринтомъ, который вы увидите. Онъ выстроилъ его по плану Критскаго, изобрѣтеннаго Дедаломъ. Сія

колоссальная статуя Пифейскаго Аполлона, которой опущенныя руки и одна нога впереди находящаяся, показываютъ положеніе походки: это также произведеніе сихъ двухъ братьевъ, Фелеклеса и Θεодора. Они оба трудились надъ нею въ Египетскомъ вкусѣ; но каждой изъ нихъ отдѣлывалъ половину, одинъ на семь ословъ, а другой въ Ефесѣ. Подобныя строенія часто употреблялись на берегахъ Нила. Когда кончилась работа, то обѣ половины сей статуи соединены были съ величайшею точностію. Конечно архитепты были увѣрены въ пропорціональности по общему образцу.“

„Почтенные странники! поживите въ Самосѣ. Природа и Искусство подають здѣсь другъ другу руки, чтобы тѣмъ больше нравиться людямъ.“

Такимъ-то образомъ принимаемъ мы чужестранцевъ, упомляя слухъ ихъ извѣщеніемъ своихъ преимуществъ; ибо

Самосъ , по крайней мѣрѣ, хочеть спорить въ превосходствѣ съ славнѣйшими народами. Чужестранца, вѣхавшаго въ городъ, пошчасъ окружають и ведутъ въ храмъ Меркуріевъ , выспроенный на вершинѣ холма , откуда видны плывущія суда въ пристань *Галеръ* ; потомъ провожаютъ въ другой ближній , которой едва виденъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Сполько онъ углубленъ , или , такъ сказать , погребенъ въ глубокой долинѣ ! Но колонны его украшены рѣзьбою и куполы обвѣшаны в о к р у г ъ лиснемъ *аканшіи*. Архиправъ изъ краснаго и бѣлаго ясписа. Наконецъ водятъ путешественника, можеть бытъ очень успалаго , между гробницами, собранными на семъ холмикѣ , внѣ города , у воротъ предмѣстья. Солнце каждой день при бѣнствуетъ ихъ послѣдними своими лучами. Ни одинъ изъ сихъ малыхъ памятникѡвъ не имѣеть рѣзьбы на рельефѣ; просные выглаженные камни занимають мѣсто пиластръ и колоннъ; но всѣ они изъ бѣлаго мрамора. И естли

что ободряеть чужестранца , то развѣ сполько , что на большой части гробницъ сихъ нѣтъ надписей: ибо его заставили бы еще разбираеть ихъ и чистаеть.

Первые островитяне не были сполько горделивы. Безъ сомнѣнтя они жалѣли о друзьяхъ своихъ , о родныхъ , и почитали умершихъ сполько , сколько и мы ; но выраженіе печали ихъ было гораздо проспѣе , однакожь не менѣе чиспосердечно , искренно и живо.

Каждое семейство посвящало особенное мѣсто въ своемъ владѣнтіи , для сохраненія въ немъ священныхъ останковъ опцевъ и дѣшей своихъ. Возвышенный дернъ вдали показывалъ гробницу. Мраморный памятникъ не возвышался надъ нею; но сердца оставшихся послѣ него не были такъ хладны , такъ жеспки, какъ мраморъ. —

Каждое упротомная горестъ орошала слезами печальный сей

дериѣ, и въ вечеру усыпала его свѣжими цвѣтами. — Когда дѣти предпринимали какое намѣреніе, то приходили совѣтоваться съ опцемъ своимъ. Они сядились на его могилѣ, какъ будто для того, чтобы внимаѣ ему, и возвращались опшуда, будучи вдохновенными. Нѣсколькo минуѣ, проведенныхъ въ размышленіи на гробницѣ родителѣ или друга, могутъ вдохнуть намѣреніе мудрое, благое.

Намъ не извѣстно уже сіе священное обыкновеніе. Мы показываемъ пышность намъ, гдѣ нужна только одна чувствительность. Ищемъ мрамора — но не находимъ слезъ: доказательствѣ нашего сожалѣнія и благодарности. —

Самосская Сивилла.

Пифагоръ! сказалъ мнѣ Гермодамасъ: ты прежде занимался чтеніемъ Сивиллиныхъ книгъ, и безъ сомнѣнія не забылъ еще, что Самосскія лѣтописи, которыхъ лучшую рукопись нашелъ ты въ библіотекѣ опца своего, упоминаютъ о Сивиллѣ, родившейся въ нашемъ городѣ и довершившей славу нашего острова, который опличался многимъ чудеснымъ. Правда, что многіе спорятъ о ея рожденіи; говорятъ, что она прежде называлась Герофилою; жилищемъ ей служила пещера за нашимъ Меркуріевымъ храмомъ. Говорятъ, что она жива еще, но ея нѣтъ здѣсь. Во всемъ нашемъ островѣ прославляютъ точность ея предсказаній; она никогда не хотѣла изображать ихъ на таблицѣ, и даже не вѣряла древеснымъ листьямъ, которые легкой вѣтрѣ уноситъ.

Мудрый наставникъ мой! сказалъ я Гермодамасу: мнѣ хотѣлось бы видѣть и слышать Сивиллу.

Гермодамасъ. Не уже ли ты хочешь узнать число лѣтъ, опредѣленныхъ тебѣ природой, и происшествія, которыя должны сопровождать ихъ?

Пифагоръ. Нѣтъ; мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе знать прошедшее, нежели будущее. Проси сему любопытству, безъ сомнѣнія позволительному въ мои лѣта. Можетъ быть во время дальнихъ путешествій моихъ увижу я Герофилу, или какую нибудь другую Сивиллу; для меня всё равно; онѣ конечно похожи одна на другую. —

Гермодамасъ. На семъ островѣ я доставляю тебѣ сіе удовольствіе.

Пифагоръ. Какъ! въ Самосѣ? мнѣ говорили объ этомъ, но я не хотѣлъ тому вѣрить . . .

Гермодамасъ. Собственные глаза и слухъ твой увѣрять тебя въ этомъ.

Пифагоръ. Но истинная ли это Сивилла?

Гермодамасъ. Ихъ нѣтъ. ложныхъ, сколько мнѣ извѣстно; имъ всёму должно равно вѣрить. Та, которую ты увидишь, называется Биосъ. Не извѣстно, откуда она и какимъ образом заснула должность Герофилы въ той же пещерѣ; можетъ быть случай завелъ ее въ сіе мѣсто; можетъ быть она заснула въ ней, и пробудилась съ новымъ даромъ. Домашнія заботы, несчастная стращь могли расположить духъ ея къ принятію впечатлѣній отъ мѣста, видѣвшаго столько чудесъ. Не много нужно, чтобы воспламенить умъ мужчины, а особливо душу женщины. Въ словахъ не рѣдко краснорѣчивыхъ, вырывающихся изъ устъ Биосы, часло видны рѣдкія черты, заключающія въ себѣ мудрыя наставленія. Часло также скры-

ваетъ она истину въ двусмысленныхъ словахъ, употребляемыхъ не безъ намѣренія. Удивительная сія женщина приготовилъ себя къ чудеснымъ произшествіямъ, копорыя будутъ представляться тебѣ въ продолженіи своего путешествія. Пойдемъ скорѣе.

Гермодамасъ говорилъ мнѣ дорогою о предметѣ, копорый сколько занималъ меня. „Должно знать тебѣ, сказалъ онъ такъ тихо, что едва можно было слышать слова его: женщины, копорыя опправляющъ сіе званіе, сперва бывающъ можетъ быть добродѣтельны, но скоро успѣхъ въ намѣреніи развращаетъ ихъ; наконецъ онѣ позволяющъ себѣ своевольства, копорыхъ проспой народъ бываетъ жертвою. Правительство, подъ присмотромъ копораго онѣ находятся, употребляетъ ихъ для собствнныхъ выгодъ угрозами или обѣщаніями; наконецъ онѣ дѣлающъ орудіемъ Правительства: имъ дающъ наставленія, нужныя для ихъ за-

нїя. Еслили властлюбивый законодатель хочетъ обнародовать новыя учрежденія, то Сивилла приходилъ въ изступленіе и предсказываетъ то, что Сенатъ или Дворъ опредѣляетъ противъ общаго мнѣнїя. Не было еще ни одной женщины, копорая бы воспользовалась впечатлѣніемъ, производимымъ ею въ умѣ проспаго народа, и открыла бы истину. Но она только однажды употребила бы сію благородную вольность. И такъ, не находя никакой поддержки въ людяхъ, копорые бы подло оставили ихъ, онѣ почищаютъ обманъ своею обязанностію и потребностію.

Мы приходимъ къ пещерѣ Сивиллиной: она была заперта; мы несли въ рукахъ своихъ лавровыя вѣтви. Спучимся; дверь отворяется, или, лучше сказать, вѣтви переплетенныя проспникомъ и образующія дверь упадающъ, и мы видимъ при горящѣ пламенника, посланные въ равномъ разстоянїи одинъ опъ другаго и бросающѣ печальный свѣтъ.

Желѣзный шреножникъ, не весьма высокій, споялъ среди пещеры; на немъ, пылалъ непрерывной огнь въ мѣдномъ сосудѣ, покрытомъ желѣзною рѣшешкою, сквозь копорую выходило облако ароматовъ. По лѣвую сторону, при входѣ въ пещеру, сдѣлана впадина, обыкновенное жилище Сивиллы; покоясь на постели изъ сухихъ листьевъ, Биосъ могла, не перемѣняя положенія, опускашь преграду изъ вѣшвей, копорая служила ей вмѣсто двери. Мы подходимъ; на шренъ шагъ неизвѣстный голосъ останавливаетъ насъ сими словами: Смертные! чего ищите здѣсь? Если испины опасной или ушѣшительной, то приходъ вашъ для меня пріяшенъ.

„Божественная Биосъ! сей лавръ открываетъ тебѣ наши намѣренія, опвѣшествовалъ Гермодамасъ. Сынъ Мнесарковъ едва еще вступаешь въ поприще жизни; я совѣштовалъ ему, чшобы онъ, прежде нежели отправишься путешествовать,

испросилъ у тебя вдохновенныхъ наставленій, копорыя бы могли руководшествовать его.“

Сивилла обратила на насъ взоры свои, не опвѣшествуя намъ. Тогда Гермодамасъ велѣлъ мнѣ бросить съ великимъ шумомъ горсть золотыхъ монетъ въ Самоскую чашу, поставленную предъ шреножникомъ. При семъ шумѣ Биосъ поднимается, и остается опершись на свою руку. „Пифагоръ! сказалъ мнѣ Гермодамасъ: нужна вторая горсть золота; Биосъ пробуждается не скоро.“ — Звукъ сего новаго приношенія подѣшествовалъ на нее: она вспала и прислонилась къ шроспниковой рѣшешкѣ.

Гермодамасъ. „Пифагоръ! шретѣ жертвоприношеніе совершенно испребитъ вліяніе Морфеева маку.“ Дѣшшительнo послѣ сего шренъяго приношенія Биосъ приближается къ шреножнику; раздуваетъ огнь, копорый былъ покрытъ пеломъ;

береть небольшой сосудъ, поставленный на краяхъ чаши, и бросивши бѣглый взоръ на нашу богатыю жертву, изливаетъ благоуханія въ чашу, стоящую на преножникѣ, и закрываетъ ее въ то же время; попомъ она медленно обошла вокругъ его девять разъ, что доставило намъ случай разсмотрѣть сію женщину. Она имѣла высокій станъ; блескъ лица угасъ уже, но впалые глаза ея казались не менѣе пламенными. Длинная одежда, или, лучше сказать, не сшитое сукно темнаго цвѣта покрывало ее съ головы до ногъ. Желѣзною булавою были приколоты ея черные волосы, небрежно собранные назадъ. Наконецъ она всходитъ на преножникъ, разливая ароматическій запахъ, и требуетъ у меня лавровую вѣтвь, которую держалъ я въ рукѣ своей. Мудрость Гермодамаса, извѣстная во всемъ оспровѣ, препятствовала очарованію дѣйствовать съ обыкновенною скоростью. Несмотря на то, минуша вдохновенія настала, и Сивилла поспешно переходила

отъ восторга къ бѣшенству; вдругъ священное изступленіе объемлетъ ее, волосы становятся дыбомъ — опускаются, и упадаютъ врозь по плечамъ ея. Въ черты лица перемѣняются; поппъ печетъ по щекамъ ея, и грудь, задыхаясь, едва - едва подымается, какъ будто бы великая тяжесть ее угнетаетъ. Три раза открываетъ она уста свои, и — не можетъ выговорить ни слова. Кажется страшная сила, дѣйствующая такъ ужасно надъ нею, обременяетъ ее вдохновеніемъ. Сивилла, желая сказать много, ничего не говорила. Иной бы подумалъ, что она падетъ подъ бременемъ конвульсій, прежде нежели выговоритъ хотя слово. Благоуханія, курившіяся у ногъ ея, составили вокругъ нее облако, которое почти совершенно скрывало ее отъ нашихъ любопытныхъ взоровъ. Сквозь сіе дымное покрывало дикимъ голосомъ произнесла она слова, вдохновенныя въ нее болѣе присутствіемъ мудраго Гермодамаса, нежели силою

бога Бионы (1). „Жилели подлуной! восстаньте; день правосудія близокъ: я уже вижу зарю его. Пусть Марсъ сложитъ доспѣхи! пусть Беллона успокоится! пусть упомянутые убійцы удержатъ свою сѣкиру, пусть кровь перестанетъ печь!... Что я вижу? изъ безднѣ морей встаетъ тихо смертный другъ боговъ. Онъ грядетъ, препоясанъ Истиною. Мракъ исчезаетъ по слѣдамъ его. Новый свѣтъ блистаетъ для того, кто желаетъ видѣть ясное; онъ вѣщаетъ, и слова его — благошворная Истина. По гласу его падаютъ дѣти съ несчастныхъ, копорые тяжко спонали, и никто не внималъ ихъ спону. Маски разрываясь на гнусныхъ лицемѣрахъ; народы сближаются, стремясь въ объятія другъ къ другу, изумясь тѣмъ, что шакъ долго не почтили себя взаимно браньями, спыдаясь, что заставили другихъ напомануть имъ объ

(1) Это предсказаніе и предшествующія ему обстоятельства находятся въ собраніи спиховъ Сивиллиныхъ. Том. II.

этомъ. Одинъ человекъ совершитъ сіе первое чудо въ свѣтѣ; одинъ благонамѣренный человекъ перемѣнитъ видъ вселенной, и возвратитъ спраждущему человечеству щасливый вѣкъ Аспреинъ, когда земля не обогрелась даже кровію живошнихъ. Геній зла, доселѣ дерзкій побѣдитель, долженъ уступить опныи пальмовую вѣтвь Генію добра. Все перемѣнится: не будетъ уже болѣе злыхъ. Царствованіе добрыхъ наступаетъ... я вижу его.... оно близко... непросвѣщенные удалитесь! Я сказала, удалитесь!“ — Мы вышли изъ пещеры Биониной. Сивилла теперь была весьма оспорожна, сказалъ мнѣ Гермодамасъ.

Пивагоръ. Я подозрѣваю причину. Очень рѣдко просятъ у нее совѣловъ шакіе люди, каковъ мудрый Гермодамасъ; и еспли бы мы одни были съ нею, шо можеть быиъ она оставила бы всѣ предуготовленія къ разговору, и обошла бы — безъ нихъ. Возвратимся къ ней. Тамъ, будучи одни съ

нею, безъ свидѣтелей, мы получимъ отъ нее признаніе. . .

Гермодамасъ. Пивагоръ! твоя молодость не позволяетъ ей имѣть къ тебѣ такой довѣренности: она будетъ спрашиваться твоей нескромности; и хотя была бы она столько неблагоприятна, чтобы открыла намъ тайны своего званія, но ты не узналъ бы ничего новаго; опытъ увѣришь тебя въ томъ слишкомъ рано. Одна половина людей играетъ надъ другою; бывъ обманушы, и обманывая въ свою очередь, они не могутъ упрекать въ этомъ другъ друга. Жрецы Меркуріевы увѣряютъ насъ въ сей горестной истинѣ; завтра мы увидимся съ ними.

Любезные ученики мои! ея подробности, и всѣ другія, въ которыхъ буду входить въ продолженіи повѣствованія, не покажутся вамъ скучными. Они ведутъ насъ къ истинѣ. Не всегда должно обращать вниманіе на одну только сущность вещи. Надушья и пышныя

слова, исполинскія карпины, принужденныя чувствованія; высокія, по видимому, но ложныя мысли, служили болѣе шарлатанамъ въ Полистикѣ и Религіи, нежели мечъ и огонь. Деспотизмъ и ложь не могутъ устоять противъ пронцашельнаго разума (1), который видитъ ихъ обыкновенія и обряды. И такъ будемъ все рассказывать; не опустимъ ничего; спанемъ обращать на все вниманіе; безпредѣльная Природа состоитъ изъ существъ безконечно простыхъ (2).

VIII.

*Богослуженіе Меркурія и Нептуна;
ихъ храмы и жрецы.*

Мы пошли въ храмъ Меркуріевъ, сооруженный между приспанью и площадью. Сіе зданіе хотя не можетъ почесаться образцемъ Искусства, но служитъ

(1) Сммотри законы Пивагоровы.

(2) Столь простыхъ, по мнѣнію Пивагорову, что онъ представилъ ихъ въ числахъ.

памятникомъ, привлекающимъ вниманіе Художниковъ. Въ сей день праздновали торжество Меркурія, подъ именемъ *Хари-дота* (1). Въ нашихъ глазахъ жрецы влекли идола на самый берегъ моря; толпа купцовъ окружала его, всякой изъ нихъ имѣлъ въ рукѣ своей кошелекъ съ деньгами; Герольдъ, съ Меркуриевымъ жезломъ, открывалъ сей торжественный ходъ. Овенъ (2) находился среди ихъ. Статуя божества сего сопровождается Музами, копорымъ предшествовалъ верховный жрецъ, въ бѣлой одеждѣ и съ скипетромъ Краснорѣчія въ рукѣ своей; группа дѣвицъ, въ такихъ же одеждахъ, имѣя на лицахъ длинныя покрывала, проспирившіяся до самаго пояса, представляли души умершихъ, и пѣни, копорыя Меркурій препровождаетъ въ царство *Плутона*. При семъ торжественномъ ходѣ пѣли гимнъ, сочиненный Гомеромъ. —

(1) Низпосылающаго милости. Плутархъ, *Questions Grecques*.

(2) Артемидоръ 11, 12. Павзаній.

Когда весь спекшійся народъ достигъ морскаго берега, то жрецы весьма искусно совершили обыкновенный свой обрядъ; онъ состоитъ въ томъ, чтобъ непримѣтно скрыть отъ взора присущивующихъ статую Меркурія, а на мѣсто ея поставишь пирамиду священныхъ хлѣбовъ, копорыя получаютъ женщины и дѣти, окропленныя святою водою. Многие изъ присущивующихъ не забыли взять съ собою сей воды въ небольшія урны, чтобы возлишь ее на свои повары.

Возвращаясь съ торжества сего, Гермодамасъ представилъ меня верховному жрецу Меркуриеву, говоря ему: позволь молодому Пиагору, копорой хочешь учиться, предложишь тебѣ нѣкопорыя сомнѣнія, и прими на себя трудъ рѣшишь оныя.

Пиагоръ. Верховный жрецъ! правду ли мнѣ сказали, что, между шѣмъ какъ ты первенствовалъ на торжествѣ Меркурія, особенный обычай въ Самосѣ позво-

ляешь, и даже даетъ право грабить путешественниковъ на большихъ дорогахъ, такъ, что воровство дѣлается священнымъ? Вотъ прекрасный обычай!

Для чего не такъ? отвѣтствовалъ мнѣ жрецъ. Выключая сей день, во всякое другое время воровство запрещается и наказывается строго. Жители, зная это, должны быть въ сіе время оспорожны.

Пивагоръ. Но чужестранцы, которые не могутъ знать обычаевъ всѣхъ народовъ, что должны подумать о нашемъ отечествѣ, еслили пристанутъ къ нашему острову въ день Меркуріева праздника? Такъ ли, скажутъ они, поступаютъ въ Самосѣ по законамъ справедливости, и исполняютъ обязанности господа-примства?

Молодой человекъ! отвѣтствовалъ мнѣ жрецъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ: есть обычаи, въ которыхъ не можно, а можетъ быть и не должно опда-

вать опчету. Сіе обыкновеніе введено въ память того, что островитяне жили прежде нѣсколько лѣтъ разбоемъ и грабежами.

Пивагоръ. Поспѣдное воспоминаніе для Самоса!

Верховный жрецъ. Вездѣ найдешь ты такіе обычаи, на которые не обращаютъ вниманія, когда они не влекутъ за собою весьма важныхъ слѣдствій. Это не удивительно; люди такъ сотворены: почти вездѣ они имѣютъ нужду въ снисхожденіи Правительства.

Гермодамасъ. (улыбаясь и въ полголоса) Пивагоръ! тебѣ не сказали еще, что служители Меркуріевы раздѣляютъ добычу съ шѣми, кои въ честь божества сего ограбятъ путешественника на большой дорогѣ; они получаютъ десятую часть изъ добычи.

Не должно ли жрецу жить отъ своего бога? возразилъ мнѣ верховный служитель съ великимъ жаромъ.

Тутъ Гермодамасъ взялъ меня за руку, и опшелъ опъ сего храма, — убѣжища грабителей и разбойниковъ.

Мы встрѣшились съ купцами, возвращавшимися въ свое жилище, и разговаривали съ ними о семъ спранномъ обрядѣ.

„Чего вы хопите?“ сказали они мнѣ; мы еще щаспливы пѣмъ, что жрецы Меркуріевы, копорые прикрываютъ грабежи именемъ божества сего, шребуютъ шолько десяшую долю добычи; еспли бы они пошребовали и крови ограбленныхъ — шо получили бы ее.

Пивагоръ. Какъ можно шносить это на островѣ шполь цвѣшущемъ и обогащенномъ шорговлею? Законы Спаршы, кажется, даютъ право на воровство сынамъ республики, шшобы сдѣлашь ихъ способными къ сохраненію шого, шшо имъ принадлежитъ: но въ Самосѣ какая польза можетъ шроизойти опъ шого?

Гермодамасъ. Ты правъ; священныя обряды, непрошвныя разсудку, поддерживаются сами собою. Но иногда всякой видипъ, шшо они оскорбительны для общества, — и никто не смѣетъ ихъ шронуть; а еспли бы кто осмѣлился, шо еще худшее злоупотребленіе зашупило ихъ мѣсто; сіе шо поддерживаетъ ихъ, не говоря о выгодахъ, какія имѣетъ опъ шого Правительство. Дворъ не можетъ обойшиться безъ жрецовъ, а жрецы безъ Него.

Мы разстались съ сими честными Самосскими купцами, спѣша осмотрѣшь мысь и храмъ Непшунувъ. На дорогѣ я увидѣлъ кучи камней, набросанныя однѣ опъ другихъ въ довольномъ разстояніи.

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ мнѣ Гермодамасъ: набожныя путешественники почишаютъ священною обязанностію очищать мѣста, проѣзжаемая ими, опъ всѣхъ камней, находящихся подъ ихъ ногами. Сіе шродное людямъ доброжелательство сдѣ-

лалось въ семь, такъ какъ и въ другихъ случаяхъ, дѣйствиемъ Религіи. Но скоро чувствено личности и корысполюбія даде другой видъ сему хорошему дѣлу: чрезъ сіе дѣйствіе надѣются теперь снискашь милосшь Меркурія и его божественное покровишельство во время путешествія. Къ щасстью, хотя причина переѣнилась, но происпекающее отъ того добро оспалось тоже. Сія недовершенные намяшники суевѣрспва возвышающся обыкновенно, какъ ты можешь въ томъ увѣришься, у подножія Гермесовыхъ или Меркуріевыхъ деревянныхъ стлпуй, поставленныхъ на многихъ большихъ дорогахъ, и служащихъ знаками для прѣзжающихъ. Это нѣкоторый родъ стлбовъ, поставленныхъ предъ богомъ, охраняющимъ большія дороги.

Въ первые годы богопочитанія, сія куча камней служила вмѣстѣ храмомъ, олшаремъ и кумиромъ божества.

Пиеа орѣ. Тогда не имѣли нужды въ скульпперахъ.

Гермодамасъ. Воображеніе заступило мѣсто всѣхъ искусствъ; оно все украшаетъ.

Пиеа горѣ. Сія куча камней не столько для меня пропивна, какъ олшари, видѣнные мною въ Самосѣ, воздвигнутые кровію и пепломъ жерпвъ.

Гермодамасъ. И какія увидишь ты въ Іоніи и въ другихъ еще мѣстахъ.

Мы пришли въ храмъ Непшуновъ. Должно смотрѣшь на него издали съ моря. Опышный Архитекторъ зналъ цѣну прекрасной опдаленной громады, образованной для того, чшобы поражать взоры издали. Три жреца служатъ въ семь храмъ, коего стѣны украшены священными изображеніями. Въ немъ бывающъ два рода жерпвоприношеній: какъ отъ путешествіе никовъ, отправляющихся въ мо-

ре, такъ и онѣ шѣхъ, кои входятъ въ приспань; сіи послѣдніе болѣе богаты, нежели первые. Опасности, грозившія плавателямъ, живѣе прогаютъ ихъ и дѣлаютъ набожнѣе, нежели шѣ, коихъ оныхъ они еще не видали. Жрецы Непшунуны питаются оспапками отъ жертвоприношеній, получаютъ десятую долю того, что море выбрасываетъ на берегъ послѣ бури, и раздѣляютъ между собою добычу несчастныхъ] жертвъ кораблекрушенія. Подобно хищнымъ птицамъ, бросающа на сего мыса къ оспапкамъ кораблей, выброшенныхъ на берегъ; и какъ они имѣютъ топографію сихъ водъ, то многократно, при помощи нѣсколькихъ безчеловѣчныхъ мажросовъ, въ темную ночь представляють издали кораблю, находящемуся въ опасности, вѣроломный факель, чшобы заманишь его къ подводнымъ камнямъ, гдѣ онъ разбивается, и оставляетъ богатую добычу рукамъ хищнымъ и святошапскимъ.

Богослуженіе Юноны.

Сколько мысѣ и храмъ Непшунуовъ привлекаетъ взоры путешественниковъ, прибѣгающихъ въ Самосѣ, столько природные жители всѣмъ жертвуютъ для храма Юнонина: это одно изъ древнѣйшихъ зданій на островѣ и даже на матерой землѣ; мы уже говорили объ немъ. Вотъ еще новое описаніе и обрядъ богослуженія, коимъ и по сіе время въ немъ совершается. Не много есть храмовъ, подобныхъ ему въ огромности: проспанная зала опредѣлена въ немъ для карпинъ, спашуй и другихъ драгоценныхъ жертвъ, приносимыхъ великой Богинѣ.

Среди сихъ сокровищъ можно видѣть славную мѣдную чашу, сдѣланную Самосцами на счетъ десятой части, шой несмѣтной добычи, съ которою возвратились они изъ путешествія своего за

столбы Геркулесовы. Сей сосудъ такъ великъ, что можетъ скрывать человека, стоящаго позади его. Онъ имѣетъ фигуру судна, безъ сомнѣнiя въ воспоминанiе корабля Аргонавтовъ, положившихъ основанiе храму Юноны.

Карійцы, жадные къ золоту и славѣ, приславши къ острову Самосу, думали о легчайшихъ и надежнѣйшихъ средствахъ умножить населенiе его, привлекая чужестранцевъ и склоняя ихъ къ женидбѣ. Осмотрѣвши главные извѣстнѣйшiе города, они говорили между собою: *Извѣстно* по преданiямъ, что Аргосъ нѣкогда былъ колыбелью Юноны. Спимфала Аркадская гордится тѣмъ, что дала ей убѣжище во время вдовства ея. Эпруски Фалерскiе оспариваютъ у города Аргоса сiе преимущество себѣ, утверждая, что Юнона провела у нихъ свое дѣвство. Хотя сiя Богиня, дочь воображенiя Гомерова, или его предшественниковъ, была болѣе вдовою, нежели

дѣвственною, но объявимъ всѣмъ островамъ моря Икарійскаго и всѣмъ жителямъ Гоннi, что мы имѣли щастiе наслаждаться приеупствiемъ Юноны въ ея еупружествѣ; что сiя первая Богиня своего пола избрала беретъ Самоскiй для совершенiя на немъ своего брака, и что она предписала намъ мудрые законы. Носпѣшимъ воздвигнуть огромный храмъ Юнонѣ, покровительницѣ браковъ. Первой потребности Природы, первому основанiю всякаго общества принадлежишь всеобщее богослуженiе. Соорудимъ ей храмъ на мысѣ, въ шести стахъ шагахъ отъ моря; провзающимъ будетъ казаться, что благошворная Богиня приглашаетъ всѣ наци къ олшарю своему.

Въ главной галлерей нашего храма изобразимъ въ живѣйшихъ краскахъ Юнону и Юпитера, приносящаго жертву Гименею. Представимъ во всѣхъ прелестяхъ сей щастливой минушы свою божественную покровительницу, украшенную всѣ-

ми дарами Природы и Искусства, подобно невѣстѣ, которая въ первыя минуты брака хочетъ плѣнить своего супруга. Украсимъ ее блистательнѣйшими уборами. Торговля есть дочь роскоши. Назначимъ ей вмѣсто брачной кущи бесѣдку на очаровательномъ берегу Имбразы. Не забудемъ показывать всѣмъ любопытнымъ и легковѣрнымъ путешественникамъ виноградъ, освященный симъ бракомъ.

Не трудно было найти жрецовъ для богослуженія Юноны, предсавленной смертнымъ со всѣми достоинствами молодой, прекрасной супруги, въ прелестнѣйшее время женской жизни, въ минушу перехода ея отъ дѣвства къ замужству. Никогда намѣренія не имѣли столь щасливаго успѣха. Спеченіе народа въ Самосѣ для торжества Юноны столь велико, что островитяне могли бы обойтись безъ всякой другой торговли; они съ своей стороны не всегда показываютъ на са-

михъ себѣ примѣръ того, что хопятъ вдохнуть въ другихъ.

Въ день торжества украшаютъ всѣ дома въ Самосѣ и сосѣдственныхъ селеніяхъ, какъ будто бы Юнинъ бракъ во всякомъ изъ нихъ совершался. Не только женщины, но и самые мужчины носятъ браслеты; онѣ раздѣляютъ свои волосы, завивая ихъ локонами, которые съ пріятностью лежатъ на плечахъ ихъ.

Все, что только можетъ выдумать роскошь и нѣга, здѣсь не забыто подъ видомъ почтенія къ Юнонѣ. Новобрачные предшествуютъ свитѣ, взявшись за руки, увѣнчавъ себя бѣлыми и алыми розами, и слѣдуя за юношею, который, неся свѣшпильникъ въ рукѣ, представляетъ здѣсь Гименея. Они поютъ опривки гимна, сочиненнаго Гомеромъ Юнонѣ, жалѣя, что не имѣютъ полного сего драгоценнаго сочиненія. Вотъ первые стихи; они еще невиннѣе прочихъ подробностей сего праз-

днества: „Нюю Юону, безсмертную дочь Реи, которой небесная красота приводитъ въ опчяніе всѣхъ женихъ!“

Попомъ идетъ хоръ юныхъ дѣвицъ, несущихъ павлина, сидящаго на серебряномъ изображеніи луны, и гордящагося служеніемъ своимъ безсмертной Богинѣ.

Хоръ молодыхъ людей на ряду съ ними сопровождаетъ золотый скипетръ Царицы Олимпа.

Попомъ идутъ жрецы, несущіе съ важною на плечахъ своихъ дубовыя носилки, украшенныя рѣзбою съ особеннымъ искусствомъ. На нихъ поставлена статуя Юоны Самосской, которая имѣетъ на рукахъ своихъ золотыя, серебряныя и перловыя кольца. Ни что не покрываетъ ея груди, цвѣтущей какъ майская лилія во всей полноцѣ и свѣжести. Нѣсколько пониже, богатый поясъ сжимаетъ одежду ея, проспирающуюся

до самыхъ пятъ. Заворачивающійся верхъ сей одежды походитъ на мантію. Покрывало, упавая съ головы ея, составляетъ перевязь, естли вѣтеръ дунетъ въ него во время ходу; когда же оно распускается, то представляетъ два угла на рукахъ Богини, третій на головѣ, четвертый и послѣдній на ногахъ.

Преданіе, пріобрѣтшее всеобщую довѣренность, увѣряетъ путешественниковъ, что сама Юона сдѣлала рисунокъ своего убора и плащя; ей приписываютъ изобрѣтеніе женскихъ модъ и нѣкоторыхъ способовъ одѣваться съ пріятностію и убаивать голову со вкусомъ.

Я забылъ сказать, что она увѣнчана цвѣтами, которые называются *безсмертными*, безъ сомнѣнія для того, чтобы показать, что супружескій союзъ есть первое звено сей вѣчной цѣпи, связующей все существо и дѣлающей Природу непремѣнною. Сей вѣнокъ похожъ на небольшую корзинку, наполненную сими цвѣ-

тами и поставленную на головѣ Богини; ея украшеніе, выдуманное въ Самосѣ, вошло въ обыкновеніе на многихъ другихъ островахъ и на твердой землѣ.

Группа молодыхъ женщинъ идетъ напередѣ съ великою важностью, имѣя на головахъ своихъ корзинки съ священными вещами; ихъ медленные шаги подали поводъ къ поговоркѣ: *идти подобно Юнонѣ.*

Жрицы окружающъ ступую, и образуя вокругъ нее покрывало изъ благоуханій; за ними несутъ маковыя гирлянды для украшенія жершвенниковъ Богини: такой выборъ въ предметахъ изумляетъ. Можно ли возбудить соревнованіе въ мущинахъ, привыкшихъ къ лѣнноти?

На семъ великомъ торжествѣ присутствующи, въ особенности, женщины: это ихъ празднество. Манеры приводятъ шуда дочерей своихъ, потому что Юнона занимается и малѣйшими подробностями,

касающимися до новобрачныхъ и рождильницъ, и набожные жипели весьма сѣе уважающъ. Обряды ихъ, и самыя малозначущіе, пребуютъ, или по крайней мѣрѣ предполагающъ присущіе какому нибудь божеству.

Другія молодыя женщины несутъ на позлащенномъ жезлѣ изображеніе Самосской Юноны въ различныхъ костюмахъ. Одна изъ сихъ картинъ представляетъ ее съ нѣкоторымъ числомъ браслетовъ, или небольшихъ цѣпочекъ, копорыя, простираясь до ногъ ея, поддерживающъ знакъ Луны. Сія послѣдняя принадлежность прилична ей, такъ какъ Богинѣ мѣсячныхъ кровотеченій. Круги показываютъ, что Юнона научаетъ полъ свой считать извѣстные дни.

Одно изъ сихъ изображеній замѣчательно по головному убору Юноны: она увѣнчана кружкомъ, копорый, опираясь на оба плеча, поддерживаетъ на самой верху своемъ нѣчто подобное обращенной пирамидѣ.

Когда вся свита достигла до назначеннаго мѣста, то кровь юной оеетки лилась подѣ руками жрецовѣ.

Храмъ Юноны заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, многіе другіе. Въ немъ и при жертвенника: Геркулесовѣ, Юпитеровѣ и Минервинѣ. Безчисленныя жертвы приносятъ первому; народъ полпится безпрестанно въ его святилищѣ.

Въ священной рошѣ рѣшились мы подойти къ верховной жрицѣ, чтобы попросить у нее объясненій; но она, опасаясь проницательности Гермодамасовой, сказала намъ съ сухостію: одинъ изъ васъ еще слишкомъ молодъ, а другой слишкомъ старъ, чтобы быть посвящену въ наши таинства.

Еще слишкомъ молодъ! . . . сказалъ я Гермодамасу, который ничего мнѣ на сѣе не отвѣщивовалъ.

Послѣ узналъ я то, что старались скрывать отъ взоровъ юношества. Святое преданіе служитъ предлогомъ и извиненіемъ мо-

лодымъ дѣвицамъ Самосскимъ, чтобы во время празднества въ точности повторять за жертвенникомъ въ священномъ мѣсу то, что случилось съ Юною, и что сползло ей по крайней мѣрѣ ея дѣвственности. Гименей не только не ропщетъ на это, но радуется сему богослуженію, ведущему къ олтарю его. Духъ сего обряда соединяетъ вмѣстѣ Полипику и Религію. Опкуда произошло бы многолюдство, если бы Гименей, будучи разборчивѣе, отвергалъ всякую другую любовь? —

Гораздо труднѣе оправдать другой обрядъ, коимъ мудрый Гермодамасъ искусно скрывалъ отъ меня, но коимъ въ послѣдствіи увидѣлъ я почти во всей Авзоніи. Раздраженная Юнона вышла замужъ за Пріапа, котораго въ Самосу называютъ М у ш и н о м ъ. Новобрачнымъ повелѣваютъ мѣряться съ симъ богомъ, который пребудетъ, чтобы при семъ случаѣ были они совершенно наги. Правду сказать, благотворный покровъ ночи скрываетъ

сей священный обрядъ , но невинная жертва шѣмъ не менѣе осуждается на два пожертвованія вмѣсто одного : на потерю стыда , прежде еще лишенія дѣвственности.

Конецъ первой Книжки.

П И Θ А Г О Р Ъ.

Книжка вторая.

Х.

*Первое Пифагорово путешествие.
Начало міра.*

Такъ протекала юность моя , и душевныя силы возраспали подѣ руководствомъ Природы и мудраго Гермодамаса ; я ни во что не вникалъ еще , но начиналъ чувствовашъ пользу наставленій , воспаляющихъ въ сердцѣ любовь къ истинѣ. Въ это самое время покушался я содѣлать упражненіе отца моего своимъ собственнымъ упражненіемъ. Самъ онъ показалъ мнѣ начала своего искусства. За нѣсколько мѣсяцовъ предѣ кончиною родителя , я сказалъ ему о великомъ своемъ предпріятіи — мнѣ пришло на

мысль вырваться на ониксѣ трехъ Музъ, спорящихъ между собою о лирѣ. При сихъ словахъ Мнезаркѣ упоенъ былъ радостію; онъ увѣрился, что сынъ его получитъ въ наслѣдство способность своего отца. „Сынъ мой! сказалъ онъ, осылая меня поцѣлуями: ешьли въ семъ первомъ опытѣ, нѣсколько безразсудномъ для твоего возраста, покажешь свое дарованіе, то я позволю тебѣ написать подъ нимъ: *Пивагоръ, сынъ Мнезарковъ, въ 15 томъ году своего возраста.*“ Онъ продолжалъ: „въ такомъ почтенномъ возрастѣ и я началъ первую свою работу; похвала Египетскаго Архиспа, учишеля моего, ободрила меня и дала смѣлость, которую въ послѣдствіи успѣхи оправдали.“

Можетъ быть ни о чемъ столько не жалѣлъ, не печалился родитель мой при послѣдней минутѣ своей жизни, какъ о томъ, что я оставался безъ наставника, и что не могъ я обойтись безъ

него въ сей трудной наукѣ, въ которой одинъ только онъ превосходилъ всѣхъ въ Самосѣ. „Любезный сынъ! говорилъ онъ, просирая ко мнѣ ослабѣвающую руку — я умираю можетъ быть слишкомъ рано для славы нашего семейства. Какъ приятно, какъ сладостно было бы для меня, оставляя жизнь свою, оставить въ тебѣ другаго себя! увѣрь меня, что ты усовершенствуешь счастливыя твои склонности. О, ешьли бы ты могъ и заимать славу отца своего! — повѣрь, что тѣнь моя ни мало бы не оскорбилась. Скоро, скоро я успокоюсь сномъ вѣчнымъ, съ надеждою, что ты совершишь во всемъ предвѣщаніе Дельфійскаго Оракула. Сынъ мой! прими сей послѣдній совѣтъ, и начертанный его на душѣ твоей, еще юной, неопытной; хорошей художникъ болѣе значить, нежели великій Государь: образцовое рѣзное произведеніе дѣлаешь болѣе чести, нежели побѣда, или завоеваніе провинціи. Проси.“

Я прудился надъ шремя Музами и лирой, но болѣе уважая послѣднюю волю родителя, нежели слѣдуя собственннй склонности, и никогда не занимался сею работою съ великимъ прилѣжаніемъ. Геній мудраго Гермодамаса сильнѣе дѣйствовалъ въ душѣ моей, нежели Геній таланта, безъ сомнѣнія не столько нужнаго для усовершенствованія человѣческаго рода. Мудрый наставникъ открывалъ мнѣ тысячи предметовъ, столько сильно поражающихъ пылкое мое сердце, что я въ разсѣянннй занимался иногда совсѣмъ другимъ упражненіемъ. Всѣ способности мои вдругъ развивались, и мнѣ прудно было удерживать приливъ чувствованій, обнимающихъ разсѣянной мой разумъ.

Гермодамасъ, учитель мой, соображался во всемъ съ Природою, и совѣтовалъ мнѣ иппи по слѣдамъ ея; онъ не оставялъ меня только для того, чтобы удержать отъ заблужденій и пред-

охранить отъ всѣхъ бѣдствій. Такъ обводящъ оградою молодое, недавно посаженное дерево.

Однажды съли мы въ небольшую лодку, желая сдѣлать первый опытъ своего плаванія по морю, и безъ всякаго кормщика приспали къ маленькому острову, лежащему къ сѣверу, который въ поперешникѣ имѣлъ не болѣе тысячи шаговъ. Все пространство сего острова можно было обнять глазами. Почти на срединѣ его, очень возвышенной, находилась жилище одно только на семь островѣ, котораго просная наружность хотя и не въ пренебреженннй, но не соотвѣтствуетъ тѣмъ рѣдкимъ сокровищамъ, въ немъ находящимся, которыя дѣлаютъ уединеніе прелестнымъ. Чтобы приппи къ сему жилищу, должно прежде знать его, и найти тропинку, извивающуюся между лѣсомъ молодыхъ дубовъ, разсѣянныхъ въ извѣстномъ разстоянннй, зеленѣющихъ вокругъ дома, и густыми куд-

рявыми вѣтвями скрывающихъ узкую пропину такъ, что едва можно ее примѣнить. Хозяинъ сего дома выпроилъ его самъ съ своимъ семействомъ по законамъ Ликуровымъ, которые не позволяють употреблять при строеніи никакихъ другихъ орудій, кромѣ топора и пилы. На дверяхъ написанъ былъ девизъ одного изъ семи Греческихъ Мудрецовъ, недавно признаннаго всею Греціею: *Скрывай жизнь свою.* — Владѣтель сего дому считалъ Гермодамаса старымъ своимъ другомъ. И теперь еще могъ бы я подробно описать уединенное сіе жилище: такъ живо представляется оно глазамъ моимъ. Имя владѣтеля изгладилось въ моей памяти. Онъ, изъ любви къ одной сиспемѣ, избралъ сей островъ всегдашнимъ жилищемъ своимъ, чтобы спокойно провести на немъ остатокъ тихой своей жизни. Ни чѣмъ сколько не лзя было доставить ему удовольствія, какъ желаніемъ — слышать и узнать его сістему.

„Для чего она не извѣстна всѣмъ жителямъ подлунной?“ сказалъ онъ намъ — какъ бы они были щасливы! Земля и вода — вотъ двѣ единственныя стихіи вселенной; воздухъ и огонь — только дѣйствія движенія, душа міра. Шаръ земной, естли сказать истину, есть ничто иное, какъ большой островъ, болѣе или менѣе открытой, болѣе или менѣе омываемый моремъ или океаномъ. Говоря о капализмахъ (1), то есть, что вода покрывала земную поверхность, теперь поверхность земли выше воды. Великіе перевороты не производились скоро на земномъ шарѣ. Природа подобна большимъ вѣсамъ, которыхъ одна сторона необходимо должна подниматься, между тѣмъ какъ другая опускается; онѣ не находятся никогда въ совершенномъ и продолжительномъ равновѣсіи: ибо тогда было бы въ ней бездѣйствіе, котораго Природа сколько же спроситъ,

(1) Наводненіе, попопъ.

какъ и самаго ничтожества. Обѣ стороны сихъ вѣсовъ находящаяся не въ такомъ непрерывномъ и быспромѣ движеніи, чѣобы опѣшого произойти могло замѣшательство, разрушеніе всѣхъ законовъ гармоніи. Такъ наши вѣсы поднимающѣ и опускающѣ обѣ стороны постепенно. Тысячи тысячъ лѣтъ земля наша плаваешь по взаимности медленной и спокойной. Прежде сего времени, котораго не лзя точно опредѣлишь, живыя существа были — только рыбы. И неоспоримо, чѣо происхождение ихъ древнѣе происхожденія людей. Отдаленнѣйшія преданія говорятъ, чѣо первыя людскія жилища были не въ долинахъ и не у подошвъ горъ, но всегда на вершинахъ ихъ находящѣ первые слѣды человѣческихъ селеній (1); потому чѣо одни возвышенныя мѣста могли служить жилищемъ для человѣка. И такъ

(1) Смотри Плут. Кн. III de Legibus; онъ принялъ почти всѣ начала Италіанской школы, и — испортилъ истинный духъ ея, поправляя ее.

земля, представляющая теперь одинъ большой островъ, прежде подобна была Архипелагу, коего острова и жители сихъ почекъ земли умножались вмѣстѣ съ вѣками.

Не спрашивайте меня, почвенные гости, какъ и когда показались люди на возвышенныхъ мѣстахъ земли, оставленныхъ водами; я ничего обѣ этомъ не знаю, и — на чѣо знаешь это? Будучи малою частичкою земли, я знаю только нѣ ея свойства, которыя должны привести въ отношеніе цѣлое съ его частями. Не часть ли я земли (1), организованной солнцемъ? Намъ извѣстно, чѣо есть вода, горы и люди, а болѣе знать я не желаю. Другая неоспоримая истина есть та, чѣо люди до нѣхъ токмо поръ были щасливы и добры, пока жили особенными се-

(1) Анаксимандръ ex aqua terraque calefactis homines exortos esse putavit. Полид. Виргил. III.

мействами на Архипелагѣ. Вѣкъ Аспреинъ, описанный священнымъ языкомъ Поэзіи (ибо тогда Муза Испоріи не была известна), составлялъ ту щасливую, быструю эпоху, когда весь известный свѣтъ обиталъ на возвышенныхъ мѣстахъ земли (1), которыя одни могли быть способными для жилищъ сихъ новыхъ твореній. — Съ того времени, какъ скоро источникъ нашелъ свободный ходъ между зеленью въ цвѣтущемъ саду, которой прежде сего былъ бесплоднымъ; по безчисленное множество распеній и водныхъ насѣкомыхъ сами собою родились на берегахъ его. Такъ почно явились люди и живошныя, какъ скоро земля приняла видъ новой. Но сіи первые люди, которыхъ доля завидна, до тѣхъ только поръ

(1) Отъ того происходитъ эпитетъ *Высогайшаго*, данный Богу почти всѣми народами; потому что почти всѣ націи прежде обожали Солнце, плавающее въ наружи небесъ.

были щасливы, добры и здоровы тѣломъ и душою, пока жили семействами въ нѣсныхъ предѣлахъ своихъ владѣній, и посылали небольшія колоніи для населенія другихъ соседственныхъ острововъ, когда люди слишкомъ умножились въ ихъ семействахъ. Это былъ истинный *золотой вѣкъ*, которой мало по малу поршился, когда земля увеличивалась, и которой вовсе не существуетъ съ тѣхъ поръ, когда люди столько умножились, что составили Государства. *Мѣдный вѣкъ* начинается съ того времени, какъ родъ человѣческой соединился въ общества и составилъ политическое тѣло, когда сей шаръ пересталъ быть Архипелагомъ, когда можно было оставлять горы, разпространяясь на равнинахъ, основывать тамъ селенія, а потомъ и обширные грады. Щасливы семейства, оставшіяся въ колыбели человеческого рода; щасливъ по крайней мѣрѣ отецъ ихъ, который, будучи пронутъ несчастіями, соединенными съ поли-

пическимъ обществомъ , возвращается къ Насурѣ съ дѣтьми своими , всходитъ на горы , гдѣ прародители его въ объятіяхъ невинности наслаждались благополучіемъ , или скрывается на какомъ нибудь островѣ , оставленномъ гордыми жителями позлащенныхъ градовъ; тамъ въ уединенномъ жилищѣ , среди семейства своего благословляетъ мирные дни свои , и напоминаетъ подобнымъ себѣ , по крайней мѣрѣ своимъ примѣромъ , о ихъ должности священной.

Тутъ Гермодамасъ осмѣлился сдѣлать замѣчаніе почтенному своему госпеприимцу. „Очень поздно уже принимаетъ сіи благія мѣры. Государства заняли лучшія мѣста, плодоноснѣйшія равнины , и оставили только песчанья безплодная степи. Теперь очень трудно сыскаешь мѣсто , никому не принадлежащее и способное къ населенію. Всѣ лучшія мѣста заняты на земномъ шарѣ; и ты очень счастливъ , что нашелъ для своего жи-

лица сей пустой островъ , никому не принадлежащій. О если бы никто не возмутилъ своего спокойствія! “

Почтенный госпеприимецъ нашъ опвѣщивалъ : если бы меня и лишили сего убѣжища , то я бы еще не опчаялся. Природа , подобно Истинѣ , предупреждаетъ тѣхъ , кои ищутъ ее съ добрымъ намѣреніемъ. Не она ли воздвигла вдругъ тринадцать острововъ изъ нѣдръ Эгейскаго моря? Родосъ и Делосъ прежде плавали по зыбямъ волнующагося Океана , и никто не смѣлъ основать на нихъ своего жилища ; наконецъ они утвердились на одномъ мѣстѣ. Долго лѣсисный Делосъ былъ подобенъ сорванному со сребелька цвѣтку , плавающему по морю по волѣ зефировъ.

Гермодамасъ. Атлантической островъ , о которомъ рассказываютъ столько чудесъ , совершенно исчезъ на поверхности.

Книжка II. К

спи морей, и одинъ Гадской (1) проливъ въ западномъ Океанѣ показывается по мѣсто, которое онъ занималъ прежде. Счастливые острова, на западной сторонѣ Африки лежащіе, не могутъ намъ замѣнить его.

„Друзья мои! сказалъ намъ островитянинъ: на однихъ только счастливыхъ островахъ можно найти независимость и спокойствіе.“

Послѣ умеренной пищи, предложенной намъ дружбою гостепріимца, оставили мы его съ сожалѣніемъ и возвратились въ Самось.

(1) Нынѣ Гибралтарской.

XI.

Нравы Самоскаго народа.

Прежде вступленія нашего въ городъ, гдѣ мы надѣялись найти для себя жилище, ибо мы прежде жили въ деревняхъ, — Гермодамасъ посадилъ меня подлѣ себя, у входа площади, обогащающей сѣверное предмѣстье, и говорилъ мнѣ: „Мы не исполнили еще важнѣйшаго своего долга. По сіе время разсматривали мы людей съ самой лучшей почки зрѣнія; теперъ должно подойти къ нимъ ближе, и заспать ихъ среди счастливыхъ и блистательныхъ заблужденій. Сынъ мой! вопъ Самось. Смотри и размышляй. — Знаешь ли ты, что значитъ большой городъ? Прежде ничего того здѣсь не было, чѣмъ теперъ ты изумляешься. Бесплодные sprawy занимали мѣсто сихъ прекрасныхъ зданій, которыя сколько же бесполезны. Вопъ произведеніе руки человѣческой: храмы, черпоги,

лабиринтъ, водопки. Сколько трудовъ, сколько заботъ, сколько нужно потребности для образованнаго народа! → Слышишь ли сей глухой слухъ колесницъ и коней, шумъ въ масперовыхъ комнахахъ и магазинахъ? Видишь ли ты на сей длинной улицѣ непрерывно движущихся людей? — Они спалкиваются другъ съ другомъ, ища себѣ занятій или удовольствій. Сіе волненіе ихъ не подобно ли кучѣ муравьевъ? — Что значитъ эшотъ шумъ? Для чего предаваться такимъ трудамъ и безпокойствамъ? Они бѣгаютъ съ утра до вечера, и даже до глубокой ночи; что значитъ такая ихъ поспѣшность? Корысть или честолюбіе пробуждаютъ ихъ прежде восхожденія солнца. Они всѣ хотятъ обогатиться, или сдѣлаться сильными, на чей бы то счетъ ни было, только бы удовлетворить безполезнымъ своимъ нуждамъ, или доставить себѣ поспыдныя удовольствія. Они забыли Природу съ того времени, какъ поспавили между собою и ея мраморныя

спѣны. Пришворная учтивость кладетъ оппечашокъ холодноспи на всѣ ихъ поспупки. Пышность и бѣдность раздѣляютъ Самосъ на двѣ частпи: одна презираетъ другую, — послѣдняя съ роптаніемъ ползаетъ у ногъ первой. Кажется, благоустройство и порядокъ царствуютъ между бѣдною чернью; но только наружно, по причинѣ спрогихъ законовъ и жестокихъ палачей. Народныя Самоскія пиршества подобны Елисейскимъ полямъ; внутренность домовъ представляетъ каждой день новыя адскія мученія. Пѣніе Сиренъ, которое не могло усыпить мудраго Улисса, не столько опасно, какъ красота Самоскихъ женщинъ. —

Пивагоръ. Не будемъ входить въ сей городъ; намъ не чего въ немъ дѣлать — здѣсь можно подвергнуться опасности.

Гермодамасъ. Коварство не есть болѣе коварство, когда оно извѣстно; впрочемъ, насъ только двое; Пивагоръ! не будемъ оставлять другъ друга.

Пивагоръ. Я хотѣлъ просить тебя объ этомъ.

Гермодамасъ. Войдемъ.

Едва только вошли мы въ городъ — вдругъ встрѣчаемъ молодую женщину, прекрасную собою; она оборотясь къ Гермодамасу сказала: что дѣлаешь ты съ симъ молодымъ человекомъ? Гдѣ ты водишь его? Нигдѣ не лзя его видѣть. Едва только блеснулъ на пиршествѣ Юнониномъ, и тотчасъ исчезъ, какъ молнія. — Не уже ли ты думаешь внѣ Самоса, въ лѣсу, или на горахъ дать ему воспитаніе, подобное съ его породою и имѣніемъ? Можетъ ли быть хорошее воспитаніе безъ женщины? И — — я хочу дать ему воспитаніе.

Гражданка! отвѣчалъ Гермодамасъ, Пивагоръ принимаетъ ихъ отъ всякаго; говори.

Самитянка. Поручи его намъ . . .

Пивагоръ. Съ удовольствіемъ; мы всегда спѣшимъ будемъ въ ваши собранія; еснъли только вы намъ позволите.

Нѣсколько мѣсяцевъ посѣщали мы самыя лучшія общесства Самоскія. Насъ приглашали въ знаннѣйшіе дома. — Сей городъ обязанъ блескомъ своимъ морской торговлѣ, и знаннѣйшіе жилища, дѣлающіе честь другимъ гражданамъ, великіе промышленники, поспавляющіе все достоинство въ своемъ богатствѣ. Они посвящаютъ первую половину дня дѣламъ своимъ, а другую удовольствіямъ стола, или играмъ и забавамъ; они мало уважаютъ упражненія пѣлесныя, а душевныя еще меньше. Длинные обѣденные столы, для которыхъ они ищощаютъ все сокровища, пріобрѣтенныя въ путешествіяхъ — за которыми поспавляютъ болѣе сосуды съ щеславіемъ, нежели со вкусомъ, выработанные для нихъ за великую цѣну — сіи столы обыкновенно начинаются гимнами Меркурію, а

оканчивающія жертвоприношеніями Пріапу. . . . — Когда мы были приглашены на такое празднество, то Гермодамасъ вспалъ, и мы вышли. . . .

Для чего вы оставляете насъ такъ скоро? говорили намъ.

— Мы должны еще принести жертву Музамъ, отвѣщивовалъ Гермодамасъ.

Но здѣсь одна Муза, посвятившая себя для удовольствій. —

Гермодамасъ. — Но не для удовольствій Лампсакскихъ.

Прекрасная дѣвица, въ девятнадцатой веснѣ жизни, сказала мнѣ колкимъ голосомъ: хорошо, Пифагоръ! прежде нежели уйдешь отъ насъ, спой намъ гимнъ той Музѣ, которую мы предпочитаемъ!

Черезъ нѣсколько минутъ я собрался съ духомъ, и безъ всякаго приготовленія,

даже не аккомпанируя себѣ на лирѣ, на которой я умѣлъ нѣсколько играть, пропѣлъ двѣ строфы, въ которыхъ заключался такой смыслъ: — „я люблю тихое и улыбающееся уединеніе, въ которомъ можно спокойно предаваться пріятнымъ мечтамъ; люблю иногда въ тишинѣ и молчаніи бесѣдовать съ цвѣткомъ, развивающимся среди пустыни, одинъ и безъ свидѣтелей. Но предпочитаю небольшое общество милыхъ сердцу друзей. Сидя за однимъ столомъ съ ними, люблю изливать чувства сердца моего въ ихъ душу, подобно струямъ вина, текущимъ изъ чаши въ стаканъ для веселія присутствующихъ.“

Примѣняя, что не слушаютъ меня — я замолчалъ и скрылся.

На другомъ домашнемъ пиршествѣ одна Самитянка, совершенныхъ лѣтъ, посадила меня подлѣ себя, и во время всего празднества разговаривала только

со мною. Мужъ ея сидѣлъ по другой конецъ стола, подлѣ Гермодамаса. Пиеаторъ! сказала она мнѣ: увѣряюшъ, что ты имѣешь величайшую охоту къ путешествіямъ, — я также спраспно люблю путешествія; мужъ мой нанимаетъ корабль, плывущій въ Египетъ: я хочу видѣть сію рѣдкую страну, о которой говорятъ сполько чудесъ. Поѣдемъ съ нами! будь другомъ той, которой всѣ желанія всегда увѣнчаны были успѣхомъ. Я буду швоею Музою.

Я ей отвѣщивовалъ: теперь я имѣю нужду сполько въ насавникѣ. —

Я думаю, что сія откровенность ей не понравилась: ибо она перестала говорить со мною; и я не жалѣлъ объ этомъ. — За споломъ сидѣлъ подлѣ меня чужеспранецъ, которой ни о чемъ сполько не говорилъ, какъ о своемъ соспоянтіи (онъ былъ хорошій кормчій), и, казалось, съ удовольспвіемъ входилъ во всѣ подробно-

спи, которой желалъ я отъ него слышать. Онъ изъяснялъ мнѣ, какъ править кораблемъ, парусами и располагать для гребцовъ скамейки. Прочіе гости не обращали на меня вниманія. Я думалъ, что они забыли меня, и былъ шѣмъ очень доволенъ. Гермодамасъ вспалъ, и — прежде выхода нашего изъ комнаты, не избѣжалъ спрѣлы, которой бросила въ него хозяйка дому.

Когда мы вышли, то я топчасъ сказалъ ему: проспи меня, впорый мой опецъ! швой воспитанникъ былъ причиною сей язвительной насмѣшки.

Она дѣлаетъ честь обоимъ намъ. — Сверхъ того Гермодамасъ сказалъ мнѣ: мы не должны терять времени; еспли я не ошибаюсь, Пиеаторъ знаетъ, сколько оно дорого, и не будетъ распочать его для разсмотрѣнія такого класса людей, на которыхъ должно смотрѣшь сполько мимоходомъ и издали; посѣшимъ еще другихъ изъ нихъ. Архиспы не займутъ

насъ долго; они, будучи охотными служителями знатныхъ и богатыхъ, не умѣютъ поддерживать достоинства дарованій. Плутусъ, въ Самосѣ, заименяетъ славу Аполлона; и Меркурій, вездѣ гордящійся именемъ сотоварища Музъ, здѣсь какъ будто на шутку мучитъ ихъ и унижаетъ.

Художникъ вездѣ художникъ; онъ прудится для пропитанія, живетъ каждой день не заботясь объ утѣхѣ, и не умѣетъ даже съ пользою употребить пріобрѣтеннаго — естли ест пріобрѣтенное; онъ не имѣетъ довольно времени, чтобъ узнать себя; позволяетъ презирать, угнетать себя, и не жалуется на участь. Судьба доводитъ его до того, что онъ даже не вѣритъ желающимъ открыть глаза его. Бѣдственной опытъ научилъ его, что честолюбіе очень часто подаетъ ему руку только для того, чтобъ употребить его орудіемъ пагубныхъ намѣреній.

И такъ оставъ художниковъ, и бросъ взоръ на послѣдній классъ людей — бѣдныхъ, называемыхъ чернью; классъ безчисленный, но несчастный. Онъ столько погруженъ во мракъ невежества, что мудрый не знаетъ, какъ къ нему подступиться; и желая возвысить его до степени разума, боится показать его силы, не научивши прежде употреблять ихъ съ пользою. Политическія опасности по большей части происходятъ не только отъ злоупотребленія власти и отъ множества начальниковъ, но и отъ неразумія нѣкоторыхъ гражданъ, безъ сомнѣнія благонамѣренныхъ, но слишкомъ горячихъ и не совершенно знающихъ людей. Въ Самосѣ тихо все и спокойно; потому что злые дѣлаютъ здѣсь почти все то, что хотятъ, безъ всякихъ препятствій. Граждане добрые, просвѣщенные, спонутъ впайнѣ, и не осмѣливаются привести въ движеніе многочисленный народъ, опасаясь неминуемыхъ слѣдствій нечаянной вражды между деспотизмомъ

всегда правымъ , и невѣжесствомъ , вдругъ пришедшимъ въ силу. Они опасаются также сильныхъ движеній неминуемаго слѣдствія спрасшей , вышедшихъ изъ предѣловъ.

Самоскій народъ носитъ иго , которое отъ привычки сдѣлалось для него легкимъ. Онъ спраждаетъ , и существуетъ , такъ сказать , тѣмъ только , что защищаетъ жизнь свою отъ богатыхъ , участвующихъ въ ихъ трудахъ. Всѣ сокровища при Дворѣ , и въ рукахъ людей , занимающихся торговлею : между сими послѣдними мало есть такихъ , которые не должны были бы спыдниться прѣобрѣщенныхъ ими сокровищъ. Довѣренность не имѣетъ мѣста у торгующихъ , которые худо считаютъ , и чрезъ то теряютъ кредитъ , безъ коего коммерція не можетъ быть въ цвѣтущемъ состоянн. Гдѣ сн Конторы , которыя , будучи сильнѣе Царей и побѣдителей , безъ войны , безъ мирныхъ переговоровъ , дѣлаютъ всѣ

народы одною только націею? Въ Самосѣ нѣтъ ихъ.

Есть классъ гражданъ , занимающихъ средину между сими двумя послѣдними ; они не прельщаются блескомъ , и не заставляютъ говорить о себѣ. Тихая посредственность защищаетъ ихъ отъ всѣхъ возмущеній , происходящихъ между горделивыми богачами и униженною чернью. Они находясь въ семъ щасливомъ промежутокѣ , которой отдѣляетъ сн два противоположные класса ; но есть классъ гибельныхъ богатствъ — и тяжкой бѣдности. Въ семъ состоянн много домовъ мнѣ знакомы. Я хочу пойти съ побою въ одинъ домъ. Мы объ этомъ получили уже нѣкоторое понятіе отъ нашего островианина ; но ошвлеченныя разсужденія сдѣлали его нѣсколько дикимъ и даже челоѣконенавистнымъ.

Домашніе нравы Самосцевъ; — хозяйство ихъ; — брачное торжество.

Гермодамасъ повелъ меня къ одному Самосскому Лѣкарю, извѣстному по лѣченію морскихъ болѣзней. „Я не больнаго привелъ къ тебѣ, сказалъ мой наставникъ. Завтра мы ѣдемъ въ далекой путь, и для того просимъ у тебя предохранительныхъ лѣкарствъ.“

Когда душа въ хорошемъ состояніи, отвѣчалъ онъ, то иѣло долго можешь быть здорово. Потомъ продолжалъ: вы заспали меня въ такую минушу, когда я совершенно занятъ. Завтра я выдаю за мужъ большую дочь свою; она пошла теперь съ матерью своею въ *Нимфеумъ* (1) Юнонина храма. Вы позволили мнѣ помешрѣнь за нѣкоторыми домашними мѣлочами. Меньшая дочь моя придетъ къ вамъ.

(1) Родъ священной бани, въ которой моются невѣста на канунъ брака.

Арифилія не замедлила: она вышла изъ *Гинкея* (1), и подошла къ намъ съ скромнымъ видомъ, держа въ рукахъ гирлянду для украшенія жертвенника покровительствующихъ боговъ. Между тѣмъ какъ она привѣщивала съ великимъ вкусомъ, я могъ надосугъ разсмапривашъ ее, не производя въ ней ни малѣйшаго замѣнапельспва; мнѣ казалось, что я вижу въ ней Богиню здравія, которой служилемъ былъ ея отецъ. Это былъ цвѣтокъ невинности, въ самомъ кропкомъ блескѣ своемъ. Коришневые волосы, приколонныя слоновымъ гребнемъ, соспавляли все украшеніе на головѣ ея. Тонкая льняная одежда, едва прижатая поясомъ изъ чистой волны, и обведенная по краямъ лѣнпчкою, при раза погруженною въ пурпуръ, казалось больше оппѣняла, нежели скрывала прелестнѣйшій спанъ ея. Полуоткрытая грудь ея раждала какія-то чистыя непорочныя желанія;

(1) Особенная комната для женщинъ.

вотъ сколь могущественна красота стыдливоши, блестящей на лицѣ Арифиліи! Я видѣлъ другихъ Самитянокъ, одѣтыхъ лучше; но онѣ казались мнѣ несравненно менѣе привлекательными. Я примѣтилъ, что на ней не было ни серегъ, ни браслетовъ, ни даже колецъ на рукѣ, и благодарилъ ее за это. Венера никогда столь прекрасна не бываетъ, какъ выходя изъ водъ, когда она покрыта одними прелестями своими. Живописцы и Стихотворцы увѣрены въ той истинѣ, что прелестная женщина никогда столь не бываетъ украшена, какъ въ то время, когда она совсѣмъ не украшена.

Любезные ученики! я обѣщалъ вамъ не скрывать никакихъ подробностей, и сдержу свое слово. Для чего осмидесятилѣтнему Пифагору колебаться, чтобы вспомнить и рассказать вамъ чувствованія шестидесятилѣтняго его возраста? Жизнь человеческая, во всѣхъ отношеніяхъ, подобна цитру Гомерову: въ ней можно всему научиться.

Не смѣя сойти съ мѣста, ни выговорить слова, я чувствовалъ, кажется, все существо свое въ глазахъ. Однакожь я нашелъ благопріятную минушу коснуться ея одежды, и тотчасъ приложилъ къ губамъ руку свою, щастливо получившую сіе удовольствіе. Гермодамасъ примѣтилъ это и тотчасъ сказалъ: Арифилія! приготовленія къ браку пятосны; если Пифагоръ можетъ быть полезнымъ, то располагай имъ, пока опецъ швой . . .

Арифилія. Вотъ онъ: я оставляю васъ съ нимъ, и удалилась, поклонившись Гермодамасу съ пріятною улыбкою.

Алкмеонъ! сказалъ я опцу, какъ скоро его дочь вышла: завпрешній супругъ щастливѣе всѣхъ смертныхъ, ибо двѣ сестры обыкновенно подобны бываютъ между собою.

Алкмеонъ. Онъ самый знающій и прилѣжнѣйшій изъ всѣхъ моихъ учени-

ковъ: онъ удачно вылѣчилъ уже многихъ, что мнѣ дѣлаетъ честь, и лѣшамъ равенъ спаршей моей дочери. На третій день послѣ ея рожденія, пошелъ я посмотреть нѣкоторыхъ распеній въ долины горъ Амелоскихъ; это было весною; плачь младенца поразилъ меня: онъ, казалось, выходилъ изъ маленькой пещеры, за 30 шаговъ отъ дорожки, по которой шедши, разсматривалъ я распенія. Идя на голосъ, я приблизился; глаза мои ничего еще не примѣчали; подъ густозелеными соплетшимися вѣтвями я увидѣлъ младенца 8 или 9 дней отъ рожденія, обвернутого весьма небрежно сукномъ небеснаго цвѣта, и сидящаго въ морской раковинѣ, поддерживаемой вокругъ подвязками. Члены его были свободны: онъ пропянулъ ко мнѣ ручки свои, и, казалось, говорилъ: „будь опцемъ моимъ! родители меня оставяющъ.“ Это подлинно было дитя, оставленное на листѣ Египетскаго папира. Я съ великимъ трудомъ едва могъ прочесть сѣи

двѣ или три строки, написанныя весьма неисправно: „Пусть благодѣтельные боги заступятъ у тебя мѣсто отца, поглощеннаго волнами, и матери, которая не могла пережить его.“ Я тотчасъ взялъ младенца съ колыбелью, и возвратился для порученія его женѣ своей. За нѣсколько дней до родовъ своихъ, сказала я, ты видѣла во снѣ, будто сдѣлалась матерью двоихъ дѣтей прекрасныхъ, какъ Касторъ и Поллуксъ; сонъ твой исполнился, будь такъ же матерью сего прекраснаго дитяти; онъ росши будетъ вмѣстѣ съ нашимъ. Природа женщинамъ даровала два сосца для того, чтобы онѣ питали не только плодъ собственнй утробы, но чтобы могли воспитывать и другое дитя, отпоргнутое отъ родителей въпрямъ злощастій.

Я далъ ему имя втораго сына Эскулапова. Стараясь доказатьъ благодарностъ и оправдать надежду мою, *Подалиръ*, въ 20 лѣтъ, можетъ уже заступить мѣсто

мое въ семь городѣ. Завтре получишь онъ награду за доброе свое поведеніе въ разсужденіи меня, и за любовь, которая съ самаго младенчества привязывала его къ сиротѣйшей моей дочери. Я надѣюсь, почтенные госпи, что вамъ не пропивно будетъ приняшь участіе въ семь торжествѣ. Вы проведете здѣсь ночь, чтобы вамъ не имѣть труда возвращаться. Я зналъ отца Пифагорова, и поздравилъ бы его съ такимъ сыномъ, если бы онъ живъ былъ и зналъ, какъ Гермодасъ его наставлялъ.

Алкмеонъ повелъ насъ по своему дому. Всѣ выгоды общественной жизни, находившіяся до введенія роскоши, были собраны и соединены въ немъ. Вездѣ царствовалъ порядокъ и чистота, доказательство трудолюбія двухъ дочерей и матери ихъ, подъ главнымъ присмотромъ начальника въ домѣ.

Мужъ съ женою, приведенные въ бѣдность непоспояннымъ счастьемъ торговли,

не были служителями, но друзьями Алкмеона. Одинакая пища, одинакой столъ, одинакое одѣяніе: протгашельное равенство, опличающее первой вѣкъ опъ всѣхъ послѣдовавшихъ.

Одна странность поразила меня въ семь жилищѣ: — всѣ почти стѣны покрыты были надписями съ нѣкоторыми особенными знаками, которыя препятствовали мнѣ исправно прочесть.

Хозяинъ нашъ, примѣня мое удивленіе, сказалъ мнѣ: все, что написано на стѣнахъ моего дома, есть слѣдствіе моихъ наблюдений и опытовъ. Исторія каждой болѣзни, которую лечу я, находится здѣсь въ подробномъ описаніи. Всѣ лекарства, которыя употреблялъ я, почно здѣсь описаны, и я спѣшу также прибавить здѣсь свои ошибки; ибо сіи записки не протфеи тщеславія, но полезный памятникъ успѣховъ во врачебной наукѣ.

Я замѣпилъ сіе обыкновеніе на остро-
вѣ Косѣ, и во многихъ другихъ споро-
нахъ, по которымъ путешествовалъ въ
юности, и свѣдѣилъ ввести его въ Самосѣ:
я очень счастливъ, если бы могу приба-
вить что нибудь къ наукѣ врачеванія, и
удостоюсь получить довѣренность. Безъ
сомнѣнія, въ какое время Гений одного
человѣка соберетъ всѣ разбѣянные на-
блюденія, и присоединитъ одно къ дру-
тому, составитъ цѣлую науку, — струю
свѣта, которая прольется на благодар-
ное потомство, преобразовавши неизвѣст-
ныя начала въ афоризмы (1)? Если бы
люди были шѣмъ, чѣмъ должны и
могутъ быть, то не имѣли бы они нуж-
ды ни во врачѣ, ни въ законодателѣ.

Я прочелъ нѣкоторыя надписи; мно-
гія поразили меня:

„Самой лучшей лѣкаръ: всякой самъ себѣ.

„Имѣй одного врача; призывай его поздно,
отсылай рано.

„Разсмащивай сложеніе свое прежде лѣ-
каря.“

(1) Это сдѣлалъ Эскулапъ.

При входѣ въ учебный кабинетъ Алкме-
оновъ, я прочелъ на подножіи маленькой
Аполлоновой статуи слѣдующую строку:

„Солнце есть первый и искуснѣйшій врачъ.“

„Такъ, юный другъ мой, сказалъ мнѣ
хозяинъ, солнце есть Эскулапъ для живоп-
ныхъ. Инстинктъ, заступающій мѣсто
познаній, открываетъ имъ всѣ свойства,
всю силу солнечныхъ лучей. Внутрен-
нія болѣзни наши по большей части про-
исходятъ отъ различныхъ переменъ ды-
ханія; онѣ, безъ усилія, сами собою
уничтожаются отъ однихъ лучей солнеч-
ныхъ. Но не довольно имѣють къ нему
довѣренности.“

Мы вошли въ его кабинетъ; онъ от-
крылъ нѣкоторой сосудъ, подобный гнѣз-
ду (1), и вынулъ многіе свѣчки, гдѣ
переписаны были имъ самимъ всѣ замѣ-
чанія, находящіяся на столбахъ Ригій-

(1) Древніе называли *nodi* тѣ ящики, въ
которыхъ хранились ихъ рукописи.

Книжка II.

M

скаго Аполлонова и Эскулапіева храма, и вездѣ, гдѣ только онѣ могѣ видѣти ихъ. „Вотъ вся моя библіотека, копорая не многочисленна. Увы! должно ли желать мнѣ, чтобы она была многочисленна? Это значило бы желать умноженія болѣзней, которыми уже мучится родъ человѣческій. Пойдемъ: я покажу вамъ другую книгу, копорую не меньше я читаю, какъ и сіи свѣчки.“

Алкмеонъ говорилъ о садѣ, коперой самъ обрабатывалъ съ помощію двухъ дочерей своихъ и Подалира. По срединѣ его было возвышеніе; тамъ оканчивался подземной шокъ, ведущій воду изъ большаго городскаго водошока. Сія вода, раздѣлившись на многіе равные каналы, напоющіе Самосцевъ, орошала поля и нивы въ благопріятное время. Тамъ зеленѣли распенія, имѣющія рѣдкія и драгоцѣнныя свойства; цѣлебныя травы, самыя рѣдкія и самыя нѣжныя, за рачительнымъ присмотромъ его выра-

спали въ прекрасныхъ горшкахъ, наполненныхъ мяккою землею.

Я чрезвычайно занятъ былъ прелестною чашею Критскаго бадьяка, споль извѣснаго по силѣ своей исцѣлять раны, какъ вдругъ прибѣгаетъ Арифилія и поспѣшно рветъ листки сего распенія. „Увы! говорила она, дрожа и не занимаясь нами: какъ спраждаетъ несчастный матросъ! можетъ ли быть жеспочайшая участь? Уже онѣ видѣлъ приспань и кровлю своего дома, гдѣ съ неперпѣніемъ ожидали его чрезъ полшора года дряхлой опецъ, нѣжная супруга и малыя дѣти; уже бросили якорь. Боги! ядовишой змѣй выползаетъ изъ сосуда, пресмыкается по судну, и жалишь сего несчастнаго въ пяту — рана опъ малѣйшаго медленія должна быть смертоносною.“

Я бросился также рвать листья бадьяка съ Арифиліей, и мы возвратились вмѣстѣ. Я помогаль ей выжимать

божественный сокъ сего растенія въ бѣлой мраморной сосудѣ. Между тѣмъ является мапрось — поварищи несли его на рукахъ. Они положили его на постель, приготовленную для больныхъ. — Арифилія никому не позволила лѣчить раны, и собственными руками все дѣлала. Отецъ ея прибѣгаетъ съ Гермодамасомъ; все было сдѣлано. Раненой начиналъ уже чувствоваться облегченіе боли, и благословлялъ благодѣтельное божество, возвращающее жизнь ему.

Я, въ благоговѣйномъ молчаніи, не могъ различить чувствованій, волновавшихъ мое сердце, смотря на столь поразительную сцену; любовь и удивленіе безъ сомнѣнія порожествовали надъ прочими чувствованіями. Гермодамасъ, которой примѣчалъ все, подошелъ ко мнѣ, ударилъ по плечу рукою, и долго глядѣлъ на меня, не говоря ни слова. Наконецъ я началъ говорить: „о почтенный другъ мой! есть ли въ Природѣ что либо

прекраснѣе добродѣтели, соединенной съ пріятствіемъ и красою? “

Я не удержался бы при семъ первомъ порывѣ души моей; но мать Арифиліи съ ея сестрою возвратились изъ Юнонина храма. Хозяинъ спѣшилъ насъ представить имъ. Я склонился съ благоговѣніемъ, которое воздають только божествамъ, достойнымъ сей почести опъ смертныхъ, и осмѣлился сказать слѣдующее: „Благополучная мать! Небоя, гордящаяся 14 ю дѣтьми своими, не имѣла сколько права на се пинило, сколько ты, имѣя двухъ только дочерей. Счастливъ супругъ старшей твоей дочери; но не менѣе будешь счастливъ супругъ и меньшей дочери! “

И подлинно одна только Арифилія могла равняться сестрѣ своей. По данному знаку ея матерью, она вышла изъ гостиной и пошла прибрать комнату, гдѣ занимаются работою. Она зажгла лампаду о трехъ или чепырехъ свѣщиль-

няхъ, и разспавила стулья. Мы пошли пуда за женщинами. Намъ это позволено было по нѣкоторымъ обстоятельствомъ. Мать (у которой подъ ногами была скамѣчка) раздѣлила работу дочерямъ своимъ. Невѣста Подалирова взяла пряслицу и пряла. Арифилія оканчивала плашокъ, которой вышивала для матери своей, а мать готовила шеплое платье для Алкмеона, которое онъ долженъ былъ надѣвать всякой разъ, когда позовутъ его на корабль къ больному.

Какъ это! сказалъ я Гермодамасу громче, нежели думалъ: наканунѣ свадьбы взять иглу или вершено въ руки, и не дать себѣ отдохновенія? — Такъ, Пифагоръ! отвѣчала мать, которая это слышала; не уже ли должно перяшь время наканунѣ, потому что завтра будетъ свадьба? Всякой день долженъ доспавлять работу. Не уже ли ты думаешь, что и Подалиръ проводитъ эпошь вечеръ въ забавахъ съ своими друзьями?

Онъ не оставляетъ постели больныхъ, требующихъ его помощи.

Между шѣмъ, какъ объ немъ говорили, онъ вошелъ. Пріобыкши сносить неприятность — необходимое слѣдствіе горестнаго чувствованія при видѣ несчастныхъ, подобныхъ себѣ людей, удрученныхъ болѣзнію, онъ сохранилъ всегдашнюю свою веселость, которая дѣлала присутствіе его вездѣ пріятнымъ. Стоя позади своей невѣсты, онъ при каждомъ словѣ не могъ скрыть прелестной улыбки, раздвѣшавшей на устахъ его. Мать не говорила ни слова, но шѣмъ не менѣе выражало лице ея. На ней видно было изображеніе шихаго благополучія; глаза ея, усремленные на щасливую чету, казалось, говорили всѣмъ присутствующимъ при сей плѣнительной семейственной картинѣ: „вошь наше произведеніе!“ показывая на своего мужа. —

Арифилія принимала участіе въ невинныхъ ласкахъ будущаго супруга. Это

былъ принятой брашъ ея, и природа не дала ей другаго, достойнѣйшаго любви ея. Однакожь она была задумчива. Лице ея отъ внутренняго движенія покрывалось нѣжнымъ румянцемъ; какой-то пайной непонятной голосъ говорилъ ей тихо:

„Такое щастіе и тебя ожидаетъ, — и ты можешь быть не знаешь, что сія минута близка — очень близка.“ Подальръ просилъ ее спѣть пѣсенку, но она отказалась. „Попросите сестрицу, потому что она въ послѣдній разъ шеперь дѣвицею.“ Сестра не отказалась — начала пѣть. У меня остались въ памяти послѣднія только повпоряемыя ею слова:

„Молодые Самоскія дѣвушки! трудитесь больше; тѣ, которыя болѣе всѣхъ трудятся, получаютъ самыхъ прекрасныхъ мужей.“

Алкмеонъ, подошедши къ Арифиліи посмотришь, совѣмъ ли конченъ плапокъ, которой готовила она для матери, поцѣловалъ ее и сказалъ погромче: для нынѣшняго вечера довольно. Весь Самосъ знаетъ, что дочери мои сколько же трудолюбивы, какъ и мать ихъ. Накроемъ столъ. Все предвѣщаетъ, что завтра будетъ прекраснѣйшій для насъ день. Луна, подруга ночи, которой восходу мы ожидали, проливаетъ серебряные лучи во всемъ блескѣ; ни одно мрачное завистное облачко не смѣетъ закрывать ее. Двухъ госпей какъ будто боги къ намъ послали; мудрость Гермодамасова будетъ покровительствовать сему торжеству, а невинность юнаго Пиеатора сдѣлаетъ его еще пріятнѣе.“

Вставъ изъ за стола, которой былъ весель и пріятенъ, Арифилія съ одною лампадою въ рукѣ повела насъ въ комнату, опведенную для госпей, гдѣ спалъ

я можешь быть меньше, нежели Подалирь.

Едва только заря начинала показываться, какъ всё въ домѣ вснало. Друзья новобрачнаго, на самой зарѣ, повѣсили два вѣнка и нѣсколько гирляндъ на воротахъ. Мальчики сосѣднихъ домовъ начали пѣть извѣстное повѣщеніе: *Гилленей! Гилленей!* —

Подалирь, съ помощію двухъ вѣрнѣйшихъ служителей, приготоовилъ комнаты свои для принятія молодой супруги; потомъ первой пошелъ въ кабинетъ къ Алкмеону, который перечитывалъ замѣчанія свои. Мы также пришли туда въ ту самую минуту, когда молодой супругъ, стоя однимъ колѣномъ на землѣ, говорилъ ему: „сей день, драгоценнѣйшій въ моей жизни, доказываетъ, что жизнь, кою я обязанъ я тебѣ, не есть величайшее благодѣяніе; доверши его, давъ мнѣ родительское благословеніе!“

Алкмеонъ. Сынъ мой! не переставай быть полезнымъ для людей подобныхъ себѣ, и люби шѣхъ, которые тебя любящъ. Ты получишь отъ руки моей руку моей дочери. Вы оба пріобыкли спудиться; оба молоды, пользуетесь здоровьемъ и любите другъ друга; домъ вашъ будетъ въ хорошемъ порядкѣ, и дѣти ваши будутъ подобны вамъ.

Алкмеонъ повелъ тотчасъ зятя своего въ *Гинекей*, коюрой наконецъ отворился. „Жена! сказалъ онъ матери: я представляю жениха для большой твоей дочери; естли-бъ вы объ его не знали, то я бы сшалъ хвалить его. Дочь моя! естли я могъ сыскашь для себя доспойнѣйшаго супруга, то ты видишь его.“

Потомъ, поведя насъ всѣхъ на середину *Андрока* (1), онъ возвыся голосъ произнесъ: „Я соединяю васъ въ присуш-

(1) Родъ гостиной залы.

спвѣи мудраго Гермодамаса, юнаго его воспитанника и другихъ почтенныхъ жителей Самосскихъ. Вотъ собраніе, васъ соединяющее; Правленіе утвердило его печатію закона. Дочь моя! возьми въ приданое добродѣтели своей матери и половину опцовскаго наслѣдства. Подарило имѣніе соспоишѣ въ полезныхъ знаніяхъ, предпочитаемыхъ всѣмъ сокровищамъ. Выпьемъ всѣ за здравіе новобрачныхъ.“

Приносятъ большую чашу, наполненную виномъ; сосудъ, казалось, былъ очень древній, и я узналъ послѣ, что это было произведеніе народа, предшествовавшего Карійцамъ на островѣ Самосѣ. Алкмеонъ взялъ сію чашу и поднесъ первому Подалиру. Потомъ юная супруга прикоснулась къ нему своими губами, за новобрачными опецъ и мать, потомъ Арифилія. Какъ бы досадно мнѣ было, если бы кому нибудь, кромѣ Гермодамаса, поднесено было послѣ Арифиліи!

Наконецъ пришла и моя очередь: губы мои не хотѣли расстаться съ пою чашею, къ которой прикасались уста Арифиліи.

Мать невѣспы, съ Гименеевымъ пламенникомъ въ рукѣ, подошла говоря: „Пойдемъ въ храмъ Юноинъ; но прежде, дочь моя! выслушай послѣднія наставленія своей матери; завтра я только буду швоею подругою. Воспитываясь почти отъ самой колыбели съ тѣмъ человекомъ, котораго супругою сдѣлаешься, ты имѣешь одно преимущество, которое не всѣ супруги имѣютъ, то есть, что тебѣ извѣстенъ характеръ и свойства того, котораго избираешь другомъ на всю свою жизнь. Вы другъ друга достойны, потому что любите другъ друга; спарайся ему нравишься; природа и воспитаніе доставили тебѣ всѣ къ тому средства. Будь подобна шибельку виноградиному, которой никогда не бываетъ

такъ прекрасенъ, такъ плодоносенъ, какъ въ то время, когда надежно привязанъ бываетъ къ крѣпкому дереву, которое дано ему для опоры. Хозяйственный домъ твой будешь святылицею, въ которомъ ты сама должна быть жрицею, а мужъ твой богомъ. Ничего не говори, ничего не дѣлай безъ его согласія и совѣта. Вы соединены для того, чтобы быть счастливыми, и дѣлать другихъ счастливыми. Знай, что блаженство составишь только двое; ты никогда не можешь имъ наслаждаться безъ своего мужа, ни онъ безъ тебя. Знай свои обязанности, и не вступай никогда въ дѣла его; отъ сего вы оба разсиритесь можете. Не довольно, чтобы лице твое нравилось: надобно, чтобы все тебя окружающее оживлялось твоимъ присутствиемъ. Будь подобна Граціямъ: на каждомъ шагѣ ихъ вырастаетъ цвѣтокъ; пусть супругъ твой такъ скажетъ о тебѣ, и пусть брачное жилище будешь всегда для него такимъ мѣстомъ на зе-

млѣ, гдѣ онъ счастливейше можетъ быть, нежели во всякомъ другомъ; чтобы, когда изъ него выдешь, и желалъ бы уже возвратиться; эта привлекательность къ своему дому должна быть дѣйствиемъ твоемъ, которая соединитъ за мѣлочами домашними. Надобно, чтобы супругъ почиталъ тебя первымъ божествомъ, покровительствующимъ дому. Тебѣ должно учредить въ немъ порядокъ, тишину и приличную веселость. Не говори никогда громче его; особливо оказывай ему сколько можно больше довѣренности. Будь всегда дома; и увѣрь супруга твоего, что онъ всегда найдетъ тебя на одномъ мѣстѣ. Домъ супружній такое мѣсто, гдѣ ты должна жить и умереть. Не оставляй его за тѣмъ, чтобы по другимъ домамъ искать новостей; не ходи въ собранія народные. Не узнавай политическихъ происшествій, кромѣ тѣхъ, которыя мужъ заблагоразсудитъ открыть тебѣ: это одному только ему принадле-

жить; а твое дѣло стараться о его здоровьѣ, благополучіи, и раздѣлять съ нимъ труды при воспитаніи дѣшей вашихъ. Вчера въ храмѣ Юнониномъ я говорила тебѣ о всемъ прочемъ; пойдемъ шеперь опять туда, для принесенія жершвы благодарительному Генію отъ новобрачныхъ.“

Мудрый Гермодамасъ! вскричалъ я въ первомъ восторгѣ своемъ: здѣсь свяжилище разума, и мать Арифиліи въ немъ Оракуломъ.

Началось шествіе. Обрядъ былъ простой. Золото и пурпуръ не блистали на одеждахъ посѣтителей. Знапные и богатые въ подобныхъ обстоятельствахъ раздѣляютъ драгоценныя свои одежды, соображаясь съ своимъ состояніемъ. Алкмеонъ далъ намъ двѣпочные вѣнки; и какъ въ Самосѣ его очень почитали, то на улицахъ, по которымъ мы проходили, было множество гражданъ обоого пола, вышедшихъ изъ домовъ, чпобы по-

смогнѣть на насъ. Передъ нами шелъ музыкантъ, и игралъ на двухъ флейсахъ свадебную пѣснь, подъ копорую хоръ мальчиковъ танцовалъ, изъвая радостъ при семъ торжествѣ.

За ними шла почтенная мать невѣсты, неся передъ дочерью своею факель, посвященный богу *Гименею*. Новобрачная слѣдовала за нею; лице ея покрыто было алымъ покрываломъ, чпобы скрыть нѣжнѣе замѣшательство, въ копоромъ она должна была находиться. Волосы ея, раздѣленные на - двое среди чела, — знакъ новаго ея состоянія — извиваясь и развѣваясь, локонами упадали на плечи. Она увѣнчана была цвѣтами, посвященными Венерѣ и Юнонѣ; супругъ ея украшенъ былъ соотвѣтственно ей; по обѣ стороны ея шли отецъ и Подалиръ.

Наконецъ, пришедши предъ жершвенникъ, супруги сняли съ себя вѣнки и опдали для посвященія жрицѣ; потомъ взяли ихъ, перемѣнялись, и надѣли опять

на головы. Послѣ сего закланы были многія жертвы, очищенные опѣ желчи; ни что не было забыто, для многихъ тайныхъ причинъ, которыя изъясняются супругамъ на другой день послѣ брака. —

По окончантіи священнаго обряда, всѣ пошли въ родительской домъ, которой былъ домомъ и щасливой четы; мы сопровождали ихъ среди радостныхъ пѣсней и всеобщихъ благословеній. Пришедши къ дверямъ, новобрачная, въ присутствіи двухъ молодыхъ подругъ своихъ, старалась исполнить древнее обыкновеніе — переступить черезъ порогъ, не касаясь до него.

При концѣ стола, за которымъ веселость не пресупала предѣловъ и не доходила до неблагоприспосности, Подальръ послѣ гимновъ, приличныхъ торжеству, предложилъ пѣснь *Акруаматы*. Дайте мнѣ миршъ, сказалъ онъ; я хочу рассказать истинное происхожденіе сей гру-

бой спашуи, которой долго поклонялись въ Самосѣ, въ храмѣ нашей Юноны:

„Сія богиня, нѣсколько ревнивая, какъ извѣстно, взяла себѣ въ голову, что величественный мужъ ея измѣнялъ супружеской вѣрности, и безъ дальнихъ изслѣдованій оставяетъ брачное ложе, и удаляется на островъ Эвбею питать свою досаду. Ей, можетъ быть, должно было избрать другое надежнѣйшее убѣжище; ибо, между нами будь сказано, богатые жили сего острова, лежащаго на Средиземномъ морѣ, ни мало не славятся примѣрною жизнью. Юпишеръ, какъ благоразумный супругъ, желая исправить жену свою не оскорбляя ее, спускается въ Беоптію въ Циеронъ, наряжаетъ Принцессою пень спараго дуба, капаетъ его въ колесницѣ заложенной двумя бѣлыми шельцами, и повелѣваетъ Славѣ разгласить во всѣхъ мѣстахъ, а особливо въ Эвбеѣ, что первой богъ, оставленный женою своею, рѣшился взять

другую, и избралъ дочь рѣки Асопа, прекрасную основательницу города Плашеи. При семъ слухѣ, Юнона возвращается по морю, прибываетъ въ Цицеронъ, сходитъ въ Плашею, становится на той дорогѣ, по которой должна проѣзжать брачная колесница, и ни чѣмъ сколько не занимается, какъ только чтобы изорвать въ клочки покрывало молодой супруги и самую супругу. Свита показала. Юнона въ неперпѣннѣ желала бы ускорить медленные шаги пельцовъ, чтобы скорѣе предаться сладкому удовольствію мщенія. Наконецъ мнимая совѣспница передъ нею. Она пробивается сквозь толпу, и насильственной рукою схватываетъ и разрываетъ желтое покрывало новобрачной. О удивленіе! на мѣсто царицы подъ ударами своими почувствовала раздраженная супруга пень стараго дерева, и первая должна была смѣяться странному сему приключенію. — Добрый Юпитеръ не хотѣлъ продолжать ея посрамленія; она довольно была наказана. Онъ поспѣшася спустился

на золотомъ облакѣ, и взялъ посрамленную, раскаявающуюся супругу; всемогущая чета на очаровательныхъ брегахъ рѣки нашей Имбразуса заключила въ объятіяхъ другъ друга вѣчное примиреніе. И вотъ происхожденіе Юнонина храма и деревянной статуи, которой долгое время и до сихъ поръ еще поклоняются въ Самосѣ.“

Послѣ сей повѣсти Подалиръ скрылся, не будучи ни кѣмъ примѣченъ, и побѣжалъ въ супружную комнату для принятія своей возлюбленной. Мать ея взяла одною рукою пламенникъ, а другою руку своей дочери, и обѣ пошли туда, гдѣ богъ брака ожидалъ ихъ съ неперпѣннѣмъ. Ихъ провожали съ радостнымъ крикомъ. —

Алкмеонъ повѣсилъ въ головахъ брачнаго ложа каршину, представляющую Гарпократу, въ чертахъ прелестнаго юноши, съ черными крылами, — одна нога поднята и указательный палецъ на

устахъ. Остроумный живописецъ далъ ему въ лѣвую руку брусковинную вѣшвь, покрышую листьемъ и плодами; мужчины и женщины спрашивали у отца ново-брачной изъясненія сего гѣроглифа.

Алкмеонъ. Юные любовники! нѣжные супруги! будьте щасливы, не гордясь своимъ щаспѣемъ. Истинное блаженство любить скромность. Щасливый человекъ наслаждается, не говоря о томъ ни слова. Кто много говоритъ, томъ можетъ лишиться довѣренности: нескромность ходить на одной ногѣ. Плодъ персика подобенъ сердцу, а листочки сего растенія языку: это совѣтъ Природы, обязывающей васъ привести ихъ въ зависимость одно отъ другаго.

Языкъ долженъ имѣть начало свое въ сердцѣ; но сердце можетъ сообщать тайны съ языкомъ (1). Горе несчастному, открывшему таинство брака!

(1) Смотри Купера Гарпокр.

Дѣти Алкмеоновы могли бы обойтись безъ сего урока; но между посѣпителями многіе имѣли въ немъ нужду, и другъ Подалировъ, творецъ сей карпины, охотно согласился исполнить желаніе отца, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго воспользоваться обспоятельницами, и дать полезное наставленіе жителямъ Самоса.

Гермодамасъ въ сію минупу отвлекъ меня, и отпоргъ отъ Арифиліи, за копорю слѣдовалъ я по пятамъ. Мы возвратились молча, и предались отдохновенію.

ХІІІ.

Нравы при Дворѣ Самоскомъ. Поли-кратъ.

На другой день поутру подошелъ я къ другу своему, скромнѣе обыкновеннаго; онъ примѣшилъ это и сказалъ мнѣ:

„Пифагоръ! все, что ты видѣлъ, все, что ты можешь быть чувствовалъ въ сіи послѣдніе два дни, будетъ для тебя полезнѣе всѣхъ наставленій мудрости. Я нарочно юному сердцу твоему представилъ добродѣтель, украшенную милыми прелестями. Если бы сердце твое осталось хладнымъ, то сегодня я сказалъ бы тебѣ: оставимъ другъ друга; я ничего не могу сдѣлать изъ себя. Ты имѣешь одинъ порокъ, которой труднѣе всего исправить: — нечувствительность къ тому, что сотворено для приведенія человѣка въ дѣятельность.

„Пифагоръ! ты воспламеняешься спрашнью къ достоинству, льстящимъ твоему честолюбію; но надобно спросить ихъ. Не скоро еще будешь ты тѣмъ, чѣмъ тебѣ быть должно. Островъ Самосъ слишкомъ ограниченная сфера для воображенія твоего, которое распространяется каждой день оипъ поразительныхъ предметовъ. Ты очень молодъ еще для вступи-

ленія въ такую союзъ, которой требуетъ зрѣлаго разума; и если ты полагаешься на меня, то завтра поутру мы оставимъ сей островъ, и отправимся для усовершенствованія воспитанія твоего, подъ руководствомъ великихъ наставниковъ.“

Пифагоръ. Гермодамасъ! все желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобы нѣкогда быть тебѣ подобнымъ. Мнѣ не надобно другихъ наставниковъ, кромѣ тебя, Гермодамасъ; мы не разстанемся другъ съ другомъ.

Гермодамасъ. Ты привязалъ меня навсегда къ себѣ. Пойдемъ вмѣстѣ просить совѣта у другихъ Оракуловъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ мы были.

Пифагоръ. Для чего такъ далеко искашь своего щастія? Не говорилъ ли ты мнѣ, что оно въ насъ, и что можно назвать себя щастливымъ какъ въ уединеніи, такъ и въ толпѣ народа, и въ

мрачной пемницѣ, и на маломъ островѣ, также какъ и на обширной твердой землѣ? Останемся здѣсь, и въ все мое имѣніе. Самосъ подлинное мое отечество, хотя я родился въ Сидонѣ. Отчизна Гермодамасова есть моя отчизна. Чему учились мнѣ въ другихъ странахъ? что увижу я тамъ лучше семейства Алкмеонова?

Гермодамасъ. Сынъ мой! отправимся въ путешествіе; по возвращеніи своемъ ты будешь рассказывать, и повѣсти твои будутъ слушать съ чувствованіемъ живѣйшимъ, нежели чувство любовныя. „Не надобно подходить къ олтарямъ боговъ съ пустыми руками.“ Такъ говорила мнѣ сама Арифилія вчера поутру въ Юнониномъ храмѣ, спросивъ меня напередъ, скоро ли Пиеагоръ отправится путешествовать?

Пиеагоръ. Гермодамасъ! Арифилія говорила тебѣ обо мнѣ на сихъ дняхъ? Поѣдемъ, и сегодня . . .

Гермодамасъ. Доброй молодой человекъ! души наши согласны. Отпѣздъ до завтрашняго дня.

Между тѣмъ какъ мы пригопвлялись къ путешествію, вошелъ придворный Офицеръ съ запискою отъ Поликраша.

*Поликратъ, Царь Самоскій,
мудрому Гермодамасу.*

„Приди во Дворецъ ко мнѣ завтра или какъ можно скорѣе. Приведи и своего ученика.“

Почтенный другъ мой отвѣщивалъ присланному: скажи Государю своему, что мы явимся по волѣ его.

Для чего мы ему надобны? спросилъ я у Гермодамаса.

Гермодамасъ. Какая нужда! мы это скоро узнаемъ. Но тебѣ должно узнать безъ замедленія, какая это страна, *Дворецъ* называемая, и куда мы не

можемъ не путешествовать, намѣреваясь отпра- виться въ свое путешествіе; ибо, кажется, мы не могли укрыться отъ взора Принца. Рѣдкое вниманіе, сынъ мой!

Между тѣмъ какъ ты въ лѣтахъ щасливой невинности предавался крош- кимъ забавамъ внѣ стѣнъ Самоскихъ, граждане сего города были жертвою мя- тежей и раздора. Оспровитяне, обога- щаясь чрезъ торговлю, и приведены бу- дучи въ страхъ сосѣдственными народами, обратили могущество свое и оружіе про- тивъ самихъ себя: подобно Лаптеамъ, обнимающимъ другъ друга во время пир- шества и, окончивъ его, убивающимъ одинъ другаго. Испытавъ всякое правленіе, и не принявъ ни одного, жители Самоскіе, не имѣя рѣшительнаго мнѣнія и твер- дыхъ основаній, будучи игрою всѣхъ пар- тій, сомнѣваясь въ выборѣ Начальника между множествомъ искапелей, изъ ко- торыхъ подлинно не было ни одного до-

стойнаго, наконецъ, казалось, признали того, кого избрало большее число го- лосовъ. Богатой купецъ, или лучше морской разбойникъ, не зная на что употребить безчисленные свои сокровища, истощившись въ забавахъ часной жизни, принялъ дерзкое намѣреніе, котораго успѣхъ удивилъ его самого.

Народъ собрался въ приспань посмо- трѣть пробнаго морскаго сраженія нѣ- сколькихъ легкихъ судовъ.

Въ то самое время, когда хотѣли начать, человекъ встаетъ и проситъ вниманія. Вдругъ всѣ замолчали. „Со- граждане! сказалъ онъ возвыся голосъ: я Эакъ, богатѣйшій изъ жителей Само- скихъ, дарю отечеству всѣ мои сокрови- ща. Трое сыновей моихъ будущъ пру- диться для приобрѣтенія богатства; я совѣтую имъ слѣдовать моему примѣру. Но я требую условія, предлагая всѣ бо- гатства мои Республикѣ: то есть, что они возвращаясь на путь спасительной

истины, спыдаясь, что такъ долго отдавали кормило правленія изъ рукъ въ руки, изъ копорыхъ однѣ были не искуснѣе другихъ. Островъ Самосъ, копорого Вельможи всѣ здѣсь присуществуютъ, не давъ времени различнымъ паршїямъ приплыти опять въ движеніе, избересть понычасъ достойнаго Начальника, копорой бы соединилъ всѣ силы, и согласно располагалъ ими, топовымъ будучи во всякое время отдашь вѣрной опчетъ. Есшьли большая часть гражданъ согласяшя со мною, то всѣ суда мои, всѣ помѣщеня и магазины топчасъ вручаю любезнѣйшему опечеспву моему, и топчасъ предаюсь бурнымъ волнамъ, покушаясь искашь новаго щастїя. Самосцы! скажите мнѣнїе ваше. Размопрънїе голоса моего стоипть, кажется, зрѣлица пробнаго морскаго сраженїя.“

Рукоплесканїе раздалось Эаку. Были многїе, которые не довѣряли столь спранному безкорыстїю, и видѣли въ семъ по-

спупкѣ новое коварство честолубїя; но легковѣрная чернь была обманута и рукоплескала. Правительству препоручено было собрать мнѣнїя; онѣ почти всѣ были въ пользу предложенїя Эакова. Топчасъ приступаютъ къ провозглашенїю Начальника, пребуемаго Республикою. Эакъ шелъ домой, но медленными шагами. — Онѣ избранъ — его призываютъ. Онѣ говоритъ еще, что хочеть бышь только благодѣтелемъ страны своей; но прозбы умножающя: онѣ уступаетъ — повинуется волѣ народа, повелѣнїю Республики, и — онѣ сдѣлался Начальникомъ, топомъ Государемъ и скоро Деспотомъ Самоскимъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ прошель онѣ всѣ сїи степеня достоинствъ. Когда онѣ достигъ послѣдней, то спрое сыновой его искали малѣйшаго предлога опмспить опцу своему за то (какъ говорили), что онѣ купилъ спронъ на счель ихъ сокровищъ; они молча дѣлають заговоръ, и наказываютъ его, воздавъ ему равное. Поликратъ, призывающїй насъ

ко Двору, старший изъ сихъ трехъ братьевъ, раздѣлившихъ между собою верховную власть надъ Самосомъ, такъ какъ дѣляшъ наследство. Но тронъ столько тщесень, что троимъ вмѣстѣ не лъзя сидѣшь на немъ спокойно. Сей самой Поликрапъ отправилъ ядомъ Парпагнопа, младшаго брата своего, и изгналъ Полизонна, самаго меньшаго, котораго, казалось, ни мало не опасался.

Вотъ, любезный Пиеагоръ, происшествія, случившіяся въ наше время; тебѣ должно было скоро узнать ихъ. Я смущаю, къ сожалѣнію моему, прекрасная лѣта твоей жизни, рассказывая все, что случилось въ нашихъ глазахъ; но приглашеніе Поликрапово на лагаешъ долгъ на меня, представилъ тебѣ въ истинныхъ чертахъ сіе происшествіе. — Тамъ, можешь быть, предложатъ намъ мѣста.

На другой день мы явились во дворецъ сего Деспота. Опдано было прика-

заніе пошчасъ представить насъ, какъ скоро явимся. Поликрапъ былъ въ ваннѣ.

„Подойдите оба, сказалъ онъ. Какъ, мудрой Гермодамасъ! ты бы не явился къ моей Особѣ, естли бы я тебя не призывалъ? Ты не знаешь плана, по которому я намѣренъ поступать? Я хочу, чтобы Дворъ мой былъ жилищемъ всего блистательнаго и мудраго, что только есть въ Самосѣ и во всей Іоніи. Я хочу царствовать по твоимъ только совѣтамъ, и по совѣтамъ немногихъ людей тебѣ подобныхъ. Можешь быть нѣкоторые безпорядки были во время возшествія моего на тронъ. Любовь къ опечеству и желаніе видѣшь его цвѣщимъ подъ скипетромъ независимаго Монарха, усыпили во мнѣ чувствованія — важныя и необходимыя для проспаго народа, но которыми Государь не всегда бываетъ подвластенъ. Я забылъ на минушу, что я сынъ и братъ, и занялся единственно и безпрепятственно общимъ благомъ. Это

споило нѣсколькихъ капель крови, и крови знаменишой, производившей изъ того источника, изъ котораго и моя получила печеніе. Но не лучше ли истребить одну фамилію, нежели цѣлой народъ? Не похвально ли предупредить междоусобную брань, хотя бы должно было лишиться ближайшихъ родспвенниковъ? Не дальновидные граждане и слабоумные полишки меня поносятъ; мнѣ это извѣстно. Нельзя угодить всѣмъ людямъ. У меня есть народъ, которой призналъ меня, вспомоществовалъ мнѣ; голосъ его оправдалъ все — и я сдѣлался Царемъ; но тѣмъ не менѣе тягостно для меня бремя скипетра. Мудрый Гермодамасъ! помоги мнѣ носить его. Я хочу дать Самосу новый блескъ, какого никогда не имѣлъ онъ. Художества не будутъ забыты; я чувствую всю цѣну ихъ. Юный Пиеагоръ! увѣряютъ, что ты получилъ отъ отца своего въ наслѣдство его дарованія, и что въ скоромъ времени ты превзойдешь его. Я много уважалъ его.

Посвящай мнѣ первые плоды трудовъ своихъ. Я хочу переменить Царскую печать, и на тебя обратилъ взоръ, чтобы ты изобразилъ на ней то, что я тебѣ расскажу:

Представь Юнипера, склонившагося на пурпуровое облако и держащаго въ рукахъ золотую чашу; пусть прекрасный Ганимедъ наливаетъ ему нектаръ. Я буду служить тебѣ оригиналомъ для изображенія Повелителя боговъ. Цвѣтущая юность твоя представитъ оригиналъ въ другомъ видѣ. Я хочу показать чрезъ сію аллегорію, что величество и силу должно умѣрять тихими прелестными удовольствіями. Пиеагоръ! я не назначаю дня для окончанія сей работы: употреби для сего, сколько нужно времени, но только чтобы произведеніе сіе было самое лучшее. Ты можешь работать здѣсь, въ моихъ чертогахъ, предъ моими глазами, и я, въ свободные часы, буду смотрѣть на твою работу. Ты даже будешь учить

меня началамъ Скульпшуры ; ибо я хочу имѣть понятіе о всѣхъ художествахъ. Награда тебѣ будетъ соразмѣрна моему могуществу, моимъ сокровищамъ и доspoинству моего произведенія. Вся милость моя ожидаетъ тебя, и, какъ будто бы, ищетъ. Я знаю, какъ должно обходиться съ людьми, имѣющими Генія. Любезной молодой Пивагоръ ! сегодня, даже въ это самое время садись за работу, и не медли удовлетворишь неперпѣливымъ желаніямъ своего Государя. Я также употреблю въ дѣйство мудрость Гермодамасову, поручивъ ему вести важный переговоры съ однимъ Монархомъ твердой земли, предлагающимъ мнѣ союзъ свой.

Царь Самоскій ! отвѣчалъ почтенный мой наставникъ : позволь намъ удалиться на малое время въ свое жилище для нѣкоторыхъ потребностей домашнихъ.

Поликратъ. Поди, и скоро возвратись. А ты, любезный Пивагоръ, здѣсь останься.

Государь ! сказалъ поспѣшно Гермодамасъ : воспитанникъ мой необходимо долженъ присутствовать. Будучи сиротою, онъ долженъ самъ смотрѣть за своимъ наслѣдствомъ. Сего дня ввечеру мы явимся по твоему повелѣнію.

Поликратъ. Спешите, и не медлите возвратиться. Малѣйшее желаніе мое не перпинъ медленій. Пивагоръ ! занимайся мысленно Юпитеромъ и Ганнимедомъ ; это должно быть прекрасно ; мнѣ кажется, что я уже ихъ вижу. Не забудь изобразить у ногъ моихъ орла ; а особливо перунъ, готовой поразить пресупника, которой тотчасъ не будетъ послушенъ неограниченной волѣ Повелителя боговъ и чловѣковъ. Ты понимаешь меня . . .

Сынъ мой ! сказалъ мнѣ Гермодамасъ, какъ скоро вышли мы изъ Царскихъ чертоговъ : удалимся ! не лзя терять ни минуты. Поликратъ сказалъ очень ясно : онъ имѣетъ худое намѣреніе въ разсужденіи насъ.

Пиеагоръ. И подлинно, для чего пошчасъ онъ хотѣлъ разлучить насъ? Впрочемъ, я не объявилъ себя знакокомъ въ скульпшурѣ, въ которой хочу еще упражняться; и не ужели я неволенъ въ своемъ выборѣ? Онъ располагаетъ мною, какъ своимъ сыномъ; я не принадлежу ему. Онъ по своей волѣ дѣлаетъ меня художникомъ. Пиеагоръ, придворной рѣзчикъ печатей! Нѣтъ, мнѣ кажется, что это не мое предопредѣленіе. Пусть Поликрапъ опнесетъ къ другому о своемъ Юпитерѣ, котораго пошчиваетъ Ганнимедъ; я не чувствую охоты изображать такую сцену. Не люблю быть прикованнымъ къ подножію прона, и къ такой работѣ, которая не дѣйствуетъ надъ моимъ воображеніемъ. Не ужели сіи Государи, нѣжась въ чертогахъ своихъ, мечтаютъ, что и Геній такъ же повинуются ихъ велѣніямъ, какъ чернь? Нѣтъ! независимый характеръ, которой даровала мнѣ Природа, не умѣетъ такъ изги-

баться предъ Царскимъ своенравіемъ. Гермодамасъ, какъ ты думаешь? —

О сынъ мой! отвѣчалъ онъ, прижимая меня къ своему сердцу: какъ я люблю тебя за это благородное чувство! Сегодня ввечеру оставимъ мы сей городъ, гдѣ не можемъ долѣе жить безъ посрамленія. Удалимся поспѣшно съ сего острова, и пыль опрясемъ отъ ногъ нашихъ. Юный Пиеагоръ! ты послѣ узнаешь опасности, угрожающія тебѣ въ сію минушу. . . . Не спрашивай меня. Пospѣшимъ отдѣлать себя моремъ отъ чертоговъ Поликраповыхъ; постараемся самымъ тайнымъ образомъ нанять малое хорошее судно, чтобы въ эту ночь переѣхать намъ въ Сциросъ. Я не успокоюсь объ участи твоей до тѣхъ поръ, пока не поручу тебя въ объятія добродѣтельнаго друга (1).

(1) Произшествія, описанныя въ семъ отдѣленіи и во многихъ другихъ, расположены сходственно со многими древними Писателями.

*Второе Пивагорово путешествие: онъ
идетъ въ Сциросъ. Фересидъ.*

Едва закапилось солнце, и едва только сдѣлали мы условіе съ хозяиномъ небольшой лодки, какъ поспѣшь велѣли перезнати себя на томъ островѣ, гдѣ жилъ Мудрецъ, изъяснившій намъ свою систему горъ. Всю ночь провели мы тамъ въ разговорахъ. Когда луна готовилась уступить мѣсто многолукое владычество, мы опять были въ лодкѣ, и издали прощались съ домомъ Алкмеона и Арифидіи. Вошъ два только предмета, которые съ сожалѣніемъ оставляли мы въ несчастномъ отечествѣ нашемъ.

Мы благополучно прошли мимо Эноса и Икаріи, острова славнаго, отъ котораго получила названіе сія часть Архипелагскаго моря. Гермодамасъ сказаль мнѣ съ улыбкою: мы столько спѣшили отъѣздомъ изъ Самоса, что не успѣли сдѣлать жертвоприношенія Юнонѣ. Хо-

чешь ли поправить сію ошибку въ Діаниномъ храмѣ, которой опсюда видишь?

Пивагоръ. Съ охотою, родитель мой, ешьли бы сія богиня, въ награду за приношеніе, ниспослала намъ крылья, изобрѣшенныя Дедаломъ.

Гермодамасъ. Мы будемъ просить у нее только благопріятнаго вѣтра. Икарскія крылья ешь у насъ: безъ сомнѣнія не что иное было, какъ парусы. Сей несчастный молодой человекъ, занесенъ будучи волнами далеко отъ родителя, не могъ въ бурю спасти корабля своего. Прольемъ слезу о пагубныхъ слѣдствіяхъ неопытнаго сына, и воздадимъ честь Генію Дедалову, однакожь не такъ, какъ истинному изобрѣшателю парусовъ. Человекъ не изобрѣлъ ничего, но Природа сотворила все для его употребленія. Онъ долженъ только умѣть пользоваться предметами, которые предоставлены трудамъ его. Дедалъ сдѣлаль благодареніе смертнымъ: онъ научиль

людей имѣть сообщеніе между собою, преплывая моря, прежде раздѣлявшія безчисленные народы. Не будемъ пребо-
вать отъ него опчета въ безчисленныхъ бѣдствіяхъ, копорыхъ онъ былъ невин-
ною причиною, открывъ новое, обширное поле честоплюбивымъ желаніямъ смерп-
ныхъ. Съ того времени, когда начали управлять бурнымъ дыханіемъ Эола, захвативъ его крѣпкими парусами — съ того времени, когда дерзостнѣй смерп-
ный придѣлалъ крылья къ гибельной лодкѣ, къ срубленному и выдолбленному дереву, въ которомъ прежде никто не осмѣливался переплыть изъ виду береговъ — съ того времени миръ и спокойствіе, давно уже изгнанные съ твердой земли и удалившіеся на острова, гонимы быва-
ющъ, какъ робкая серна, скрывающаяся въ кустарникѣ. Невинные островитяне увидѣли вокругъ мирныхъ береговъ сво-
ихъ множество жадныхъ купцовъ, воору-
женныхъ и желающихъ насильно завла-
дѣть нужными имъ шоварами, или пре-

дать мечу и огню слабой народъ, защи-
щающій права свои. Насъ не будущъ укорять симъ. Мы удаляемся отъ зло-
дѣяній и стараемся обрѣсть истину.

Благопріятный вѣпръ чрезъ нѣсколь-
ко минутъ принесъ судно наше къ острову Пашмосъ, на которомъ очень много дичи. Машросы намъ сказали, что жен-
щины на семъ островѣ отъ климата потеряли бѣлизну и свѣжестъ въ лицѣ своемъ, и что онѣ стараются вознагра-
дить сей недостатокъ, расписывая щоки свои красками.

Мы вошли въ каналъ Миконской, и плыли вдоль береговъ сего острова, ко-
торой нѣкогда подверженъ былъ земле-
трясеніямъ, гораздо ужаснѣйшимъ, не-
жели каковыя случаются иногда въ Са-
мосъ; это самое вмѣстѣ съ Поэтами увѣряетъ народъ, будто Микона слу-
житъ гробомъ Гиганшамъ, побѣжденнымъ и совершенно низверженнымъ мощною ру-
кою Геркулеса. Самосскіе машросы наши,

коихъ набожность къ простой Венерѣ извѣсна, сказали намъ: Пашмоскія женщины опъ природы блѣдны, а Миконскія не имѣютъ на головѣ волосъ; можетъ быть пошому, что на семь островѣ нѣтъ здоровой воды. Люди тамъ не спарѣются; но какъ скоро Миконецъ въ соспоянніи править весломъ, то опдаетъ судьбу свою на волю вѣтрамъ, и море служитъ ему опечесствомъ. Истиннымъ опечесствомъ называется то, которое лишаетъ дѣшей своихъ.

Когда мореходцы наши окончили рѣчь свою, Гермодамасъ сказалъ мнѣ Греческую пословицу, извѣстную на семь островѣ: естли Писатель хочетъ въ одной книгѣ и подѣ однимъ названіемъ заключить все то, что онъ знаетъ, хорошее, или худое, то говоритъся: *онъ подобенъ Миконцу*. Эту всеобщую пословицу можно сказать многимъ людямъ. Естли бы говорить о шомъ только, что совершенно извѣстно, и естли бы не вѣряшь Музамъ ничего,

кромѣ тайныхъ истинъ и извѣстныхъ по опытамъ, то Музы были бы нѣмы.

Мы приближались къ скалѣ, служащей основаніемъ Ренеѣ. Жители сего малаго острова какъ трупы. Не переселяйшесь, юные друзья мои! на Делосъ, естли только хощите удобить нѣкогда исплѣвающимъ шѣломъ своимъ ту землю, которая воспитала васъ. Непрїязненный Делосъ безжалостно низвергаетъ съ себя несчастнаго лишившагося жизни, и послѣдній долгъ похоронъ воздается ему въ Ренеѣ.

Эта крошка земли, сказалъ Гермодамасъ, завоевана Поликрапомъ. Видишь ли сихъ художниковъ, посвященныхъ Вулкану, и шапающихся, какъ шѣни, вокругъ спрашныхъ сихъ кузницъ? Они, по повелѣнію Самосскаго Государя, дѣлаютъ шѣпь для соединенія малай Ренеи (1) съ святымъ Делосомъ, на разстояніи

(1) Туцидидъ, III.

четырёхъ спадій (1). Поликрашъ хочеть умилоспивить Аполлона, посвятивъ ему свое завоеваніе.

Это засшавило насъ улыбнуться; въ другихъ случаяхъ мы смѣялись больше.

Наконецъ мы въ Сциросѣ. Едва только ступилъ я нѣсколько разъ по берегу, Гермодамасъ сказалъ мнѣ: привѣспивуй сїю почтенную землю, гдѣ родился и жилъ славный мудрецъ! Пусть другіе обойдутъ сей островъ, чпобы удостовѣриться въ мѣрѣ отъ 20 до 25 тысячъ шаговъ, какъ обыкновенно полагають его окружность; пусть другіе пишуть гордое похвальное Слово древнему Іонійскому его происхожденію, прїятному благорасшворенному воздуху, и его обилію, описанному уже Гомеромъ; пусть прославляють его сокровища, привозимыя изъ Египта, Финикіи и Халдеи!

Мы, любезный сынъ, ища людей достойныхъ называться мудрецами, по-

(1) Страбонъ, Геогр. X.

здравимъ себя, вспрѣшпивши одного изъ нихъ; они гораздо рѣже, нежели удобренныя земли и плодоносныя острова.

Фересида не было дома, и никшо изъ жишелей Сцироса не могъ намъ сказать, гдѣ онъ. Случай привелъ насъ къ шому. Въ города, въ гористыхъ мѣспяхъ слышали мы глухой шумъ, однакожь не могли разобрать, откуда онъ выходитъ. Мы шли каждой особо; я первой увидѣлъ шотъ предметъ, для котораго мы пушешеспвовали. „Гермодамасъ! слѣдуй за мною: недалеко отъ меня еспъ пещера, въ которой слышу я голосъ.“

Гермодамасъ приближается, и склонясь на край глубокаго отшверстїя, закричалъ: Фересидъ, любезной Фересидъ!... Голосъ, которой въ пустой и глубокой пещерѣ казался крѣпкимъ и звонкимъ, отшвѣспвовалъ намъ: ты ли это, любезной Гермодамасъ? и послѣ сихъ словъ мы слышали, чшо кто-шо приближался къ отшверстїю. Въспшъ съ нимъ былъ уче-

никъ. Послѣ первыхъ обѣщаній дружества, Фересидъ спросилъ: кѣмъ этотъ молодой человѣкъ?

Гермодамасъ. Меркурій (1) и Музы посылаютъ его къ тебѣ, и я принялъ долгу на себя быть его руководителемъ. Имя его Пифагоръ, сынъ Мнестарковъ. Онъ родился въ Сидонѣ, и первое воспитаніе получилъ въ Самосѣ; но онъ предпочелъ Сциросъ своему отечеству, если только ты примешь трудъ опдѣлать совершенно эту юную спашую; она видитъ, говоритъ и приведена сюда для того, чтобы оживилась истиннымъ пламенемъ жизни. Фересидъ! будь Прометеемъ для Пифагора; это цѣль нашего путешествія.

Старинный другъ мой! отвѣчалъ Фересидъ: ты не много мнѣ оставилъ довершишь.

(1) Академія Берлин. 1749 года.

Я осмотрѣлъ новаго наставника моего, и при первомъ взглядѣ почувствовалъ къ нему приверженность. Я не много видѣлъ физиономій, которыя сколько бы и мѣли отличительныхъ чертъ, какъ его физиономія. Онъ былъ въ совершенномъ возрастѣ, и только что началъ опускать волосы на бородѣ. Наружность его была прекрасна, мужественна и ни мало не груба; станъ былъ высокой, походка ровная; тонъ голоса его былъ важной и опрывиспой. Я замѣтилъ еще, можетъ быть, слишкомъ маловажное; но нѣтъ нужды, я долженъ вамъ сказать; на одеждѣ его, почти изношенной, не было ни одного пятнышка. Онъ держалъ въ рукѣ длинной желѣзный пруть. Я спросилъ его, для какого употребленія?

„Вчера, сказалъ онъ, проходя мимо сей пещеры, въ полдень, я захопѣлъ посмотреть, глубока ли она, и къ удовольствію моему удивленъ былъ, видя, что

лучи солнечные, падая перпендикулярно на дно пещеры, освѣщали ее совершенно.

Иностранцы говорили мнѣ, что въ Стенѣ, на восточномъ берегу Нила, во время лѣтнихъ дней, въ полдень, вовсе нѣтъ тѣни. Колодезь, нарочно выкопанный для сего опыта, доказываетъ, что солнце стоитъ прямо надъ симъ городомъ, лежащемъ въ верхнемъ Египтѣ.

Кажется, что въ это самое время года оно стоитъ прямо и надъ нашимъ островомъ Сциросомъ. Эта пещера представляетъ родъ доски натуральныхъ солнечныхъ часовъ; по ней удобно можно считать время.

Чтобы обрадовать соотечичей своихъ симъ простымъ открытiемъ, но которое будетъ очень полезно, мнѣ должно только сей желѣзной пруть пославить такимъ образомъ, чтобы онъ тѣнiю своею означилъ многія линии, изъ которыхъ одна покажетъ полдень; вошь что шеперь меня зани-

маетъ. Эта стрѣлка будетъ показывать не только часы, но даже должайше дни, или повороты солнца. У насъ, жителей сѣвернаго умѣреннаго пояса, самая длинная тѣнь должна быть во время зимнихъ крапкихъ дней. Си пирамидальныя массы, обременяющія землю Египетскую, о которыхъ всѣ купцы мнѣ говорили, вѣроятно не что иное, какъ спицы, показывающія полуденную почку во время самыхъ долгихъ лѣтнихъ дней. Они утверждали, что многія таковыя пирамиды въ извѣстное время года не образуютъ никакой тѣни; и увѣряютъ еще, что самая величайшая изъ нихъ всѣми четырьмя сторонами своими отвѣсствуетъ четыремъ сторонамъ сферы, и что постепенное возвышенiе ея показываетъ увеличанiе, или уменьшенiе тѣни. Молодой человекъ! продолжалъ Фересидъ оборотясь ко мнѣ: тебѣ предоспавлено оправдать нѣкогда сей великой опытъ на томъ самомъ мѣстѣ. Что касается до насъ, Гермодамасъ, мы

только посѣщать будемъ другъ друга съ одного острова на другой. Между шѣмъ какъ одни путешествуя по свѣту, другіе должны охранять своихъ пенасовъ.

Эту часть избралъ я для себя не по лѣнкости, но по склонности своей и темпераменту. Природа, какъ сказать, влила мнѣ въ сердце повелѣніе жить на семъ островѣ, гдѣ я родился, и которой нѣсколько лѣтъ наслаждается тишиною.

У насъ есть пристань, въ которой можешь помѣститься цѣлой флотъ; но, слава Богу, я не видалъ еще въ ней военныхъ кораблей, а одни только купеческія суда, плывущія со всѣхъ сторонъ; они привозятъ къ рукамъ моимъ все то, чего бы мнѣ должно было искать на краю свѣта. Сосраждане мои ежедневно промѣниваютъ произведенія свои на иностранные товары, и я дѣлаю тоже. Мнѣ привозятъ произведенія шѣхъ, которые на другомъ краю свѣта посвя-

щаютъ себя Наукамъ; я даю лекціи, и показываю нѣкоторыя опыты: такъ - по просвѣщеніе ума разливаешь по всѣмъ народамъ! —

Никто не запомнитъ, чтобы житель острова Сцироса предпочелъ когда - либо удовольствіе видѣть истину прибытку, получаемому отъ обмѣны. Я первой еще здѣсь, которой посвятилъ себя такому роду жизни. Я никогда не путешествовалъ; малымъ знаніемъ своимъ обязанъ я чужестранцамъ, часто къ намъ прѣзжающимъ, и собственнымъ размышленіямъ. Жители Сцироса, не привыкшіе размышлять, и не умѣющіе цѣнить безчисленныхъ выгодъ, происходящихъ отъ частныхъ размышленій, почидаютъ меня необыкновеннымъ Геніемъ, въ противность пословицъ: *никто не бываетъ великъ въ своемъ отечествѣ*. Сосраждане мои говорятъ съ гордостію всѣмъ чужестранцамъ, которые безпрестанно толпятся въ нашей пристани: „посмотрите Фересиду! это

все-знающій мудрецъ , которой никогда ни чему не учился ; онъ безъ учителей сдѣлался учителемъ ; онъ скажетъ вамъ много удивительнаго , и вы увидите то , чего никогда не видали .

Люди , которыми это говорятъ , ни мало не ученѣе шѣхъ , которые , говорятъ сіи великіе мѣновщики , по большей части весьма честные — я люблю отдавать имъ эту справедливость — и учились только вычислять прибытокъ и убытокъ въ торговлѣ . Они удивлены будучи сею повѣстью , приходятъ ко мнѣ , приносятъ всѣ рѣдкости , рассказываютъ какъ могутъ все , что они хорошо или худо видѣли , все что слышали ; я плачу имъ пою же монетою , и мы всѣ довольны . Я объясняю имъ нѣкоторыя истины , извѣстныя по опытамъ , или описаніе какого нибудь инструмента ; они , гордясь шѣмъ , что говорили со мною , отправляются въ путь свой , обѣщаясь по возвращеніи своемъ доставить мнѣ копію славныхъ

рукописей , какія только они узнаютъ во время путешествій своихъ въ другихъ странахъ ; такимъ образомъ они путешествуютъ не менѣе для меня , какъ и для себя ; — такимъ образомъ я спарюсь употребить въ пользу знаній самыя даже случаи и постановленія общественныя , которые не позволяютъ человѣку учиться и усовершенствоваться себя .

Я ни чемъ не могу укорять себя : если физіономія моя и *опытные уроки* кажутся удивительными , то подлинно я не желаю шѣмъ славиться , или выдавать себя за знаюка ; вы скоро это увидите .

Островъ Сциросъ , какъ и всѣ Цикладскіе острова , подверженъ землетрясеніямъ , которые , думаю , происходятъ отъ великаго скопленія воды , прорывающей землю и образующей бездны . Сіи упавшія въ землю воды , сія перемѣна въ недрѣ горъ и морей , примѣтны по колебанію больше или меньше чувствительному — это слѣдствіе приведенной въ движеніе матеріи . Источники , протекающіе сквозь скалы , бываютъ выгнѣ-

шаемы такъ, что около подобныхъ мѣстъ всегда должно ожидать скорого переворота. —

Однажды возвращался я со многими учениками съ далекой прогулки по берегу рѣки, обожженной пламенными лучами солнца. Нѣсколько Финикіянъ шли на встрѣчу; они подошли ко мнѣ въ самое то время, когда я ожидалъ младшаго ученика своего, пошедшаго за водою къ ближнему роднику, чрезвычайно глубокому. Мы всѣ лишились силъ отъ зною и усталости: выпивши одинъ сосудъ, я попросилъ еще принести другой, копорой пилъ не такъ поспѣшно. Тогда — то пришла мнѣ въ голову эта догадка: „я очень опасуюсь, чтобы въ два или три дни еще не было землетрясенія.“

Я почувствовалъ какой-то странной вкусъ въ водѣ, почему и заключилъ, что внутреннія части землі возмущены. Ураганы, оспанавливающіеся на поверхности земли, обыкновенно почитаются

предвѣспниками, и не скрываются отъ пронизательнаго взора строгаго наблюдателя: для чего не быть также и внутреннимъ бурямъ, потрясающимъ бездны и основанія горъ?

Всѣ поражены были моею догадкою; и нѣкоторые тайные непріятели неперпѣливо ожидали трехъ дней, дабы лишить меня вѣрошія.

На другой день, къ вечеру, жаръ сдѣлался удушительнѣе; кровавыя, разорванные облака закрывали блескъ солнца; лучи его блѣднѣли; страшные вихри заносили городъ пескомъ; животныя безпокоились; вездѣ слышно было ржаніе коней; они разширяютъ ноздри, чтобы дышать свободнѣе; птицы ищутъ убѣжища подъ кровлею земледѣльца; поселянинъ запираетъ жилища, не зная самъ, чего ожидать должно. Ночь была ужасна и безмолвна; робкія дѣти, какъ будто по какому внутреннему влеченію, бросались въ объятія дрожащихъ матерей

своихъ; жрецы обнимали подножія олпайрей, и вообще желали увеличить на нихъ синее пламя; самой орель не смѣлъ опуститься на землю. Наконецъ раздался глухой продолжительный ропотъ; можно было подумать, что весь островъ отдѣлился отъ земли, и плавалъ, какъ лодка, по воздымающимся валамъ Эгейскаго моря.

Трикратно потрясеніе было слышно, которое не причинило однакожь великихъ опустошеній: только веревки, привязывавшія нѣкоторыя суда, перервались, и трикратно галеры ударились одна о другую. Въ городѣ оспались слѣды сего потрясенія болѣе на огромныхъ домахъ, нежели на низкихъ, какъ будто для наспавленія горделивымъ, чтобы они не забывали равенства. На третій день ясная утренняя заря ободрила нѣсколько усрашенныхъ; многлюдная чернь толпилась въ храмахъ съ приношеніями. Жрецы почти всегда пользовались обще-

народнымъ бѣдспвіемъ. Потомъ пришли ко мнѣ съ вѣнками. Съ сего времени особа моя сдѣлалась священной; и слава, жадная къ дѣламъ необыкновеннымъ, обременила меня почтеннѣйшими именами. И такъ вы видите, что не трудно прослыть великимъ человекомъ.

Въ другой разъ я сидѣлъ у пристани, и спрашивалъ Египетскихъ купцовъ о высотѣ пирамидъ и о ихъ предопредѣленіи. Корабль съ распущенными парусами лепѣлъ въ пристань: вдругъ нечаянный вѣпръ произвелъ во мнѣ дрожь; я бросилъ взоръ вокругъ себя, и почувствовалъ пронизательной холодъ. Вижу въ концѣ пристани воздушной столбъ: онъ опирается на волны, гнѣшетъ ихъ, чтобы очистить путь себѣ между ними, и гонитъ ихъ съ спрашнымъ ревомъ къ берегамъ. „Увы! вскричалъ я, сей корабль долженъ погибнуть!“ Всѣ на меня взглянули, потомъ обратили взоръ на корабль; и подлинно

увидѣли, что онъ сражался нѣсколько минутъ съ волнами; потомъ ударился о дубъ, свисшій со скалы, ограждающей нашу пристань, и скрылся подъ волнами. При семъ зрѣлищѣ всѣ подняли руки къ небу, и во второй разъ провозгласили меня божественнымъ; нынѣ почитаютъ меня другомъ боговъ, удостоеннымъ ихъ довѣренности. Какую лестную надежду возимѣль бы честолюбивой на моемъ мѣстѣ! ибо чего не можетъ сдѣлать легковѣрный народъ, обольщенный необыкновеннымъ удивленіемъ?

Сіи два происшествія увѣнчаны были такою славою, какая нужна для обольщенія моихъ соотечественниковъ; они сами въ обманъ стремились. Ничего незначущія слова мои были столько святы, какъ отвѣтъ Оракуловъ; — только бы немного случай споспѣшествовалъ имъ, и предубѣжденіе довершило бы все прочее.

Наконецъ одно изобрѣшеніе, которое рано или поздно было бы открыто, совершенно сдѣлало меня необыкновеннымъ человекомъ въ глазахъ другихъ. Поэзія была всеобщимъ упражненіемъ Писателей прежде меня жившихъ, которую называли, и теперь еще называютъ языкомъ священнымъ, или языкомъ боговъ; ибо, въ самомъ дѣлѣ, она сначала была неизвѣстна, и чрезъ нѣсколько времени употреблена была для гимновъ.

Въ самомъ началѣ, пылкость страстей служила вмѣсто рифмъ; потомъ избрали ее украшеніемъ для разума и истины. Разумъ и Истина не согласились съ нею, и удалились отъ излишнихъ, пустыхъ украшеній. —

Самое чистое нарѣчіе Ионическое, каковымъ говоряшь въ Сциросѣ, приличіе для ясности, нежели всѣ украшенія Пійтическія, нужныя шѣмъ только, кой желаютъ пронунъ и — обманунъ. Оставимъ жрецамъ выраженія, искусно

Книжка II. С

выдуманныя и написанныя плавно: они желаютъ льститьъ слуху, обманывать и — достигаютъ своей цѣли.

Я первый осмѣлился написать такъ, какъ говоримъ, не измѣривая словъ, служащихъ основаніемъ всѣхъ рѣчей и сочиненій; я соразмѣрялъ только выраженія самой истинѣ, оставляя при нихъ ту важность, которая даетъ вѣсъ и цѣну словамъ человѣка, говорящаго къ людямъ. Скоро получилъ я успѣхъ въ семъ предпріятіи. Всеобщая довѣренность ко мнѣ умножалась при слушаніи моихъ лекцій. Отсюда произойдетъ великая польза: необходимыя знанія гораздо удобнѣе и скорѣе могутъ распространяться; при томъ не столько будутъ употребляемы наружныхъ, пусныхъ приготовленій. Я люблю вѣрить, что мнѣ послѣдовать будутъ (1).

(1) Доказательство сего отдѣленія и послѣдующихъ. — Замѣчанія Берлинской Акад.

Фересидово ученіе. Теорія Природы.

Каждое слово Фересидово вѣзилось въ умъ мой, и оставляло вѣчное впечатлѣніе. Это вольное выраженіе, показывающее оригинальнаго человѣка, который никогда не говорилъ чужихъ мыслей; эта чистая откровенность, впервыхъ мнѣ понравилась. Все — даже самыя ошибки заставляли принимать участіе въ словахъ его. Многие ученики приводили съ энтузіазмомъ его сочиненіе о *Природѣ и богахъ*. Одно сіе названіе, казалось мнѣ, уже показывало великое дѣло. Я прудилъ Гермодамаса, чтобы онъ попросилъ Фересиду прочесть и изъяснить оное: ибо всѣ почидаютъ это сочиненіе опвлеченнымъ.

1747 г. — Гезихій — Свидасъ — Теомпѣ приводимый Диоген. Лаэрт. — Цицеронъ о Божественномъ. — Эвсевій въ сочиненіи своемъ о приготовленіяхъ въ кн. IX. — Ж. Ж. Эшпель, примѣч. къ Психологіи. — Пи-еагоръ, *argenterati* 1773. 4. стран. 16 и 17.

Фересидъ. Есшьли бы я всегда имѣлъ слушателей, подобныхъ Пифагору, могъ бы изъясняться гораздо яснѣе. Ученіе жрецовъ не помрачило невиннаго моего сердца, и разумъ не обмануть прежде прибытія моего ко мнѣ. Непорочная душа моя подобна гладкому бѣлому воску. Съ тобою не нужно мнѣ — подобно Архипекпору, спроющему новой храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается старой — мнѣ не нужно начинать разрушеніемъ. Служители неправды умножили труды для друзей истины. Заблужденіе у всѣхъ народовъ предшествовало; оно заняло выгоднѣйшія мѣста; а Истина, долго скипаясь безъ защиты, вездѣ просила убѣжища. Меня укоряютъ за то, что я шепчу; пусть также обвиняютъ меня и за то, что я прячу лампаду подъ мантію, когда сильно дуетъ вѣтеръ. Я закрываю иногда свѣтъ, чтобы сохранить его. Безъ сомнѣнія, гораздо легче сошворишь боговъ, нежели изъяснишь Природу. Безъ опытовъ, безъ наблюденій, безъ науки, всякой увидишь,

что верховный Владыка неба и земли, боговъ и человѣковъ, повѣсилъ вселенную на длинной цѣпи, колеблемой Имъ по своей волѣ; что нѣкогда пришла мысль Ему вдохнуть прахъ, имѣвшій видъ человѣческой, и — вдругъ оживился человѣкъ. Не нужно великихъ порывовъ Генія для опредѣленія въ центръ земли, или на краю свѣта какого ни есть мѣста для мученій, куда ввергаются не могущіе, или не желающіе вѣрять сей святой истинѣ. Не показываютъ ли самые органы распеній, что въ каждомъ деревѣ есть божество, покровительствующее растительной силѣ? — Превозмочь трудность — спойтишь только разсвѣтъ узелъ. Смертные (чего и ожидать должно было) начали съ легчайшаго. Любопытные, нетерпѣливые люди желаютъ знать причину всѣхъ явленій, ими видимыхъ, и въ которыхъ не рѣдко сами участвуютъ; но какъ трудно снять завѣсу покрывающую таинства Природы? — Они оспанавливаются при первомъ опытѣ.

Тогда коварные осмѣлились сказать народу слѣдующее, только другими словами:

„Жизнь человѣческая крашка, — испытаніе Природы очень трудное дѣло; останься лучше въ колыбели невѣжества, а мы для тебя примемъ трудъ сей.“

И подлинно увидѣлъ народъ, что это самая выгодная доля. Чернь предалась дремотѣ, а хитрые тѣмъ воспользовались; пробужденіе было горестно: народъ увидѣлъ на себѣ цѣпи, но цѣпи золотыя, увитыя цвѣтами. Мифологія, со веѣмъ очарованіемъ своимъ, ослѣпила глаза, и плѣнила воображеніе. Школа Испины едва открылась, и — опустѣла. Многочисленная толпа бросилась въ храмы; ненасытные жрецы изобрѣли умерщвленіе животныхъ и приношеніе самыхъ лучшихъ произведеній Природы, чтобы столы свои покрыть жертвами боговъ безсмертныхъ.

Вотъ до чего дошли мы! Какъ другъ просвѣщенія и любитель Истины можетъ

открыть глаза народу — и убѣдить его почитать сихъ двухъ божествъ? Не уже ли разорвать въ священномъ гнѣвѣ завѣсу, покрывающую глаза черни? Не уже ли умертвить коварныхъ жрецовъ обломками шпагой ихъ всемогущихъ? Не уже ли сказать Правительству: „подлые участники святошапскихъ обмановъ! вы прикрываете ихъ законами и могуществомъ Республики.“ Сія разительныя средства совершенно бы опалились безъ успѣха. Когда нѣжная мать видитъ больного своего сына, и спарается въ точности исполнить повелѣніе Врача — то что она дѣлаетъ? Материнскою рукою обводитъ медомъ крайшки того сосуда, копорой наполненъ спасительнымъ лѣкарствомъ, пропивнымъ для употребленія. Губы дышати, почувствовавъ сладость, спѣшатъ вдругъ выпить пропивное лѣкарство. Въ первой досадѣ своей, оно разбиваетъ у ногъ ея сосудъ на мѣлкія части; но за то, почувствовавъ скорое облегченіе, осыпаетъ мать подблауя-

ми, въ благодарность за обманъ, его спасшій. Точно то же бываетъ и съ народомъ. И для чего бы истинѣ не побѣдиль сначала обманъ шѣмъ же самымъ оружіемъ, какое онъ употребилъ для изгнанія истины изъ мыслей? Труды Фалесовы, и многихъ другихъ, я съ успѣхомъ здѣсь повторяю; вотъ почему умственныя сочиненія наши подобны Мифологическимъ писаніямъ. Я, однакожь, осмѣлился приподнять маску, давъ названіе одному сочиненію своему: *о Природѣ и богахъ*. Сіи два предмета, различные между собою, какъ небо и — адъ, поставленные въ заглавіи, написанные въ одной строкѣ, привлекаютъ многихъ на мою сторону. —

Въ другомъ сочиненіи, которое должно быть въ десяти книгахъ, я описываю происхожденіе и постепенную власть боговъ. Великій жрецъ никогда не говорилъ такъ разсудительно; но только пусть не ошибуся! Сіи названія боговъ

одни только слова, скрывающія важную истину, которая безъ сего покрывала ослѣпила бы глаза черни; — одни Египетскіе іероглифы, заставляющіе меня иногда казаться шемнымъ, иногда говоришь загадки. Но что нужды? всѣ истины, какія только могъ я опкрыть, находясь въ сей книгѣ; но одни только опытные глаза могутъ снять покрывало съ муміи — и тамъ увидятъ шѣло.

Я далъ заглавіе сей книгѣ: *Теокразія*. Пусть другіе почтутъ ее *исторією боговъ, подчиненныхъ любви*; ибо происхожденіе всѣхъ существъ, составляющихъ Природу, въ ней изъясняется, и никто не можетъ возразить мнѣ. Такъ, я закрываю уста сильнымъ фанатикамъ. Сей книгѣ еще прибавилъ я другое странное названіе, и которое — признаюсь — не имѣетъ смысла: *Гелталикусъ*; оно шѣмъ сильнее поражаетъ, а сего только и искалъ я, чтобы захопитъ больше читателей къ такому сочиненію, которое много за-

ключаетъ въ себѣ странностей... Самые жрецы, обыкновенно имѣющіе болѣе безстыдства, нежели знаній, первые обманулись, и не отвергли новаго названія, которое торжественно далъ мнѣ народъ за сіе сочиненіе — названія ихъ *Богослова*. Я радовался внутренно, видя, что миновалась опасность, угрожавшая мнѣ за такое сочиненіе, въ которомъ, въ первой спрокѣ, я называю Юпитера идеєю опвлеченною, и въ которомъ я полагаю землю современною сему божеству.

Въ первомъ сочиненіи моемъ *о Натурѣ и богахъ*, я заставилъ нѣкоторымъ образомъ легковѣрную чернь пропировѣчь между собою; и она едва это примѣшила. При вычисленіи боговъ, я совершенно принимаю ту часть Теоріи Фалеса Милетскаго, гдѣ онъ поставляетъ воду первою стихіею, — и въ тоже самое время, непримѣтнымъ образомъ доказываю, что первое сіе божество, можетъ быть, есть самый воздухъ, чему уже

одинъ древній народъ и вѣрилъ. — Вотъ какимъ образомъ, мало по малу, непримѣтно, нечувствительно, я показываю свѣтъ простымъ глазамъ, которые долго были закрыты; — теперь должно открывать ихъ съ осторожностію, дабы все не ослѣпить.

Вода служитъ также основаніемъ хаоса, хотя Поэты почитаютъ хаосъ особеннымъ богомъ: — ибо, въ чемъ смертные не видѣли Промысла Божія? —

И такъ земля и воздухъ, вода, хаосъ и время — вотъ всѣ начала, выводимыя мною на сцену подъ священными именами Юпитера, Сатурна и другихъ боговъ. Жрецы покрыли Богословію свою одеждою Природы; я также имъ подражаю, и, желая обратить людей къ почитанію истиннаго Бога, скрываю Всемогущаго подъ различными именами боговъ.

Я употребляю ту же самую кипрость, которая имѣла успѣхъ противъ

жителей Сцироса, моихъ соопчичей. При-
спань ихъ, обезславленная морскими раз-
бойниками, скрывающимися между скалъ,
служащихъ ей оградюю, едва - едва не бы-
ла совершенно оставлена чужестранными
купцами, которые вездѣ желаютъ найти
миръ и безопасность. Мы взяли многія
малыя суда у сихъ разбойниковъ, упо-
требя хитрость, то есть переодѣвъ маш-
росовъ въ ихъ плашь, и подражая ихъ
маневрамъ. Они были обмануты; неболь-
шой флотъ, вблизи слѣдовавшій, окружилъ
ихъ, и — берега наши, избавленные отъ
разбойниковъ — опять увидѣли дальнѣя
купеческія суда.

Я овладѣлъ полемъ Мифологіи, давши
на немъ нѣсколько сраженій, возжегшихъ
любопытство и возбудившихъ вниманіе.
Я сдѣлалъ всю мою систему аллегориче-
скою. Положилъ два начала: воздухъ,
или Юпитеръ, начало *дѣйствующее*; Тел-
люсъ, или земля, начало *страждущее*. Вре-
мя я называю тѣмъ же именемъ Сатурна.

Я и самъ также изобрѣлъ боговъ.
Извѣстное божество, или Геній добра,
родился въ моемъ воображеніи, и вышелъ
подъ именемъ *Хтонія*; злощворная боги-
ня, или Геній зла, подъ именемъ *Офіонія*;
ей сопутствуетъ толпа *Офіонитовъ*. По-
томъ я представилъ ихъ въ безпрестан-
ной враждѣ между собою. Сии два *начала*
объявляютъ войну, и готовятся къ сра-
женію. *Хтонія* одерживаетъ побѣду, и
низвергаетъ *Офіонію* со всею свитою въ
мрачную *Огему*: такъ я называю царство
тѣней. Все это не ново, скажете вы;
я согласенъ. Это тоже сраженіе Гиган-
товъ, только имена переменены; сего и
довольно, чтобы заснавить народъ пере-
мѣнить мысли и показать путь истины.
Конечно онъ все еще остается въ заблуж-
деніи; но вымыслы для разсудка — сушь
по же, что подмостки для спроущагося
зданія: когда оно кончится, мы ихъ снимемъ,
или оставимъ времени разрушить ихъ. Ко-
гда моя система о двухъ началахъ бу-
детъ имѣть свое дѣйствіе, тогда я при-

спуплю къ развишю поняшй, избѣгая, сколько можно, сухости, хотябы по было на счетъ ясности. Простой народъ любитъ карпины: никакое чувство сколько его не обманываетъ, какъ зрѣнїе. Жрецамъ это очень извѣстно. Наконецъ я достигну самыхъ слѣдствїй, и доведу слушателей до того, чптобы они сами заключили, чпто Природа состоитъ изъ *противоложностей*; чпто гармонїя вещей родится отъ взаимнаго сраженїя противныхъ силъ; чпто все стремится къ равновѣсїю, къ покою чрезъ сїе самое сраженїе; наконецъ, чпто добродѣтель и блаженство царствуютъ на прямой линїи, которая служитъ предѣломъ для пылкихъ спрасей. Я скажу имъ, чпто истина есть свѣтъ, а ложь тьма. Я вооружу добрыхъ людей противъ злыхъ, по примѣру *нагала добра*, безпрестанно сражающагося *съ злымъ нагаломъ*, и осматривающагося побѣдившемъ; я буду совѣтовать имъ держаться всегда свѣтильника Природы, и увѣрю ихъ, чпто злой

Генїй воспоржествуетъ надъ ними, еспли вовлечетъ ихъ во мракъ невѣжества, или заблужденїя.

Помомъ я искалъ карпины простой, но величественной, съ помощїю которой я могъ бы дать поняшїе о Нашурѣ, и — такъ сказать, сдѣлать ее очевидною для простаго народа, избѣгая согласнаго мнѣнїя съ жрецами: ибо не очень выгодно ишши ихъ спезею. Мнѣ пришло въ голову представить величественный дубъ, которой вершиною касается челу солнца, а корнями достигаетъ центра земли: два крыла разсѣкающъ воздухъ вокругъ него, и великая маншїя, или занавѣсъ, обнимаетъ огромное дерево и распростертые крылья.

Кажется, долговѣчная Природа, во всей силѣ, во всей красотѣ и непремѣнности, совершенно изображается дубомъ прекраснымъ, долговременнымъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ растений. — Колеблющїяся крылья хорошо изобража-

ютъ движеніе — душу вселенной. Наконецъ мантія, или распроспертый занавѣсъ, обнимающій все, изображаетъ безпредѣльность Натуры, которая составляетъ все, и внѣ которой нѣтъ ничего.

Я не сомнѣваюсь, что несмысленные комментаторы и многословные педанты обезобразятъ нѣкогда сію аллегорію, желая всякой изъяснить ее по своему: вотъ, она открыта — такъ, какъ я ее понимаю.

Другая мысль, встревожившая умы и находящаяся во многихъ мѣстахъ моей Теокразіи, есть слѣдующая: „Юпитеръ превратился въ „Любовь, когда хотѣлъ совершить все-ленную.“

Нѣсколько строкъ ниже:

„Первой Основатель долженъ быть самый лучшій.“

Съ начала меня не поняли. Иные подумали, что я хотѣлъ поставить что-то внѣ Природы, дѣйствующую силу, существующую саму по себѣ и производшую все изъ хаоса; это бы заставило меня противорѣчить собственнымъ началамъ. Иные не видѣли, или, лучше сказать, не хотѣли видѣть, что я имѣлъ намѣреніе однимъ словомъ изобразить гармонію, которая связываетъ всѣ существа въ мірѣ, опредѣляетъ каждому мѣсто, и каждое существо на немъ удерживаетъ. — Такъ! сказалъ я имъ съ жаромъ; такъ! во вселенной все любовь — отъ первой звѣзды до послѣдней атомы, все любитъ. Владычица ночи всегда идетъ по слѣдамъ царя дней. Отецъ свѣта любитъ и плодитъ землю; сія общая мать облепляетъ въ нѣдрахъ своемъ влажную спихю, и воздухъ есть другъ пламени, которой умираетъ, лиась его. Все любитъ, все есть любовь! — Переспань любитъ хотя одно существо, и — цѣпь, все связующая, разорвана. Безъ любви что бы

была Природа? — Любовь — своею безконечною прелестію, водворяетъ согласіе во всѣхъ частяхъ ея.

Всякую минушу жизни человекъ долженъ любить; — лишь выдетъ онъ изъ утробы матерней, и — уже ласкается на груди ея. Опеческая любовь бдитъ подлѣ его колыбели; любовь сыновняя нѣкогда дастъ ему поцѣлуй — на пуши къ гробу. Но царь вселенныя, человекъ, обязанъ дать ей примѣры великіе; ему надобно любить совершеннѣе всѣхъ другихъ существъ; онъ не похожъ на ширана дубравнаго, рыкающаго въ пещерѣ подлѣ подруги, случайно найденной. Любовь есть чувство чистое, надъ всѣми другими господствующее; но верхъ свой надъ ними употребляетъ она для того только, чтобы до себя ихъ возвысить, и сообщить имъ тошъ жаръ, ту дѣятельность, ту мочь, — копорой безъ нее часто они не имѣютъ. Въ семъ-то смыслѣ положилъ я сію великую истину: *причина рождающая — ш. е. любовь, должна быть лучшая.* —

Фересидъ замолкъ, — и тогда я сказалъ Гермодамасу въ полголоса, и пожимая руку: О, опецъ мой! какъ я люблю правила друга швоего! его система хороша: она мнѣ по сердцу.

Фересидъ. Изъ двухъ главныхъ родовъ шарлатановъ, врачей и гадашелей — послѣдніе показались мнѣ всѣхъ заносчивѣе и корыстолобивѣе. Смерть по крайней мѣрѣ избавляетъ васъ отъ служилелей Эскулаповыхъ; служилели же олшарей преслѣдуютъ васъ и за предѣлъ жизни и до самаго гроба. Они, для сего случая и предмета, выдумали другое бытіе въ обителяхъ мрачныхъ. Хорошо основаніе сей мысли, но доброе зерно сіе подавлено вредными правами. — Надобны хорошіе глаза и твердость, чтобы разпознашь подлинность сквозь сіи духовные покровы! Для достиженія къ своему концу, они принуждены были раздѣлится на - двое человекъ — оплечить въ немъ два рода матеріи, простую и сложную; сію назвали *тѣломъ*, а ту *душею*. Безъ сего тонкаго различія, можно бы сказашь при видѣ

прупа на костирѣ: эта безжизненная масса не можетъ разомъ существовать на землѣ, въ Элисейскихъ поляхъ, и въ Тарпарѣ. А теперь, при помощи казистаго ученія своего, они отвѣчаютъ: тѣло здѣсь, душа тамъ; пожертвуйте тѣнямъ; смягчите Харона и Цербера.

Чтобы избѣжить это новое сѣмя заблужденій и нелѣпостей, которыя очень часто производятъ жертвы ваши людьми — гдѣ на могилѣ Царя или Побѣдителя закаляютъ рабовъ его или плѣнныхъ — я держался такого пути. Я сказалъ ученикамъ моимъ: жрецы правы; человекъ не во-все умираетъ; сожигаемый, или погребаемый трупъ, не есть совершенно человекъ. Самое драгоценное въ немъ переживаетъ его тѣло: его душа переселяется въ душу друга, котораго оставляетъ; его сердце находится въ сердцѣ его жены и бѣдныхъ его сиротъ, которыя его оплакиваютъ. Духъ его перешелъ въ то ученіе, которое онъ передалъ своимъ ученикамъ; и дыханіе жизни, которое обращалось въ его чле-

нахъ и разрушало всю пружину слабой человѣческой машины, съ той минуты, какъ сія пружина испортилась или прервалась, превращается въ великую душу; — душа человѣческая есть не что иное, какъ часпнца, какъ испеченіе; она восходитъ къ первоначальному своему источнику съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять переселилась въ прочія тѣла несовершенно образованныя, которыя находятся въ воздухѣ, въ глубинахъ водъ и въ нѣдрахъ земли: ибо всѣ существа совершенно равно любезны для матернихъ глазъ Природы. Я опять повторяю это: жрецы думаютъ правильно; такъ! душа бессмертна, но совсѣмъ иначе, нежели какъ они понимаютъ; — душа бессмертна не съ тѣмъ, чтобы блуждать по водамъ Кацита въ продолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, еслии никто не постарается принести за нее на олтари кровавыя жертвы.

Тѣ, которые живутъ этимъ, не столько сими новыми правилами, сколько

слѣдствіями оскорблены были: и такъ не приносите болѣе воловъ, которые служатъ только къ усучненію жрецовъ! Подражайте мнѣ: еще ни одному ни изъ своихъ, ни изъ чужеземныхъ боговъ не приносилъ жершвы; ибо ни они, ни родспвенники мои, ни друзья покойные, ни я, не имѣемъ нужды во всесоженіяхъ. И боги, и кумиры ихъ могутъ обойтись безъ этого; ибо они или мѣшаются въ дѣла человѣческія, или нѣтъ: въ первомъ случаѣ правосудіе ихъ неизмѣнно, и я вовсе полагаюсь на ихъ премудрость; въ другомъ случаѣ незаботливостъ ихъ оправдываетъ бережливостъ моего богопочипанія. А за друзей, или родспвенниковъ покойныхъ, не нужно жертвовать: они слѣдуютъ по пути судебъ своихъ, которыхъ ни прозбы, ни богатыя приношенія переменитъ не сильны.

Что касается до меня, то я не уменьшу эшимъ и не умножу своего здоровья. Видно, что воздухъ, которымъ дышутъ въ

храмахъ, не совершенно необходимъ для существованія человѣческаго. Я живу довольно пріятно: нитъ дней моихъ, прошедши чрезъ руки первосвященника, вѣрно бы не спала отъ этого длиннѣе; впрочемъ я не желаю дней многочисленныхъ, но только свѣпалыхъ. То время, которое потерялъ бы я, преклоняя колѣна на ступеняхъ олшара, посвящая ученію Природы; это все равно, что и молишься богамъ. Если Природа объемлетъ все, то она и боговъ и человѣковъ содержитъ. И такъ я, находясь безпрестанно въ присутствіи Божества, нахожусь въ присутствіи Природы.

Это ученіе, распространяющееся по всему оспрову Сцироскому, не приминуло дойти до свѣденія священниковъ; но, до сей минуты, они не осмѣлились еще возражать. Сатурнъ, держащій въ рукъ своей прошедшее, настоящее и будущее — одинъ Сатурнъ можетъ открыть мнѣ, что со мною впередъ будетъ. Жду этого, вооружась совѣспію. —

Такъ - то Фересидъ, не имѣвши тайны отъ друга своего Гермодамаса, открывался во всемъ предъ нами и укрѣплялъ во мнѣ склонность учиться мудрости. — Такъ, сказалъ я первому своему училею, Природа изъясняется мнѣ устами добраго Генія Сциросскаго; ибо такъ надобно называть Фересиду. О, впорой отецъ мой! всякой день умножаетъ мою признательность къ тебѣ; я тебѣ болѣе обязанъ, нежели жизнию; ты доставляешь мнѣ то, что дѣлаешь ее любезною и чинимою: примѣръ всѣхъ добродѣтелей и свѣденія всѣхъ истинъ. Какъ люблю я бытъ съ тобою и Фересидомъ! Юность моя, подобно кустарнику слабому, имѣла нужду въ двойственной оградѣ противъ спрасней ее обуревающихъ.

Конецъ второй Книжки.

П И Θ А Γ Ο Ρ Ъ.

Книжка третія.

XVI.

Частная жизнь древнихъ Грековъ.

Я рачительно ходилъ къ Фересиду; самъ Гермодамасъ, будучи гораздо старше его лѣтами, приходилъ слушать наставленія своего друга. Однажды, Фересидъ не кончивъ изъясненія своего, остроумнаго, но отвлеченнаго: о первой Притинѣ — вдругъ проснулся съ слушателями до утра, отвелъ насъ въ сторону и, ведя за городъ, сказалъ: „Друзья мои! какъ худо люди умѣютъ цѣнить достоинства людей! Ты видѣлъ, Пизагоръ, что жили Сцироса и иностранцы имѣютъ нѣкоторое почтение ко мнѣ за то, что я малымъ-чѣмъ больше ихъ знаю; за то, что по изчисленіямъ, доставленнымъ мнѣ изъ дальнихъ странъ, я предсказалъ соотечественникамъ своимъ замышлѣніе, которое можно было видѣть на нашемъ островѣ, и теперь почитаютъ меня первымъ человѣ-

Книжка III.

У

комъ во всемъ Архипелагѣ. Меня называютъ осьмымъ Мудрецомъ, за нѣкопорыя опвлеченныя разсужденія, копорыя необходимо должны были поразить умы, мало занимающіеся разсужденіями. Сциросъ, внѣ стѣнъ своихъ, у самыхъ врагъ, имѣетъ истиннаго Мудреца, но копораго едва ли онъ примѣшилъ. Въ сей близкой долигѣ, куда мы идемъ, обитаетъ великій человекъ; граждане его знаютъ, и оказываютъ ему только простое почтеніе — одну хладнокровность. Правда, онъ не ищетъ въ нихъ и не заботится плѣнить разумомъ, или удивить; онъ не производитъ чудесъ въ глазахъ ихъ; тихо и спокойно шествуетъ по пути жизни, и не говоритъ встрѣчающимся: соберитесь на гласъ мой! внимайте словамъ моимъ! Никогда и никто не видывалъ, чпобы онъ приступалъ къ иностранцамъ, идущимъ съ корабля, разспрашивалъ бы о ихъ странѣ и о пѣхъ земляхъ, къ копорымъ они плыть намѣрены. Сей Мудрецъ - на дѣлѣ никогда не оставлялъ мирнаго своего жилища, и окон-

чилъ жизнь тамъ, гдѣ родился. Можетъ бытъ, онъ переживетъ еще своего сына хотя нѣсколькими днями осмидесятилѣтней своей жизни. Сей феноменъ достоинъ вниманія нашего больше, нежели всѣ предметы, копорыми занимаемся. Сей человекъ, копорый одинъ на всемъ островѣ, достоинъ сего превосходнаго имени, есть — мой отецъ, и къ нему — полюбезный Пифагоръ, я веду тебя. Гермодамасъ его знаетъ, и по скромности своей готовитъ тебѣ пріятное удивленіе.“

Гермодамасъ. Такъ, сынъ мой! Вавій, отецъ Фересидовъ, есть живой примѣръ для тебя; ты, взглянувъ на него, можешь имѣть понятіе о непорочныхъ нравахъ первенцовъ нашей страны.

Нетерпѣніе заставило меня удвоить шаги. Мы увидѣли ручей, въ копоромъ струилась прозрачная вода: онъ служилъ межою небольшому помѣстью, копорое, съ перваго взгляда, показалось мнѣ прекраснымъ — хорошо обработаннымъ. Мы

вошли въ него чрезъ мостокъ, которой сдѣланъ былъ изъ трехъ деревъ, положенныхъ чрезъ ручей, замазанныхъ глиною и успланныхъ мягкимъ дерномъ. Два зеленые, высокіе пальма показывали дорогу, и въ то же время служили преградой для вѣшвисаго орѣшника. Въ семь уединенномъ помѣсть было земли не больше, какъ сколько пара воловъ въ три дни можеть обработать. На другомъ концѣ возвышался густозеленой холмъ: тамъ я увидѣлъ шарца, накрытаго бѣлымъ полукафтаньемъ, которое не проспиралось ниже колѣнъ. Голубой поясъ, кажешся, укрѣплялъ его. Онъ сбросилъ съ себя мантію такого же цвѣта, и съ помощію молодого крѣпкаго человѣка проводилъ плугомъ глубокую, прямую бразду, которую хотѣлъ прежде кончить, а потомъ вступишь съ нами въ разговоръ. Мы слѣдовали за нимъ до другаго конца нивы, гдѣ онъ сдѣлалъ ошдыхъ, чшобы сказашъ намъ: „Здравствуй, сынъ мой! здравствуй, Гермодамасъ, и мо-

лодой незнакомый его поварищъ! Богиня здравія, кажешся, предупреждаетъ мои желанія. Исполняйте все для полученія милоспей отъ нея. Никакое божество я такъ усердно не почиаю, какъ сію богиню, — даже нѣсколько презрѣлъ другихъ и одной ей посвящилъ всѣ пруды свои. Она - по мнѣ даетъ силу носить бремя власовъ моихъ, убѣленныхъ осмидесятою зимою. Друзья мои! солнце, которое почиаю впорымъ божествомъ послѣ здравія, продолжаетъ путь свой во время разговоровъ нашихъ, и не шерьетъ ни одной минушы: позволите мнѣ подражашъ ему. Во время разговоровъ нашихъ сія нива совершенно будетъ обработана.“

Вавій, поговоривъ нѣсколько о домашнихъ дѣлахъ съ Гермодамасомъ и Фересидомъ, оборотился ко мнѣ и сказалъ: „Молодой человѣкъ! ты конечно прибылъ на сей островъ съ шѣмъ, чшобы слушашъ мудрыя наставленія моего сына? Его

почитаютъ здѣшнимъ Оракуломъ, и каждый день спрашиваютъ, что происходитъ выше звѣздъ и во глубинѣ земли; а я держусь ея поверхности. Предавшись съ молодыхъ лѣтъ своей волѣ, я дѣлалъ себѣ нѣкогда слѣдующіе вопросы: въ семь уединеніи, подъ сею соломенною кровлею, я родился, существую; но какъ? ничего вѣрно не знаю; — для чего? вѣроятно для того, чтобы жить такъ, какъ я живу, подобно птицамъ, живущимъ по своему въ воздухѣ, и по примѣру другихъ безчисленныхъ существъ, раздѣляющихъ со мною свѣтъ дневный. Сіи воздушные жилища вьютъ себѣ гнѣзда, достаютъ пищу, размножаются, улетають и прилетаютъ, попомъ исчезаютъ и уступаютъ мѣсто свое другимъ. Такова, безъ сомнѣнія, и жизнь человѣческая. Улипка, вкушающая прежде меня плоды трудовъ моихъ, довольна сама собою въ извѣстное, исключительное время своей жизни. Она вольна сдѣлать все съ своимъ домомъ: увеличиваетъ ли его по сво-

ей нуждѣ, или переноситъ, или утверждаетъ на одномъ мѣстѣ, если ей такъ угодно; — улипка есть превосходный примѣръ для человѣка. Это оливковое дерево, не перемежная мѣста, помощію корней своихъ и листочковъ пьетъ соки земные и росу небесную — это необходимая пища для его прозябенія. Для чего же мнѣ, чувствуя себя довольнымъ въ семь уединеніи, оставлять его, надѣясь, что въ другомъ мѣстѣ будетъ лучше? Остаемся здѣсь; въ сей уединенной обители, которая была оставлена, недостаетъ только нѣкоторыхъ домашнихъ приборовъ, но съ небольшимъ стараніемъ она одна можетъ пропитать меня, такъ какъ и я почти одинъ могу здѣсь обработывать значныя нивы.

„Я остановился на этой мысли, совершенно проспой, что истинная свобода состоитъ въ томъ, когда можемъ обойтись безъ людей и быть довольны сами собою. Гордясь симъ открытіемъ и

восхищаясь отъ радости, я потчасъ началъ разсуждать, взявъ въ примѣръ простоты царя Элевзиса, отца Трипшолмова. Съ начала я увидѣлъ, что тяжесть черепиць обременяла спѣны моего дома: я на мѣсто ихъ употребилъ соломенную кровлю. Вокругъ дома обведена была каменная ограда, копорая сверхъ того, что разрушалась отъ времени, препятствовала чистому воздуху и прелестному виду: я сломалъ ее и выкопалъ ровъ, въ копорой провелъ воду изъ ближняго источника.

„Пряныя коренья и нѣкоторыя овощи, сваренныя въ глиняныхъ сосудахъ и изрубленныя моею рукою; похлебка изъ пшеницы, которую самъ я исперъ гладкимъ камнемъ, обременяющъ мой столъ простой, но здоровой, сытной и обильной. Кислая похлебка возбуждаетъ вкусъ, нѣсколько загрубѣвшій, къ деревенскимъ яствамъ; и виноградная кисль, выжатая моею рукою въ чашу моихъ пред-

ковъ, служилъ мнѣ пищемъ, могущимъ подкрѣпить слабыя силы. Никогда кровь шельцовъ, раздѣляющихъ со мною труды, не спруилась подъ убивспвеннымъ моимъ желѣзомъ. — Еще нѣсколько лѣтъ, и я, бросивъ взоръ на себя и на тысячу шаговъ вокругъ себя, могу сказать съ гордымъ духомъ: все, что вижу, есть дѣло Природы и мое; все, даже до обуви моей и одежды, есть произведеніе неупомимыхъ рукъ моихъ. Я ни чѣмъ не одолженъ другимъ; иногда самъ я былъ полезенъ моимъ ближнимъ, былъ признателенъ больше заслугъ, прежде мнѣ оказанныхъ.

„Молодой человекъ! сказалъ мнѣ Вавій, опвязавши воловъ отъ плуга, которые, влача ярмо свое, шли медленно сами въ ограду, примыкающую къ дому ихъ хозяина — молодой человекъ! Фересидъ началъ давать тебѣ высокія наставленія; будь увѣренъ, онъ не принесетъ тебѣ много пользы. Какая радость и удо-

вольспвіе лились въ мою душу, когда я въ первой разѣ, въ это же самое время, сидя въ этомъ вѣшвистомъ преддверіи, откуда однимъ взоромъ могъ обнять все свое владѣніе, и прямо видѣть городъ Сциросъ, прекрасную пристань, и синія волны, опѣняющія берегъ Цикладской — какая радость, удовольствіе было въ моемъ сердцѣ, когда я по справедливости могъ сказать себѣ: можетъ быть, въ это время, я одинъ только во вселенной умѣю жить *для себя — съ собою — и самъ грезъ себя!* Тамъ, на берегу моря, люди занимаются науками, торговлею; они осыпаны сокровищами, избыткомъ, и запрудняются въ выборѣ удовольствій. Камни и мраморъ, золото и мѣдь, обдѣланныя ими, представляють чудесное искусство, которымъ они тщеславятся; но имѣютъ ли на то больше права, нежели я? могутъ ли они быть столько свободны, столько счастливы? Если бы имъ извѣстенъ былъ родъ здѣшной моей жизни, то они по-

чли бы меня дикимъ, и нимало бы не обманулись. Я ничего точно не знаю, кромѣ должности — человека, которую, при самомъ рожденіи, возложила на меня Природа. Если бы я, подобно себѣ, Фересидъ! могъ узнать систему міра; если бы я, подобно себѣ, могъ вычислять зашмѣнія: то не ужели бы прожилъ долѣе, или сдѣлался лучше? Не ужели бы въ этомъ счастливѣе своего опца, котораго совѣтъ себѣ не понравился? Я повторяю вамъ, друзья мои: человекъ до тѣхъ только поръ бываетъ свободенъ, пока разумъ его согласенъ съ волею. Узы жестокаго, неумолимаго рока столько тѣсны, столько тягоспны, что трудно обременить себя еще узами общеспвенной жизни (*). Я знаю,

(*) Мнѣніе древнихъ народовъ — не совсемъ основательное. Такъ можетъ думать человекъ дикій, незнающій сладкаго утѣшенія — взаимно помогать и облегчать скорби другъ друга.

что о Вавиле не больше будутъ говорить послѣ смерти, какъ и во время его жизни. Но не ужели человекъ рожденъ съ шумомъ, чтобы имя свое оставилъ съ шумомъ? Вселенная для меня не простирается дальше горизонта; предѣлъ ея, для меня, въ концѣ этого поля, у подножія деревянной Гермесовой сапашуи; я не знаю, что дѣлается дальше, такъ точно, какъ что дѣлается въ лунѣ, еслили есть тамъ жители: ибо я имѣю нужду замѣчать только перемены года, а не перемены царствъ. Довольно для меня изслѣдывать Природу, соображаясь съ переменами ея, годовыми и ежедневными; а прочее — не мое дѣло; вотъ все мое знаніе. О еслили бы боги не позволили смертнымъ умничать больше моего!

„Мнѣ покровительствуетъ Дельфійскій Оракулъ: не провозгласилъ ли онъ счастливейшимъ, нежели Гигесъ, старика Псофиса, который въ Аркадіи имѣетъ владѣніе, обрабатываетъ самъ, и никогда не оставялъ онаго?“

„Гласъ Природы никогда не былъ забытъ человекомъ; пламенный жизни долженъ только переходить изъ рукъ въ руки. Смертный получаетъ его съ шумомъ, чтобы передать другому. Земледѣлецъ, изъ сосѣдственной деревни, выдалъ за меня старшую дочь свою. Скоро брачное ложе уподобилось плодоносной лозѣ виноградной; но одинъ только плодъ его — Фересидъ мнѣ остался. Онъ хотѣлъ путешествовать дальше меня, и просилъ, чтобы я отвелъ его въ Сциросъ: нѣтъ, нѣтъ! говорилъ я ему, (ты долженъ это помнить, сынъ мой!) я не выхожу изъ своего уединенія, но мнѣ окажутъ услугу, еслили тебя проводятъ въ городъ: я ни на минуточку не хочу выпустить изъ виду моего плуга и соломенной моей кровли. Поѣзжай, и возвратись въ мои объятія: ты всегда найдешь отца, но найдешь его только здѣсь. Теперь, говорятъ, онъ сталъ умнымъ, и скоро будетъ славою и украшеніемъ нашей страны. Я все шепчу же,

и естѣли не оставлю на гробѣ своемъ прекрасныхъ сочиненій, то, по крайней мѣрѣ, покажу примѣръ такого человѣка, которой хотѣлъ только знать Природу и ей слѣдовать. «

Вечерняя прохлада разливалась въ воздухѣ, и Вавій пригласилъ насъ войти въ его жилище. Подъ одинакою кровлею жилъ онъ самъ, и живописныя, ему принадлежавшія. Мы перечли живописныхъ, окружившихъ добраго своего хозяина: увидѣли двухъ шельцовъ, на которыхъ не было ни одного знака ударовъ; они виновались различнымъ перемѣнамъ голоса своего хозяина, и по одному пону Вавія продолжали путь свой, или возвращались назадъ во время работы на нивѣ. Дойная корова бѣла также съ ними изъ однихъ яслей. Въ этой же самой оградѣ увидѣлъ я иноспиранную лошадь, которую подарили Фересиду въ Сциросѣ, и которую онъ тотчасъ послалъ въ подарокъ своему опцу.

Вавій занималъ средину въ маломъ своемъ владѣніи, между житницею и погребомъ. Всѣ домашнія вещи сдѣланы были его руками: преножной сполникъ, скамейка, малая скамѣчка, чаша и другіе сосуды не столь большіе и различныхъ видовъ. Печка была вдали у дверей; подлѣ нее съ одной стороны желѣзной споялъ преножникъ, а съ другой большой подсвѣчникъ, вырѣзанный изъ корня крѣпкаго дерева. Лампада для трехъ свѣшленъ, сдѣланная изъ пережженной земли, висѣла среди потолка. Двѣ или три другія лампы для одной свѣшльни (одна изъ нихъ представляла лебедя, котораго длинная шея служила ручкою) спояли въ различныхъ мѣстахъ для того, чтобъ имѣть ихъ подъ руками. Цыновки, сплетенныя изъ просшника и посланные на возвышенномъ мѣстѣ въ комнатѣ, доспавляли тихой, сладкой снѣ владѣтелю сего мѣста. Молодой человѣкъ — (какой-то отдаленной родственникъ другаго дома, жившаго нѣко-

гда съ нимъ въ тѣсной связи) — копо-
рой служилъ ему, приготовилъ для насъ
ужинъ. Деревянной споль, выглаженный
и блестящій, покрытъ былъ широкими
листьями смоковницы, на которыхъ были
поспавлены яца, лукъ, медъ, пироги
и соль. Ивовыя корзинки наполнены
были прекрасными плодами, какъ сухи-
ми, такъ и свѣжими, недавно сорван-
ными. Между тѣмъ принесли чашу
вина, и другой глиняный сосудъ, напол-
ненный чистымъ свѣжимъ молокомъ; по-
томъ подали вокругъ четыре чаши для
пишя, и рогъ пельца, опредѣленный
для того же употребленія въ семействѣ.

Онъ посадилъ насъ и сказалъ: „Насъ
всѣхъ пять человекъ; это число — доброй
знакъ. Пословица говоритъ: *чтобы лиръ
былъ веселъ, не надобно уступать Граці-
ямъ, ни превосходить Музъ*. Я дѣлаю воз-
лїяніе сею чашею молока прѣмъ сест-
рамъ Купидона: а вы тоже сдѣлайте съ
чашею вина девяти дочерямъ Аполлоно-

вымъ. Я говорю иногда языкомъ тѣхъ,
съ кѣмъ раздѣляю пиршество... Гермо-
дамасъ! твои глаза, кажется, пошемибли.,,

И подлинно, второму опцу моему
вдругъ сдѣлалось очень дурно; мы шоро-
пились окончивъ ужинъ, чтобы скорѣе
опвесити Гермодамаса на постелю, при-
готовленную для него въ особомъ мѣстѣ,
и я готовился уже предаться сладкому
сну, подлѣ его постели. ...

XVII.

*Смерть Гермодамасова; его погребеніе.
Рѣчь Фересидова къ Пивагору.*

Въ самую полночь Гермодамасъ позвалъ
меня слабымъ голосомъ; ему часъ опчасу
становилось хуже. Лампада шеплилась
въ углу комнашы; я поставилъ ее въ
головахъ постели Гермодамасовой, и уви-
дѣлъ, что лице его было блѣдно; съ во-
ликимъ шрудомъ онъ едва могъ обратити

на меня глаза свои. — Не позовашь ли мнѣ Фересиду? сказалъ я ему.

Гермодамасъ. Сынъ мой! не пробуждай еще никого; оспанься подлѣ меня, еспъли хочешь: эта тяжкая минута, можешь бышь, еспъ первый вѣспникъ смерти.

Сначала онъ предался глубокому спокойствію, и я сомкнулъ глаза на минуту; но вдругъ услышалъ голосъ: „Пиеаторъ! здѣсь ли ты? приди проспишься со мною на вѣки. Я не могу сомнѣваться: послѣдній часъ мой близокъ; нипъ дней моихъ уже подѣ оспремѣ жестокой Апропы. Сынъ мой! закрой глаза Гермодамасу, и исполни послѣднюю волю его: отвези меня въ Самосъ, и предай шѣло мое землѣ между гробами моихъ предковъ.“

Я взялъ его за руку, и почувствовалъ, что она охладѣла и безъ движенія. Невольной крикъ вырвался изъ груди моей и разбудилъ Фересиду, его отца и

молодаго служителя. Они всѣ шрое прибѣжали. Гермодамасъ узналъ ихъ, и умирающимъ голосомъ произнесъ нѣсколько словъ — послѣднихъ: „Проспи, Вавій — Фересидъ! шибѣ я препоручаю Пиеатора; заспуни при немъ мое мѣспо. Сынъ мой . . .“

Онъ не могъ говорить дальше, и съ послѣднимъ вздохомъ вылетѣла прекрасная душа. Голова его склонилась на грудь мою — и склонилась на вѣки. Фересидъ спарался еще помочь ему, но шщепно; когда попухнешь пламенникъ жизни, то не лъзя зажечь его въ другой разъ.

Во время горестнаго молчанія, въ которомъ всѣ мы были погружены, молодой служитель, споявшій въ ногахъ у постели, началъ чипать молишву, какую обыкновенно возсылають Меркурію въ сіи минушы горести и печали. Тише, пише, сказалъ ему Вавій: боги не силь-

ны ничего сдѣлать съ душою мудреца (*). Гермодамасъ уснулъ, не прерывая крошечнаго сна его. Какъ скоро покажется на небѣ упреннѣй свѣтъ, то поди, плени гирлянды и вѣнки.

Я не могъ разстаться съ тѣломъ вшората моего опца: крѣпко прижалъ его къ моему сердцу — желалъ согрѣть и раздѣлить съ нимъ ту искру жизни, которая меня оживляла; губы мои прижимались къ хладнымъ его устамъ. —

„Пивагоръ! сказалъ важно Фересидъ, Гермодамасъ жилъ. Дни его совершились. Разумъ и добродѣтель озаряли ихъ. Ты лишился друга, наставника, вшората опца. Пусть льются въ память ему слезы сыновней любви! но не возмущай крош-

(*) Мысль высокая, прекрасная! — Здѣсь видно достоинство человека, и безсиліе всѣхъ боговъ языческихъ; — такъ думали Гении древности — пока свѣтъ Религіи не озарилъ умовъ смертныхъ.

каго сна его горестнымъ крикомъ безмѣрной печали. Слѣдуй лучше совѣщанью его: онъ училъ тебя не имѣть ни въ чемъ излишества. Воздадимъ ему послѣдній долгъ дружбы. “

Вавій удалился; онъ пришелъ черезъ минуту съ покрываломъ въ рукахъ, которое употреблено было въ подобномъ случаѣ для жены его, и которымъ мы покрыли Гермодамаса. Доброй спарикъ усыпалъ душистыми правами ту мантию, которою обернули его тѣло, и всѣ четверо понесли его въ глубокомъ молчаніи за предѣлы уединеннаго жилища, чрезъ маленькой зеленой мостъ. Вавій хотѣлъ, чшобы оно поспояло тамъ три дни.

„Гермодамасъ, сказалъ онъ съ прогательною простотою, пожертвовалъ бы мнѣ сими тремя днями; но когда онъ кончилъ жизнь, я не оставлю его праха, какъ предметъ болѣе не нужный. Лишась друга, я хочу по крайней мѣрѣ нагла-

дѣлаться на его шѣло, и долго - долго съ нимъ прощаться. Юной Пивагоръ! если бы онъ не объявилъ тебѣ послѣдней своей воли, я бы поспорилъ съ тобою о прахѣ нашего друга; онъ бы имѣлъ почтенное убѣжище въ маломъ моемъ владѣннн, и скоро бы Фересидъ соединилъ съ нимъ и мой прахъ. “

Мы оставили излишнне обряды суевѣрн, которые чернь считаетъ необходимыми; положили только тѣло подъ мрачными вѣтвями густыхъ кипарисовъ. Фересидъ не оставлялъ меня ни на минуту во время сихъ торжественныхъ обстоятельствъ. Каждое утро, въ продолженне сихъ трехъ дней, мы съ нимъ уединялись въ пустыню, въ рощи, — тамъ бесѣдовали о другѣ своемъ, оставившемъ мнѣ сей, и ввечеру приходили орошать слезами баздыханный трупъ Гермодамаса.

Наканунѣ отъѣзда, мы пробыли тамъ больше обыкновеннаго. Сынъ Вавтевъ, будучи сильно распроеанъ, далъ мнѣ чув-

ствительное наставленне, которое, по его желанню, не изгладится никогда изъ моей памяти. „Пивагоръ! сказалъ онъ, взявъ мою руку и положивъ ее на хладную грудь перваго моего наставника: ты посвящаешь себя мудрости и ученню истины — знаешь ли, къ чему обязываетъ тебѣ сие великое намѣренне? Можешь ли ты служить истинѣ для одной истины, или быть мудрымъ для себя одного? Двѣ спези открыты предъ тобою: одна спезя славы и преслѣдованн, другая неизвѣстности и мира. Избирай: хочешь ли жить, какъ Гермодамасъ и отецъ мой? желаешь ли, по примѣру ихъ, шворить благо въ неизвѣстности, жить безъ шуму, и скрывать свѣпильникъ свой въ кустарникъ? И такъ, когда соединишь ты сей священный остатокъ швоего друга съ прахомъ его предковъ, возвратись въ домъ свой, заключись въ немъ съ книгами и съ доброю женою; посвяти часть времени уединеннымъ Музамъ, и

будь только зрителемъ великихъ произшествій въ мірѣ. Постоянно будетъ швое щасіе , твердо и продолжительно ; ты не будешь ни на кого жаловаться , и никто не будетъ жаловаться на тебя ; смерть швоя будетъ также неизвѣсна , какъ и рожденіе ; ты пройдешь только по землѣ , и не оставишь на ней слѣдовъ своихъ ; не будутъ считать за грѣхъ или заблужденіе укорять тебя ; никто не нарушитъ мирнаго швоего праха , и едва ли знаютъ будутъ швою могилу ; но также не будутъ говорить и о швоихъ услугахъ , оказанныхъ человѣчеству. Ты не подымаешь ни малѣйшаго края шой обширной завѣсы , которая скрываетъ Природу ; хладнокровно будешь удивляться Истинѣ , и не доставишь ей никакого торжества : и если бы всѣ добрые люди , всѣ Геніи для сего не трудились , то человѣкъ опять бы началъ питаться жолудями — прежнему пищею. Общество , въ которомъ злые ничѣмъ не удержаны , ничѣмъ не

обузданы подобно окровавленной *Аренѣ* (*), гдѣ бѣдные низкіе люди не могутъ споять противъ жесточайшихъ звѣрей , или самыхъ свирѣпыхъ живошныхъ. — Если , напроивъ , родясь съ быстрымъ воображеніемъ , съ пылкою душою , ты не можешь наслаждаться покоемъ до тѣхъ поръ , пока есть шарлатаны , обманывающіе народъ и заставляющіе деспотовъ угнѣтать чернь ; если въ сердцѣ швоемъ любовь къ истинѣ доходитъ до энтузіазма ; если , при встрѣчѣ съ гадшелемъ , или тиранномъ , кровь въ жилахъ швоихъ разгорячится и кипѣть начинаетъ ; если ты ищешь полезныхъ знаній и великихъ открытій ; если текутъ слезы изъ глазъ швоихъ о потерѣ дня , въ которой не сдѣлалъ ты ни одного шага ближе къ Природѣ : —

(*) *Арена* — мѣсто въ амфитеатрѣ , опредѣленное для ристалищъ , кулачныхъ бойцовъ , и для сраженія людей съ дикими звѣрьми.

проводи тѣло Гермодамасово въ Самосъ ; окропи могилу его слезами , и попомъ — войдя во Дворецъ Поликрашовъ , постарайся обратишь его къ мудроси. Если ли привычка къ порокамъ превратилась въ немъ въ другую природу : оставь его , обратишь къ соопчичамъ , и возвысь ихъ до своей степенни. Если ли рабство унизило совершенно духъ ихъ : оставь опечесво , и испытай въ другомъ мѣстѣ свою удачу. Путешествуй ! дойди до начала всѣхъ заблужденій , и въ самомъ корнѣ испреби ихъ. Учись узнавать людей , поступай подобно врачамъ , которые прежде видятъ многихъ больныхъ , нежели начинаютъ лѣчить ихъ. Обогащаясь наблюденіями и опытами , приступи наконецъ къ преобразованію себѣ подобныхъ ; когда ты возвратишь изъ дальнихъ путешествій , они тебѣ повѣрятъ. Если ли ... хотя одинъ только народъ , хотя одинъ городъ обратишь къ мудроси , къ свободѣ (*) : то ты жилъ

(*) Если ли древній Мудрецъ разумѣетъ здѣсь мнимую свободу , ослѣбляющую глаза

довольно. Клевеша посыплется на тебя со всѣхъ сторонъ ; но ты прямо , сквозь всѣ опасности , шествуй къ цѣли. Если лижъ падешь — ты исполнишь долгъ свой ; предопредѣленіе швое совершишь : и шомъ самой косперъ , на кошоромъ принесушь тебя въ жертву истинѣ и добродѣтели , на другой день превратишь въ жертвенникъ , гдѣ куришься будушь еиміамы предъ швоимъ изображеніемъ. Пиеаторъ ! какова бы ни была швоя участь , обещаешь предъ другомъ нашимъ Гермодамасомъ , кошорой насъ слышишь — ибо безсмертная душа его , оставя тѣло , обратилась къ душѣ міра и вездѣ присутсвуетъ — обещаешь предъ нимъ предо мною , пошому что онъ опредѣлилъ меня засупишь его мѣсто ; обещаешь , что какія бы ни были произшествія , люди , обстоятельствова , — но

простыхъ — то мы скажемъ только , что и великіе были шѣ же люди , и могли ошибаться.

Переводч.
X 2

всѣ мысли твои, всѣ слова, всѣ дѣйствія посвящены будутъ Истинѣ, Добродѣтели и Природѣ. “

Чувствованія и движенія сердца при сихъ словахъ Фересидовыхъ — были моимъ опѣшомъ, увѣреніемъ. Рука моя горѣла въ его рукѣ; быспрый, сверкающій взоръ мой увѣрилъ его, на что я рѣшился. — Приходитъ Вавій съ плющевымъ вѣнкомъ въ рукѣ. „Что вамъ сказалъ онъ? Вы, кажется, слишкомъ встревожены. Фересидъ! конечно ты заставляешь Пивагора принять важное обязательство; онъ его исполнилъ. Доброй молодой человекъ! продолжалъ онъ: прими сей вѣнокъ, освящи его на главѣ Гермодамаса, и храни, какъ нѣчто священное, въ память его, меня и моего сына.

XVIII.

Пивагоръ возвращается въ Самосъ. Политическое состояніе сего города

На другой день — день нашего отбѣзда, около осьмага часа, увидѣли мы вдали, на дорогѣ, множество людей идущихъ прямо къ уединенному жилищу Вавія: это были Фересидовы ученики. Они, безпокоясь объ Учитель своемъ, котораго не было два дни пропивъ его обѣщанія, сами желали узнать о причинѣ: можетъ быть онъ боленъ и лежитъ у отца своего! думали они. Но какая горестъ поразила ихъ, когда увидѣли пригоповденія къ мрачному, плачевному обряду!

Я тотчасъ подбѣжалъ къ нимъ и сказалъ: оставьте слезы; вы ошиблись; мнѣ одному должно плакать; вы видите бездыханное тѣло Гермодамаса; — вотъ Фересидъ.

Не менѣе важный, священный долгъ, сказалъ онъ имъ, могъ только удержатъ

меня въ разлукѣ съ вами. Благодарю васъ за посѣщеніе; вы мнѣ поможете отдать послѣдній долгъ спарому другу.

Между шѣмъ ожидали, пока зайдеиъ солнце, чтобы отправишься въ путь свой. Молодой Вавіевъ служилъ запретъ пару воловъ въ деревенскую шелѣгу; мы положили на нее шѣло въ кипарисномъ гробѣ. Вавій самъ положилъ вѣнокъ на голову усопшаго, и прижавъ насъ въ своихъ объятіяхъ, тихо и задумчиво, обернувшись маніей, сѣлъ на перилахъ мостика и глядѣлъ вслѣдъ за нами. Молодой служилъ его шелъ впереди, въ одной рукѣ несъ пламенникъ, а другою управлялъ воловъ, медленно идущихъ въ шажкомъ ярмѣ.

Фересидъ и я, въ мрачной задумчивости, взявшись за руки, шли за шелѣгою. Такъ мы прибыли въ городъ, гдѣ я почти тотчасъ сѣлъ на корабль, чтобы плыть въ Самосъ. Я напередъ просилъ владѣше-

ля судна, чтобы ночью прибыть намъ въ пристань: это время сообразно было съ печальнымъ моимъ положеніемъ, и благопріятствовало тайнѣ, которую мнѣ должно было хранить.

Я созвалъ родныхъ Гермодамаса, и мы приступили къ послѣдному плачевному обряду въ шотъ самой вечеръ, когда всѣ жили Самоса и окружныхъ селеній, по повелѣнію и на счетъ Государя праздновали. Тутъ свободно могли мы предаваться своей горести. Мрачной дубовой гробъ принялъ трупъ Гермодамасовъ. Между шѣмъ, какъ его осыпали цвѣтами и душистыми распеніями, я опрѣзалъ локонъ власовъ моихъ — оросилъ слезами, и уронилъ его изъ рукъ во гробъ, произнося похвальное Слово:

„Да будетъ благословенна память „Мудраго! Смертный, подававшій во всю „жизнь свою мудрые совѣты, похвальные „примѣры, оставивъ по себѣ почтенное

„воспоминаніе. Есѣли разумъ мой до
 „сего времени не былъ въ заблужденіи;
 „есѣли языкъ мой никогда не произно-
 „силъ словъ, которыхъ должно стыдись-
 „ся; есѣли я никакими еще забавами
 „не занимался, кромѣ удовольствій При-
 „роды: то всемъ обязанъ мудрому, не-
 „забвенному Гермодамасу. Воспитывая
 „при Дворѣ, меня бы сдѣлали рабомъ, дерз-
 „кимъ, жестокимъ, или какимъ нибудь
 „вепремъ, находившимся при Дворѣ Цир-
 „цеи; будучи Архисномъ, я бы долженъ
 „былъ угождать своенравію Деспота; —
 „купцомъ, я бы всемъ жертвовалъ золо-
 „ту; — спутникомъ Героя, я можетъ
 „быть сдѣлался бы жаднымъ къ крови:
 „но въ глазахъ мудраго Гермодамаса, слы-
 „ша важные уроки изъ успъ его, я ни-
 „чего не находилъ прекраснѣе истины,
 „ничего лучше добродѣтели. О Гермода-
 „масъ! блаженъ, кто зналъ тебя и тебѣ
 „слѣдовалъ, кто видѣлъ и внималъ тебѣ!
 „Блаженъ, кто можетъ подражать тебѣ,
 „и содѣлался подобнымъ *теловѣкомъ*; ибо

„ты ничего не желалъ больше, и мнѣ со-
 „вѣщавалъ не искалъ ничего, кромѣ по-
 „чтеннаго шипла *теловѣка*, спараясь един-
 „ственно пріобрѣсть то, что прилично
 „человѣку. О Гермодамасъ! оспавилъ ли
 „ты мнѣ сей здравый разумъ, управляв-
 „шій всѣми швоими дѣйствіями; сію лю-
 „безную непорочность, опкровенность дѣш-
 „скую, сопровождавшую даже спарыя швои
 „лѣта; сію простоту нравовъ, защиш-
 „ницу невинности, спутницу истиннаго
 „блаженства; оспавилъ ли ты ихъ мнѣ,
 „почтенный Мужъ, прежде нежели скрыл-
 „ся въ мрачную могилу? Есѣли въ семъ
 „хладномъ оспаткѣ шлѣветъ еще искра
 „шпой древней мудрости, которую наслѣ-
 „довалъ ты отъ родителей: то, прежде
 „нежели я скажу тебѣ въ послѣдній разъ
 „проси — пусть перейдетъ она въ мою
 „душу — совершенно перельется изъ
 „тебя. . . Да не обременитъ сія земля,
 „обработанная швоею рукою и почтенная
 „швоими спопами, шихаго уединеннаго
 „праха! да не дерзнетъ жестокая нога

„злаго попирашь твою могилу! Горе зло-
дѣю, и всѣмъ тѣмъ, кои попускають на-
кое поруганіе памяти мудрѣйшаго изъ
„жителей Самосскихъ!“

Всѣ присутствовавшіе повторили
слова его.

На другой день, когда закашилось
солнце, я пришелъ къ памятнику: намъ
приводилъ себѣ на память всѣхъ тѣхъ
почтенныхъ людей, у которыхъ Гермодамасъ
совѣщивалъ мнѣ искать убѣжища,
когда его не будетъ. Я не забылъ Фере-
сида и Алкмеона. Море отдѣляло меня
отъ перваго, и хотѣлъ прибѣгнуть къ
другому, отъ котораго не далеко нахо-
дился. Я приказалъ попросить его къ
себѣ, какъ будто для больного. Онъ при-
шелъ подъ вечеръ и скоро узналъ меня:
что сдѣлалось съ нашимъ добродѣтель-
нымъ другомъ?

Увы! отвѣчалъ я, спроси жестокою
Парку. Но ты самъ печаленъ: отъ чего
эта горестъ помрачаетъ твое лице?

Алкмеонъ. Поговоримъ прежде о
нашемъ и твоемъ почтенномъ другѣ; са-
мый лучший способъ почтить досто-
ныхъ вѣчной памяти — не истощать себя,
подобно свѣщильнику, горящему на гро-
бѣ, которой бесполезенъ для него и для
другихъ. Когда ты узнаешь о моей по-
терѣ, то возвратишь мнѣ тѣ слезы,
которыя проливаю о твоей. Смертные
не должны завидовать другъ другу: имъ
всѣмъ досталась въ удѣлъ мѣра горестей.

На другой день нечаяннаго отпѣзда
вашего, Поликрашъ призвалъ меня спро-
сить о причинѣ. Онъ, будучи не доволенъ
моимъ отвѣтомъ, показалъ такой видъ,
что дрожь пробѣжала по всему моему
тѣлу, какъ скоро я возвратился; чув-
ствительная Арифилія потчасъ это
примѣшила.

Ночной отпѣздъ твой съ Гермодамасомъ
причинилъ много безпокойства моей
дочери; сіе новое приключеніе довершило

его, легкая болѣзнь ея скоро сдѣлалась опасною, и на третій день — я ея лишился! . . .

Пифагоръ. Арифиліи нѣтъ на свѣтѣ? . . .

Алкмеонъ. Если бы дочь моя могла умѣрить чувствительность въ первыя минуты, то скоро бы она перестала беспокоиться обо мнѣ и о друзьяхъ моихъ. Гнѣвъ Поликраповъ не имѣлъ никакихъ слѣдствій; можетъ быть онъ ожидаетъ, чтобы жертва его пришла сама въ руки. Пифагоръ! ты предаешься опчаянью; выслушай. Не одни мы достойны сожалѣнія на семъ островѣ; взгляни на опечесство наше: патріоты древней Республики жили мирно, вздыхая тихо о прешедшихъ блаженныхъ дняхъ; одинъ изъ нихъ осмѣлился сказать предъ изображеніемъ Поликраповымъ: люди не безсмертны! Его услышали, схватили и осудили на казнь. Нѣкоторой донощикъ, долженствовавшій вести списокъ всѣмъ тѣмъ, кои не нра-

вялся тиранну; опмѣшилъ гражданъ; принимавшихъ участіе въ судьбѣ своихъ соопчичей; они ночью были испоргнушы изъ объятій семействъ своихъ, и попомъ подверглись той же участи. Сіе зрѣлище должно было оледѣнить кровь въ жилахъ народа; но въ то самое время занимаютъ его пиршествомъ. Спобы были посланы вездѣ по улицамъ Самосскимъ, и едва можно было пройти осужденнымъ на смерть. Народъ, среди виновныхъ народовъ и Бахусовыхъ гимновъ, вспааетъ на минушу изъ за снола, чтобы видѣть несчастныхъ, ведомыхъ на казнь; онъ видитъ — рукоплесканіе раздается, и попомъ опять принимающа за чаши, и пьютъ за здравіе благодѣтельнаго Генія — Поликрапа. Не лзя предсавить его удовольствія, когда ему донесли о безопасности гражданъ, глумомъ ихъ любопытствѣ, звѣрской радости и о невѣроятномъ ихъ равнодушіи при видѣ палачей и несчастныхъ жертвъ. „Вотъ каковъ долженъ быть мой народъ! ска-

залъ Принцъ своимъ Придворнымъ обоего пола; „народъ, дошедшій до такой степени униженія и варварства! . . . съ нимъ все можно сдѣлать.“

Любезный Пифагоръ! скрывай свое мѣсто пребыванія, а я между тѣмъ поспараюсь обо всемъ освѣдомиться (1).

XIX.

Советы Пифагору, какъ съ пользою путешествовать.

Трудно, очень трудно было удержавъ слезы въ присущствіи Алкмеона: онѣ наполняли глаза мои; наконецъ я далъ имъ волю.

Слухъ носился, что никто не видывалъ Пифагора смѣющимся, или плачущимъ; я никогда не открывалъ эпого для чести Философіи; но слухъ не вездѣ

(1) Въ разсужденіи сего параграфа и ближайшихъ, сказано будетъ въ замѣчаніяхъ.

дѣ за мною слѣдовалъ, и не примѣчалъ первыхъ шаговъ моихъ. Любезные мои! мудрый не можетъ быть совершенно безъ опасностей, или сдѣлашься нечувствительнымъ къ нуждамъ Природы, копорыя несправедливо называютъ слабостями. Виноградная лоза плачетъ весною, а въ осень приноситъ сочные плоды. Въ юныхъ лѣтахъ должно заплачивать дань спрашамъ, чтобы имѣть право въ зрѣлыхъ лѣтахъ собирать плоды мудрости. Могло ли быть положеніе мучительнѣе моего? Безъ родныхъ, безъ друзей, однѣ только узы привязывали меня къ жизни: Арифилія могла мнѣ возвратить все, чего я лишился. Уже мысли мои къ ней стремились, когда я начиналъ поминаться въ скукѣ, подобно сыну Улиссову, копорой среди бури призывалъ Минерву. Телемакъ былъ щасливѣе: онъ опирался на руку Безсмертной.

Часто я приводилъ себѣ на память эпоу эпоху жизни для нравоученія. Мо-

лодой Аплетъ дѣлается искуснымъ, не смотря на бой, опершись спокойно на ограду Цирка; не подвергаясь самъ упражненію, онъ иногда падаетъ для того только, чтобы научиться вставать послѣ паденія. Первые учители наши — спраси.

Алкмеонъ возвратился чрезъ два дни. Положеніе мое довело меня до того, что укоризна испорлась съ языка моего. „Не уже ли, сказалъ онъ крошкимъ голосомъ, такъ ты исполняешь свое обѣщаніе?“

Пифагоръ. Почтенный отецъ Арифиліи! дочь твоя не чужда была моему сердцу; я не могъ быть безчувственнымъ къ ея добродѣтелямъ, къ ея прелестямъ. Пифагоръ желалъ нѣкогда войти въ твое семейство, и уже ты имѣлъ во мнѣ еще одного сына. Теперь должно просишься съ блаженствомъ! ужасная пустыня открывается взорамъ: я одинъ. . .

Алкмеонъ. Сынъ мой! не уже ли нѣтъ у тебя отца той, которую ты оплакиваешь? . . . Оставь свою горестъ; ты не можешь больше жить въ Самосѣ. Я думалъ, что благоразумно будетъ встрѣпить ударъ, готовимый тебѣ Поликрапомъ. Я рѣшился къ нему явиться: Государь! за нѣсколько мѣсяцовъ ты говорилъ мнѣ о Пифагорѣ; теперь онъ возвратился. — Мнѣ это извѣстно; онъ лишился наставника своего Гермодамаса. Да для чего Пифагоръ не пришелъ самъ? . . . — Онъ погруженъ въ горести, прогающей его до опчаянія, и едва теперь узнать его можно; я совѣщивалъ ему путешествовать въ Египетъ, къ цѣлительнымъ водамъ Нила. Государь! позволишь ли ему отправиться въ это путешествие, необходимое для его здоровья?

Алкмеонъ! прервалъ Поликрапъ, наморщивъ чело свое: власъ моя не просирается на частные поступки граж-

данъ; Пиеагоръ можешъ опасаться въ своемъ опечесствѣ, или выѣхать. Можешъ быть онъ спросишься, чшобы не вспомнили о послѣднемъ его опѣздѣ; я хочу вѣришь, что онъ повиновался только своему наставнику, а съ мертвыми я дѣла не имѣю. Чшобы увѣришь его, что я умѣю прощать и живыхъ, то я поручу ему письмо къ Царю Амазису. Вотъ мнѣнiе мое неблагодарности и опвѣтъ злословію! Поликрамъ не хочешъ иначе наказывать обидѣ, нанесенныхъ ему лично; и никогда не будетъ жестокимъ, развѣ противъ нарушителей спокойствiя подданныхъ его. —

Любезный Пиеагоръ! я совѣтую тебѣ воспользоваться расположенiемъ Поликрамовымъ, истиннымъ или ложнымъ, но благопрiятнымъ. Не дадимъ ему времени придти въ себя; переменны тирана бываютъ иногда опасны. Съ завтрашняго дни займись приготовленiемъ къ путешествiю. Для разбѣянiя спрасшей,

ты можешъ предаться своимъ склонностямъ.

Пиеагоръ. Ахъ, отецъ мой! горестъ, какъ вранъ Прометеевъ, терзаетъ мое сердце; она снѣдаетъ его, пожираетъ. Могу ли я употребить въ пользу все то, что увижу?

Алкмеонъ. Пиеагоръ! ты въ совершенныхъ лѣтахъ; наслаждаешься здоровьемъ и достаткомъ; ученiе твое, подъ руководствомъ двухъ мудрыхъ наставниковъ, будетъ для тебя очень полезно; ты прежде видѣлъ все ихъ глазами — посмотри и своими. Путешествуй одинъ, пѣшкомъ и медленно; смотри вокругъ себя, и иногда возвращайся назадъ. Проникни всюду, гдѣ только проникаетъ солнце; оно рассыпаетъ свѣтъ въ хижинѣ бѣднаго, равно какъ и въ чертогахъ Вельможи: путешественникъ долженъ быть неутомимъ. Онъ не порицаетъ обычаевъ, неизвѣстныхъ въ его опечесствѣ, но тихо и спокойно все замѣчаетъ. Геркулесъ, путеше-

шесствую по свѣту, очистишь его отъ заразительныхъ чудовищъ, за то народъ вездѣ встрѣчалъ его съ восклицаніями; но если бы принуждали людей къ добру противъ воли ихъ, то гдѣ будетъ справедливость? Деспотизмъ добродѣтели есть — преступленіе. Спрашисъ дашь себя замѣшисъ; примѣчай все, но поступай такъ, чшобы никто не примѣчалъ тебя: ты будешь вольнѣе; и шѣ, коихъ увидѣшь захочешь нагими, не будешь имѣшь времени, или не примешь осторожности надѣшь маску, когда ты проходишь будешь. Такъ путешествовалъ Гомеръ, не будучи извѣстнымъ. Многія обласи послѣ смерти его узнали, чшо онъ почилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Медленно проходилъ онъ, спрашивая всякаго о дорогѣ; принималъ гостепрїимство съ благодарностію, если предлагали ему безъ гордости. Съ дѣшми и старцами, съ женами и жрецами ошанавливался, разговаривалъ, и не показывая жаднаго любопытства, прїобрѣшалъ довѣренность про-

гательною простотою. Никшо не скрывалъ отъ него тайнъ. Ввечеру, когда готовился спать, онъ прежде чершилъ на дощечкахъ своихъ шѣ драгоценныя замѣчанія, кошорыя способствовали къ сочиненію его Поэмъ.

Никогда путешественникъ не долженъ спѣшисъ. Гомеръ лучше хотѣлъ видѣшь мало, но хорошо; нежели много, но худо. Обыкновенныя нужды не превозжили его. Если бы запасъ ишоцился, онъ жилъ подаянїемъ; просилъ не краснѣя, но съ благороднымъ видомъ, приличнымъ человѣку, пребующему услуги отъ подобныхъ людей.

Каковы бы ни были боги шѣхъ странъ, гдѣ ты путешествуешь, ошшно приноси имъ жертвы: святая Истина возблагодаришь тебя. Я вспомнилъ при эшомъ одного Египтянина, вѣспника Оракуловъ. Онъ вырѣзалъ изъ дерева спашую — нагую женщину, и, прїѣхавъ въ какую нибудь націю, одѣвалъ ее такъ, какъ шамъ

одѣвались, и не предсавлялъ ее божествомъ той области. Статуя была та же, но одежда другая. И такъ всѣ имъ были довольны, и онъ имѣлъ входъ во всѣ мѣста. Мудрецъ, не имѣющій способности сообразоваться съ шѣмъ народомъ, которой узнать хочетъ, долженъ оставаться дома.

Путешественникъ имѣетъ преимущества: пользуйся ими осторожно. Отъ чужестранца требуется не много: употребляй въ свою пользу гордость того народа, у котораго жить будешь. Главная потребность путешественника — умѣть спрашивать, и заславивъ говорить шѣхъ, съ которыми обращается. Въ каждой странѣ есть свои чудеса, которые тотчасъ тебѣ покажутъ. Но, конечно, ты предпочтешь науку узнавать людей превосходству статуи? Безъ сомнѣнія, люди изображаютъ себя въ сочиненіяхъ, въ памяшникахъ, и даже въ образѣ жизни: не оставляй ничего; обрати прежде внима-

ніе свое на живые памяшники. Цѣлыя націи предсавляются, какъ въ зеркалѣ, въ бо-льшихъ сочиненіяхъ, которые желаютъ передать потомству. Но естли кому извѣстны Египтяне по своимъ только пирамидамъ, Халдеи по Астрономическимъ исчисленіямъ, Вавилоняне только по великолѣпнымъ садамъ: тотъ не можетъ еще судить объ нихъ. Народъ не ест бездыханное мертвое шѣло, надъ которымъ внимательнѣо дѣлаютъ наблюденія служители Эскулапа; онъ одушевляется, безпрестанно движется; даже законы не могутъ показать характера націй. Сколько народовъ не согласныхъ съ законами! но ихъ лучше узнать можно по нравамъ.

Еще ты имѣешь одно преимущество, котораго ни Цари, ни Министры въ путешествіи имѣть не могутъ. Отъ нихъ скрываютъ то, что имъ больше всего знать нужно; но тебя считая другомъ Истины, ученикомъ Фересидовымъ,

не почтуть за нужное скрываться. „Эпо глубокомысленный, мудрый человекъ, скажутъ они; Полипики называютъ такихъ людей дѣльми — ихъ не чего бояшься.„ Подъ сею маншею ты будешь вездѣ имѣшь доступъ; одни жрецы зашворятъ тебѣ входъ во святилище, но письмо Поликрашово къ Амазису отворитъ тебѣ всѣ врага, какъ — по: приступъ къ шрону, входъ въ храмы, вездѣ ты будешь принятъ; только берегись казаться умнѣе шѣхъ пышныхъ особъ, кои въ нечислыхъ, въ неискусныхъ рукахъ своихъ колеблютъ судьбу цѣлыхъ народовъ. Сначала обращайся съ первымъ и послѣднимъ классомъ, потомъ успокойся съ людьми средняго соспоянїя: шущъ ты увидишь основательность каждаго народа, шущъ — по можешь узнать ослѣпленіе Двора и предразсудки черни.

Зерцало Истины, переходя изъ рукъ въ руки, наконецъ — разбилось; должно ѣздить по свѣшу, чтобы собрать обломки,

разсѣянные по лицу земли. Циѳагоръ! ты чувствуешь себя призваннымъ для сего розысканїя; можешь быть ты будешь щасливѣе своихъ предшесшвенниковъ; можешь быть также — испытавъ всѣ шрудности, и проведши нѣсколько лѣтъ далеко отъ родины — ты будешь имѣшь право воскликнуть увидя опчизну: шрудно, шрудно оставишь ее въ другой разъ! люди вездѣ одинаковы; собственныя пупешествїя меня, въ шомъ увѣрили, а Исторїя подтвердила, что они были шѣже и во всякое время: но не уже ли не можно оправдать сей истины собственными глазами?

Сынъ мой! пупешествїя предохранятъ тебя отъ великой слабости, какой глубокомысленные подверглись въ своемъ уединенїи. Не зная ни людей, ни предметовъ, они предаются внутреннему чувству и воображенїю — полагаютъ основанїя свои, какъ Юлиперъ, на облакахъ. Пупешественникъ привыкаетъ

прежде испытывать, попомъ вѣрить; и еслили онъ когда-либо дастъ народу законы, или положитъ основаніе наукамъ, то утвердитъ ихъ на необходимыхъ нуждахъ, на очевидной ясности. Научись заблаговременно совѣшавшись съ глазами и руками, прежде нежели призовешь во свидѣтельство разумъ.

Любишель истины, ты, которой хочешь для нее такъ далеко путешествовать! по возвращеніи своемъ не употребляй возло, подъ именемъ ея, легковѣрности соопчичей. Не будь подобенъ Аргонавтамъ, превратившимъ въ золото волну Колхидскихъ овецъ. Путешественникъ — Министръ довѣренности; онъ долженъ уважать себя предъ тѣмъ, кто его спрашиваетъ и кто обязанъ ссылаться на истину его словъ. Горе тому, кто играетъ довѣренностью себѣ подобныхъ! Стыдъ и презрѣніе путешественнику, которой, чтобъ умножить

удивленіе — увеличиваетъ, превращаетъ, говоритъ чудеса о томъ, что видѣлъ (*).

И такъ оставь Самосъ какъ для собственной твоей безопасности, такъ и для усовершенствованія произведенія Природы. Слѣдуй стремленію души твоей, жадной къ познаніямъ; онъ разсѣяны по землѣ, какъ сѣмена разсыпанныя вѣтромъ; посвятни себя исканію истинъ: внимай всѣмъ славнымъ Учителямъ, коихъ имя дойдетъ до твоего слуха, но слѣдуй только Природѣ. Не будь переимчивымъ; храни всегда свой характеръ. Послѣдователи не ускорили знаній человеческихъ ни на шагъ. Наблюдай собственную тебѣ поступь; узнай всѣ системы, но не привязывайся ни къ одной; пусть разумъ твой уподобится сипу,

(*) Строгой Алкмеонъ! едва ли не оскорбишь ты нѣкоторыхъ путешествовавшихъ, можетъ быть, для другой цѣли — и нечаянно опступившихъ отъ истины... —

опдѣляю: ему добрыя зерна отъ худыхъ. Я беру долгъ на себя, въ отсутствіи швоемъ, воздавать гробу Гермодамаса ту почестъ, которую ты дѣлалъ общался. Во время путешествія не забудь несчастнаго отца. Проспи, Пиеаторъ!

Алкмеонъ оставилъ меня. Последнія слова его напомнили бѣдную Арифилію — и это вновь сполло мнѣ слезъ. Путешествіе мое назначено было въ вечеру на другой день. Я намѣренъ былъ посѣпить Фалеса, прежде прибытія въ Милетъ. Любопытство влекло меня въ Эфесъ, и я медленно удалялся отъ первой спашуи Меркурія, стоявшей на дорогѣ изъ Самоса.

Путешествіе въ Эфесъ.

Колонія, состоявшая изъ Фессалійцевъ и Грековъ, извѣстная подъ именемъ *Лелегесъ*, занималась ловлею звѣрей на возвышенныхъ берегахъ, осѣняемыхъ Іонійскимъ моремъ. Однажды попадаетея имъ страшной вепрь; они приносятъ обѣтъ — посвятить Діанѣ голову сего звѣря, если удастся имъ убить его. Щастіе благопріятствовало; обѣтъ исполненъ, и Діана получила часть своего прихода. Ей посвящаютъ голову вепря, и возносятъ высоко на кудрявой вязъ. Одинъ охотникъ обрѣзываетъ пень дерева, и мало по малу даетъ ему грубой видъ богини. При семъ видѣ благоговѣніе закипѣло въ сердцахъ его товарищей, и они согласились приходить въ нѣкоторые дни возобновлять предъ сею спашуею благодарныя молишвы.

Вопъ происхожденіе славнаго Эфеса; ибо скоро сооружено было нѣсколько хи-

жинъ подлѣ сего священнаго вяза. Непогоды и бури не уважали сего дерева; ему сдѣлали защиту, которая не была еще образцомъ искусства. Храмъ не можетъ быть безъ служителя, а жрецы любящъ жить выгодно. Не трудно имъ было воспользоваться набожноспію Амазонокъ, не знавшихъ сего богочиманія.

Я видѣлъ основаніе новаго зданія, въ Египетскомъ вкусѣ; строеніе требуетъ больше двухъ вѣковъ, если въ точности слѣдовать плану, какой мнѣ показали: всѣ Азійскія провинціи участвуютъ въ издержкахъ сего пышнаго, гордаго предпріятія. Я былъ при посвященіи: — необыкновенная церемонія, въ присутствіи Депутатовъ, присланныхъ изъ каждаго Іонійскаго города! — Эпоха сего произшествія вырѣзана на камняхъ, образующихъ первой ярусъ; но прежде совершено возліаніе млека, вина и крови; тысячи жертвъ пали отъ рукъ священныхъ, какъ будто для наполненія и укрѣпленія фундамента. —

Но для сего употребленъ надежнѣйшій способъ. — Между матеріалами смѣшанъ былъ шерпой уголь и лоскутья кожи съ шерстью. На семъ первомъ основаніи поставлены пиласпры подземныхъ сводовъ; это выдуманно было по причинѣ рыхлой почвы земли, опредѣленной для сего храма на покашѣ холма, почти всегда орошаемаго струями, выпекающими изъ верхнихъ испочниковъ. Мѣстоположеніе сіе избрано было отъ землепрясенія.

Безчисленные своды съ искусствомъ будутъ отдѣланы, какъ для поддержанія огромной тяжести, такъ и для помѣщенія влаги. Сіи каменные бесѣдки составятъ родъ лабиринта, гдѣ опасно заблудиться и погибнуть, если не будетъ руководствующей нити. Это зданіе будетъ имѣть въ длину больше трехъ сотъ шаговъ человѣческихъ. Куполь будетъ поддерживаемъ рѣзными колоннами, вышиною въ шестьдесятъ Греческихъ фу-

шовъ; каждая изъ нихъ есть подарокъ какого нибудь Царя, ибо малые Азійскіе владѣтели желаютъ споспѣшествовать сему великому памятнику. Сіи колонны будутъ особеннаго рода: онѣ утвердятся на педесталахъ и украсятся вазами. Весь куполь будетъ изъ кедроваго дерева, которое, говорятъ, не подвержено разрушенію; а двери изъ кипариса, коего прочность извѣстна. Кипрь доставляетъ винное дерево такой толщины, что оно можетъ служить вмѣсто лѣсницы для восхожденія на верхъ храма. Жители острова предлагаютъ спашую Діаны, вырѣзанную изъ другаго винограднаго дерева. Чію будетъ съ богинею, естли огонь обниметъ храмъ ея?

Входы и алеи образованы будутъ сфинксами, поставленными въ равномъ извѣстномъ разстояніи. Всѣ согласны, чтобы окружность сего зданія простиралась на 80 шаговъ. Говорятъ, что мѣсто сіе будетъ

такъ обширно, какъ можетъ пролетѣть два раза пущенная изъ лука стрѣла. Невольникъ, шуда убѣжавшій, получаетъ свободу. Щасливъ народъ, гдѣ всѣ дѣйствія Религіи имѣютъ споль прекрасныя слѣдствія! пусть только швоятъ добро, нѣтъ нужды смотрѣть на причину; еще не время бытъ спрогимъ и взыскапельнымъ.

Жилища жрецовъ будутъ кирпичныя; есть Цари, которые не могутъ жить такъ хорошо: но за то имъ обязаны миромъ и тишиною. Сіи несчастные лишаются женъ, и къ величайшей горести имъ поручаютъ еще смотрѣть за дѣвами, посвященными въ жрицы Діанѣ.

Сей духъ нелѣпостей, царствующій почпи во всѣхъ учрежденіяхъ человѣческихъ, дѣлаетъ евнухами служителей и того божества, которое представляется могущесвѣннымъ и оплодотворяетъ землю.

Ежели возвигнушь новую спатую на мѣсто прежней, то не много переищишься въ разсужденіи вида; все таже будетъ женщина, одѣтая въ Египетскомъ вкусѣ, копорой голова, руки и ноги будутъ только примѣшны. Но чтобы распространить ея почитаніе и умножить число поклонниковъ, я увѣренъ, что жрецы скроютъ древнюю простоту свою подъ безчисленнымъ множествомъ спранныхъ украшеній и чудныхъ обрядовъ. Одинъ изъ нихъ объ этомъ говорилъ мнѣ: „такъ какъ мы заняли у Египтянъ изображеніе Діаны, которая на берегахъ Ніла предспавлена въ лицѣ Природы, то для чего же намъ не умѣшь сдѣлать? Діана — божество столь великое, что можетъ покровительствовать не однимъ только охотникамъ. Распространимъ ея могущество! не уже ли она не можетъ играть многія роли вмѣстѣ? Мы сдѣлаемъ, чтобы она предспавляла Цереру, Цибелу, Изисъ; словомъ, все,

что угодно: мы не должны ограничивать благочестія.

Пивагоръ. Легковѣрія — хочешь ты сказать.

Ты представляешь полу-бога, спвѣчалъ вспльчиво жрецъ полу-человѣкъ. Я хотѣлъ говорить, но онъ уже былъ далеко.

Я остался для празднества, называемаго Эфесскимъ. Жены замужнія исключаются изъ онаго и спсаются дома; однѣ дѣвицы могутъ присутствовать въ храмахъ

Празднество продолжается до ночи; тогда оно принимаетъ видъ совершенно, кажется, прошивной непорочной Діанѣ. Люди, проведеніе цѣлой день въ пьянствѣ, разсыпаются по дорогамъ, грабятъ купцовъ, наполняютъ переулки шумомъ и безпорядкомъ, и едва-едва сонъ и усалось прекращающъ сіе благо-

честливое пиршество, которое *Эссены* (1) не заботясь прекратить; это было бы просиительно, если бы все они доведены были до ничтожнаго состоянія жрецовъ.

Доходъ сихъ послѣднихъ, кромѣ приношеній на олтаряхъ ихъ, состоятъ еще во многихъ, очень рыбныхъ прудахъ, находящихся недалеко отъ храма. Одинъ такой прудъ могъ бы питать всѣхъ служителей Діаны.

Эфесъ, какъ величественный амфитеатръ, разспилается на покаты холма. Онъ выстроенъ по плану и занимаетъ обширную спадю. Пристань открыта и очень опасна. Источникъ Галишейской, извѣстный во всей странѣ по хорошей водѣ своей, питъ весь городъ, отдаленный отъ Смирны не болѣе, какъ на полдень ѣзды. Чрезъ дорогу протекаютъ многіе прекрасные источни-

(1) Начальники торжества.

ки, гдѣ на берегахъ можно видѣть очень рѣдкое растеніе — *золотысячникъ*, на прямомъ, гибкомъ стебелѣ, покрытый желтымъ своимъ цвѣтомъ. Горы, лежащія недалеко отъ Эфеса, покрыты масличными деревьями; тамъ, между кустарникомъ, спеленся *колареа*. Окружности кажутся веселымъ плодоноснымъ садомъ; абрикосовыя деревья распутъ, зеленѣютъ и устилаютъ путь бѣлымъ своимъ цвѣтомъ. Между Эфесскими растеніями много есть деревъ, годныхъ для дѣланія гребней. —

Любезные ученики! во время путешествій я занимался произведеніями Природы, и особливо памятниками, вышедшими изъ рукъ человѣка. Люди много трудились для безсмертія надъ мраморомъ и мѣдью. Природа, рѣзвясь, переживетъ ихъ; а средства, кажутся, употребляетъ очень слабыя: это плѣнные растенія, погибающія съ каждымъ прошедшимъ годомъ для того, чтобы жи-

випись съ наступающимъ. Я не оставлялъ произведеній человѣческихъ, изображающихъ потъ вѣкъ, когда они жили, и показывающихъ успѣхи наукъ, или разума.

На вратахъ Эфесскихъ, ведущихъ къ Милету, представлено происшвенное божество Діаны, или, какъ говоритъ простой народъ, Гекашы, съ тремя лицами; ибо сіе великое божество означаетъ всю Природу. Чернь не знаетъ, что, принося ей жертвы, поклоняется Великому, Непоспимому.

Эфесскіе граждане считаютъ себя первымъ Азійскимъ народомъ, а можетъ быть, въ семъ же смыслѣ, и самымъ древнимъ.

Со времени путешествія моего, сей Эфесъ, гордившійся происхожденіемъ своимъ и храмомъ, безстыднымъ образомъ спеналъ подъ игомъ двухъ честолубцевъ —

Комаса и Аѳинагора. Мнѣ хотѣлось поговорить съ Гиппонаксомъ.

Житель Эфеса. Его нѣтъ здѣсь; Правительство изгнало его изъ опечесства. Онъ живетъ въ Клазоменѣ.

Пивагоръ. Какъ! эпотъ чловѣкъ, котораго описывали мнѣ безобразнымъ, мало росту, могъ навестъ спрахъ первымъ особамъ въ Государствѣ?

Житель Эфеса. Муза его не имѣла недоспашковъ. У него вырвалась рѣзкая правда, которая всегда колетъ глаза, естляи не чиста совѣсть. Но ты можешь видѣть его изображеніе; Анеермъ и Бюпаль повсюду умножаютъ оное во всемъ безобразіи. Эти два скульпшеры получили тайное приказаніе эпо дѣлать.

Пивагоръ. Начальники ваши принимаютъ очень малыя средства. Но Гиппонакъ не долженъ жаловаться, что прикрылъ энгузіазмъ свой одеждою Гомеровою Музы.

Житель Эфеса. Мы больше должны славиться знаменитымъ соопчичемъ нашимъ *Каллиномъ*; превосходные стихи сего Поэты - Историка замѣнили и армию: они спасли Эфесъ отъ нападенія Магнезийцевъ.

Когда выходилъ я изъ сей земли, одинъ ученой иностранецъ предложилъ надпись для Діаниной статуи; жрецы ее приняли; вотъ она:

Природа, мать всего въ мірѣ.

Я говорилъ нѣсколько минутъ съ симъ Ученымъ; и весьма удивилъ его, когда сказалъ: соопчичи мои Самосцы говорятъ о происхожденіи Эфеса совершенно другимъ образомъ, нежели какъ я здѣсь слышалъ; они утверждаютъ, что невольники наши, сославлявшіе колонію, взбунтовали и тысячами скрылись въ горы, откуда часто грабили имѣніе господъ своихъ. Наконецъ, дабы избавишься отъ нихъ, мы позволили имъ удалиться ко брегамъ, и

искать другаго убѣжища; они избрали Ионійской берегъ, привлечены будучи пріятнымъ мѣсположеніемъ сей страны, покрытой цвѣтами во всякое время.

XXI.

Путешествіе въ Пріенну. Біасъ. Разсужденіе о клеветѣ.

Я окончилъ путь отъ Эфеса до Пріенны, морской Фивской усадьбы; это дорога пребуеть полдня пути пѣшеходнаго. Меандръ течетъ близъ сего обширнаго города, построеннаго почти при подошвѣ Микала, горы двухолмистой. Рукавъ моря проспирается на семь стадій между симъ островомъ и Самосомъ.

Я имѣлъ обычай останавливаться на минути у городскихъ воротъ, прежде нежели войду въ нихъ. Тамъ сѣлъ подлѣ большой дороги, ведущей въ Пріенну; тогда вышли изъ города двѣ молодыя дѣвицы, въ провожаніи одного юноши и

многихъ служителей обоого пола. Всѣ они остановились; я подошелъ, думая, что они имѣютъ намѣреніе совершить какіе нибудь тамошніе обряды. Младшая изъ дѣвицъ повѣсила на сѣбѣ гирлянду незабудочекъ, между тѣмъ какъ старшая произнесла сіи слова: „Привѣспвуемъ тебя, городъ щасливой! Есть города больше изобилующіе всякими сокровищами, а нѣтъ ни одного богатѣе тебя добродѣтелью. Правосудіе, вездѣ почти мало цѣнимое, сокрылось въ Пріеннѣ. Тамъ принятъ злополучный, невинность почитаема; юныя дѣвы, исторгнутыя изъ объятій родишельскихъ, находятъ тамъ втораго отца. Цвѣти, благодѣтельная Пріенна! Боги покровители! удалите отъ сего священнаго града бичи войны и голода. О Пріенна! итакъ, ты слава Іоніи, болѣе Милета, Эфеса и Смирны; отъ сихъ поръ станемъ произносить имя твое съ святымъ почтеніемъ; — и вмѣстѣ будемъ повпоряшь Біаса, хотя мудрецъ сей обязалъ

насъ молчать объ немъ. Простите, Пріенна и Біасъ! да не забудутъ васъ долго, долго, гораздо долго этихъ незабудочекъ — покуда будете помнить благодѣянія ваши!“ —

При имени Біаса я подспунилъ къ юношѣ, проводнику двухъ дѣвицъ, и сказалъ ему: скажи мнѣ, что значитъ такое прогашельное привѣспвіе? Я путешествовалъ въ Пріенну за тѣмъ только, чтобы видѣть сего гражданина, котораго имя произнесли вы теперь съ такимъ почтеніемъ.

Юноша отвѣчалъ мнѣ: достойно названъ онъ мудрымъ во всей Греціи! ты видишь двухъ сестеръ моихъ; мы изъ города Мессаны, селенія Ахейскаго, на островѣ Тринакріи. Онѣ отправились для исполненія одного обѣта въ Дельфы подъ защитою и на суднѣ стараго друга отца моего. Разбойники морскіе грабятъ судно, убиваютъ друга нашего, котораго имъ пропивилъ, и похищаютъ сестеръ моихъ.

Біасъ возвращался изъ Дельѣ на свою родину; онъ прибылъ въ пристань въ одно время съ разбойниками, которые очень хвалились своею добычею. Біасъ пошчасъ выкупаетъ обѣихъ плѣнницъ, везетъ ихъ въ домъ свой, гдѣ жили онѣ, какъ въ домѣ отеческомъ. Тамъ онѣ воспитывались и содержались Бѣасомъ. Между тѣмъ мы въ Мессанѣ были въ лютомъ безпокойствѣ. Фанодикъ, такъ зовущъ отца моего, день и ночь оплакивалъ потерю дочерей своихъ возлюбленныхъ. Наконецъ, черезъ одно письмо узнаемъ мы, что онѣ въ Пріеннѣ у мудреца Біаса. Тотчасъ отправляюсь въ путь отдать ему выкупъ за сестеръ своихъ, и заплашишь за то, что онъ спарался объ нихъ, какъ объ родныхъ дѣтяхъ. Отдавая мнѣ сестеръ, не хотѣлъ онъ принять ни выкупу, ни заплашы. „Мнѣ напередъ, сказалъ онъ, заплашило то удовольствіе, что я сдѣлалъ добро. Спѣшите къ отцу, который ждетъ васъ съ минушы на минушу, а прочее все оставь-

те богамъ.“ Передъ симъ только покинулъ насъ Біасъ, и мы не хотѣли ославить города, гдѣ находятся такіе добрые граждане, не оказавъ ему благодарности. Чужестранецъ, скажи объ насъ Біасу! —

Пиеагоръ. Такъ! я буду изъяснителемъ чувствъ вашихъ къ нему. Да проведутъ васъ безпрепятственно боги покровители въ нѣдро семейства вашего!

Они пошли путемъ своимъ къ пристани; я вснупилъ въ городъ, и пошчасъ обратился къ жилищу Біасову.

Пиеагоръ. Здравіе Мудрецу благодѣтельному! . . .

Біасъ. Юной чужеземецъ! чего хочешь ты? Говори кратко.

Пиеагоръ. Я Пиеагоръ Самосскій. Сциросскій Фересидъ, Гермодамасъ, потомокъ Креофилевъ, и мудрой врачъ Алкмеонъ, всѣ дали мнѣ совѣтъ для

пушешествія моего, посѣпипть сперва Пріенну и услышатъ Біаса.

Біасъ. Юноша — ученикъ сихъ прехъ добродѣшельныхъ челоѡковъ — чего тебѣ болѣе?

Пиагоръ. Одинъ изъ нихъ, Гермодамасъ, окончилъ жизнь.

Біасъ. Но покинулъ тебѣ примѣръ свой.

Пиагоръ. Позволь еще мнѣ прибавить: примѣры освободителя семейства Мессанскаго; теперь лишь я его оставилъ: она отдала мнѣ залогъ милой и драгоцѣнной своей признательности.

Біасъ. Довольно; дай мнѣ окончить защищеніе друга, недоспойно оклеветаннаго передъ судилищемъ Пріенскимъ. Черезъ два часа судьи должны рѣшить.

Пиагоръ. Біасъ! я упомянулъ одно изъ правилъ своихъ: *будь скупѣе на вре-*

мя, нежели на совѣты. Повѣрь мнѣ во время труда своего нѣкоторыя таблицы, содержащія швореніе швое обѣ искусствѣ бытъ шаспливымъ. Хотя ты сочинилъ его только для обитателей Іоніи, но безъ сомнѣнія всѣ люди имѣютъ право на уроки, въ нихъ заключающіеся.

Біасъ. Я не сыскалъ еще времени пересмотрѣть сіе произведеніе и сдѣлать его достойнѣе читателя, не Іонійца. Поэтому же мудраго Фересида повѣряю свои таблицы.

Предайте своимъ, возлюбленные ученики, нѣкоторыя опривки изъ Поэмы сей, которыя моя вѣрная память — ибо я всегда упражнялъ ее — могла сохранить до сей минуты.

По началу, какое сдѣлалъ сочинитель, видно, что его намѣреніе было не выдавать ихъ при жизни своей; вошъ первые шроки:

„Біасъ, сынъ Тевпамовъ и гражда-
нинъ Пріенской, предлагаешъ всѣмъ со-
отечественникамъ, жителямъ Іоніи, по-
слѣдніе совѣты дружбы, о способѣ жить
щасливо, или хорошо, ибо это одно.“

Друзья мои! вамъ говаривали о бо-
гахъ; опнесемъ къ нимъ всякое добро,
происходящее въ семъ мірѣ, говоряшъ
намъ; а зло, къ богамъ ли же надобно его
относить? Смертные! чгобы сказать о
томъ, какъ надлежитъ, ожидайте, пока
они сами изъяснятся; боги не любяшъ,
чгобы люди объ нихъ гадали, или спа-
рались провидѣшъ ихъ тайнсва; боговъ
чшущъ болѣе въ молчаніи. Но воздадимъ
благодареніе имъ за то, что для своего
щасія не имѣемъ нужды посшигашъ ихъ.

Прежде жашвы, Природа не пребуешъ
отъ земледѣльца, чгобы онъ зналъ тай-
ну прозябенія; воздѣлывай, говоритъ она,
и оставь мнѣ все прочее. Какая тебѣ
нужда до того, что происходитъ надъ
твою головою? смощри лучше себѣ подѣ

ноги. Трудъ есть первое божество смерт-
ныхъ; разумъ есть провидѣніе чело-
вѣка. Сынъ земли! иди прямо, не
подъемля глазъ къ небу; дабы узнать,
ободряешъ ли кто тебя шамъ горѣ, или
тебѣ угрожаетъ. Дѣлай добро и для не-
го самого и для себя. Не проси у боговъ
здравія; они тебѣ отвѣсшвуютъ: здра-
віе отъ одного тебя зависитъ: будь презвѣ.
Не говори богамъ: даруйте мнѣ богаш-
сво. Боги возразятъ тебѣ: намъ нечего
тебѣ дать; все у Природы, а человекъ
часть ея. Трудитесь для пріобрѣшенія;
скудость есть горькой плодъ лѣности...

Я провожалъ Біаса въ Судилище.

Я примѣшилъ, что онъ не часто
оставлялъ домъ свой; для сего надобны
были причины столь же важныя, какъ
защищеніе друга, неправо обвиненнаго;
ибо какъ скоро онъ пришелъ на площадь
Судилища, многіе граждане спекались къ
нему для совѣшванія. Одинъ подошелъ
къ нему: Біасъ! проси моей докучли-

востпи; но я давно уже сперегу, какъ ты пройдешь, чшобы предложишь тебѣ вопросъ, на которой я самъ не могъ отвѣчать, когда мнѣ далъ его старшій изъ моихъ дѣтей: — что такое боги?

Улыбаясь сказалъ ему Біасъ: спроси объ этомъ у нихъ самихъ.

Я и сдѣлалъ это, откровенно отвѣчалъ Пріенедъ; но они не отвѣчали мнѣ.

Другъ мой! прервалъ Біасъ: я не мечтаю знать объ нихъ больше ихъ самихъ.

Я былъ при томъ, какъ онъ сказывалъ рѣчь защитную. Судилище, предъ которымъ говорилъ, не запрещало, подобно Ареопагу, употреблять пособія вишійства защитнику обвиняемаго. Біасъ воспользовался ими, какъ Масперъ великой; вы сказали бы, что онъ вдохновенъ былъ самимъ Меркуріемъ, котораго спашуя воздвигнута была близъ мѣста того. Болѣе мощное божество одушевляло его: святая дружба. Никогда не слыхалъ я вишій

споль сильнаго. Слово за словомъ гремѣлъ онъ противъ клеветниковъ; онъ смягчалъ, убѣждалъ, склонялъ въ пользу друга своего, которой удивлялся самъ изобилію и силѣ словъ своего защитника, увлекавшимъ и слушателей и судей; сіи были шолько эхомъ народа. Всѣ присутствовавшіе хотѣли проводить Біаса въ домъ его. Торжество Сезостриса, по возвращеніи отъ подвиговъ, было величественнѣе, но не представляло шоль протгательнаго зрѣлища. Мудрый шествовалъ, несомъ будучи, шакъ сказать, на рукахъ друга, котораго спасъ онъ отъ казни. Вся чернь, изъ уваженія къ нему, находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи; рукоплесканіе гремѣло, и тысяча голосовъ, наполнявшихъ воздухъ, произносили сіи слова: „Защитникъ опечесства и дружбы умѣетъ говорить, шакъ какъ и сражаться. Слава Біасу! честь Пріэннѣ и всей Іоніи! Золотой Аполлоновъ преножникъ, опосланный имъ въ храмъ Дельфійской, много, много одолженъ

ему. Слава, слава безсмертному, краснорѣчивѣйшему изъ семи Мудрецовъ Греческихъ!“

Превосходное мѣсто Біасовой рѣчи имѣло предметомъ клевету. Я помню нѣкопорые опривки, и хочу вамъ ихъ сообщить, напередъ увѣдомивъ васъ, любезные ученики, о невѣрности моего перевода:

„Служители Истины! вскричалъ Біасъ при окончаніи рѣчи въ сильномъ движеніи духа и съ великимъ жаромъ: ложные обвинители друга моего, посрамленные очевидными дѣйствіями, о которыхъ говорилъ я, можетъ быть охотно подвергнутся казни, определенной клеветникамъ; можетъ быть ивердо будущъ слѣдовать примѣру Аѳинянъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Кодровой, въ Аѳинахъ — новой Республикѣ, воздвигнута была статуя *Клеветы*. — Клевета, говорили они, есть добродѣтель республиканская; клевета не что

иное, какъ излишняя любовь къ вольности; она хранишь благо народное, она блюдетъ скрышаго лицемѣра, и — гражданинъ, отъ нее погибшій, благословляшь долженъ ея удары и тѣмъ жертвованъ общему благу.“

„И такъ обвинители друга моего, слѣдуя этому великому примѣру, можетъ быть осмѣляясь еще просить награды вмѣсто должной имъ казни. Служители Истины! выслушайте защитника невинности, которая чуть — чуть не была поправа. Я согласенъ на время, что злословіе можетъ быть нѣсколько полезно общему благу, но гдѣ честность? и можно ли основывать Республику на томъ, что не честно? Никогда, никогда не увѣряшь Пріѣзну, славную по мудрости и правотѣ, одушевляющимъ ея жителей, что можно войши въ храмъ добродѣтели по пути пороковъ. Клеветникъ человекъ великой, гражданинъ доброй; но — чтобъ исторгнуть благодѣтеля изъ сердецъ народа —

онъ слабое, презрѣнное средство. Когда клевета опкроется, несчастная жертва будетъ любезнѣе, милѣе сердцу ихъ. Горе странѣ той, гдѣ не лѣзя избавишься отъ небреженія о общемъ благѣ, или склонности къ почитанію великихъ достоинствъ, какъ только клеветою! Злорѣчіе однихъ лишаетъ бодрости, другихъ огорчаетъ, и нѣтъ для нее ничего священнаго; чему коснется — все оскверняетъ, уничтожаетъ довѣренность между гражданами, и безпреспанно вооружаетъ однихъ противъ другихъ. Клевета есть любимое оружіе завистливыхъ. Она перемѣняетъ мнѣніе народа, и вводитъ въ заблужденіе попомство. Клевета безстыдна, и полезна только честолюбивымъ, въспоного чтобы ихъ ограничить. Не уже ли клевета есть добродѣтель моральная? опвѣстуйте, злые обвинители друга моего! Вы молчите; вы не смѣете сказать, что клевета есть непосредственная моральная добродѣтель, и вы, злоумышленники, называете ее добродѣтелью Республики, какъ будто бы законы Рес-

публики основаны не на законахъ Морали, какъ будто можетъ быть свобода безъ благонавія. Хулители добродѣтели! коварные люди! удалитесь, выйдите изъ Пріятны, унесите ядъ вашъ! Пусть погибнетъ прежде сей городъ, нежели согласится быть освобожденнымъ клеветою. Никогда, никогда не увѣрятъ Пріятну, что она можетъ быть вольною, предавшись безстыдству.“

XXII.

Пиршество семи Мудрецовъ.

Біасу угодно было оставить меня у себя на девять дней. Въ первые свободные часы (ибо три дни сряду онъ совершенно посвящилъ для своего друга) я просилъ его дать мнѣ понятіе о томъ знаменитомъ пиршествѣ, которое сдѣлалъ Періандръ для семи Мудрецовъ Греческихъ.

Біасъ. Если попомство будетъ судить о Мудрецахъ Греческихъ по од-

нимъ только словамъ ихъ, сказаннымъ на пиршесствѣ Царя Періандра, но едва ли утвердишь ихъ шипло; знаешь ли, какъ это было?

Пиеагоръ. Объ этомъ повѣствуютъ различнымъ образомъ.

Біасъ. Въ сѣтяхъ одного рыбака найденъ былъ золотой преножникъ, которой сдѣлался предметомъ ссоры. Когда дѣло вступило въ Милетское Правительство, то почли его сколько важнымъ, что отнесли къ Дельфійскому Оракулу. Пиея отослала жителямъ Милетскимъ золотой преножникъ съ сею надписью: *Мудрѣйшему.* Глаза всѣхъ обратились къ Фалесу; но онъ вручилъ преножникъ Пипшаку, а шотъ Клеобулу. Когда шесть разъ онъ былъ отвергнутъ и переходилъ изъ рукъ въ руки, то наконецъ Солонъ отослалъ его къ первому Владѣтелю. Фалесъ рѣшилъ споръ о преножникъ, посвятивъ его въ храмъ Исменійскаго Аполлона, въ Самофракіи, гдѣ, я думаю, и теперь онъ

находится. Греція, довольна будучи симъ поступкомъ, дала названіе *Мудрецовъ* имъ, кои почли себя недоспойными сего названія. Греки не могутъ славиться скромностью; — но по крайней мѣрѣ они воспользовались случаемъ — доказали, что умѣютъ цѣнить людей скромныхъ.

Сіе происшествіе надѣлало сколько шуму, какъ политическая революція. Многіе Принцы, которые, можетъ быть, никогда объ насъ и не думали, тайно завидуя, что мы раздѣляемъ съ ними славу, хотѣли познакомиться съ нашимъ ученіемъ, или показать намъ свое покровительство; другіе желали отдѣлать насъ участниками ихъ тиранской власти, призвавъ ко Двору и предложивъ намъ свое дружество. Періандръ проникнулъ гораздо дальше, и столь далеко, что имя его умножило уже, нѣкоторымъ образомъ, число Мудрецовъ Греческихъ. Это стоило ему одного только пиршества. Мы всѣ явились по приглашенію сего вѣнчаннаго

чудовища, въ томъ намѣреніи, чтобы укротить его; на это одно только могли мы рѣшиться; не прилично было чужестранцамъ учить его: одинъ Коринтской народъ имѣлъ на то право, и одинъ виновенъ въ томъ, что не успѣлъ.

Насъ было болѣе семи на семь пиршествъ: во первыхъ *Фалесъ*, сосѣдь мой, котораго желалъ бы видѣть; *Питтакъ*, копорой по мыслямъ — Мудрецъ, по дѣламъ — Великій; *Солонъ*, копорой, можетъ быть, жилъ уже довольно много; *Мизонъ*, мудрейшій всѣхъ, потому что оставилъ общество и обратился къ Природѣ; если бы ты посѣтилъ его, то увидишь, что онъ занимается одною должностію, приличною человѣку; *Клеобулъ*, копорый споритъ съ нимъ въ основательности правилъ и непорочности нравовъ; наконецъ *Хилонъ*, примѣръ власей народныхъ. Періандръ пригласилъ съ нами и *Анахарсиса* — перваго въ Греціи по крови маперы, а по рожденію Скиѣа; онъ

имѣлъ всю образованность перваго отечества, и великой духъ жителей Тавра. — Возвращаясь въ свои горы, онъ погибъ, говоря, будучи жертвою волненій народныхъ.

Съ нами вмѣстѣ былъ *Эзолъ*, пошъ Фригійанинъ, копорый всю силу Генія своего употреблялъ на возстановленіе истины при Дворахъ Царскихъ. Никакая басня не превзойдетъ его отвѣта, сказаннаго одному честолюбцу, спросившему: что дѣлають боги на Олимпѣ? „Они возвышаютъ низкое, а высокое понижаютъ.“

Періандръ принялъ насъ за городомъ, въ небольшомъ чертогѣ у Лехеонской пристани, близъ храма, посвященнаго Венерѣ. Тиранъ предупредалъ насъ до того, что прислалъ за нами свои колесницы, чтобы мы не принимали труда идти пѣшкомъ къ нему; мы отказались.

Пиеагоръ! я съ удовольствіемъ расскажу тебѣ множество остроумныхъ словъ,

не слишкомъ важныхъ для путешественника, желающаго довершить свои знанія. Прежде нежели сѣли мы за столъ, одинъ поварищъ нашъ Нилоксенъ, уроженецъ Наукратской, вспомнилъ многія, довольно сильныя правила, сказанныя Фалесомъ. Мольпагорасъ, небольшой владѣлецъ Ионійской, просилъ его сказать, что страннѣе и рѣже всего въ мѣрѣ? *Дряхлой тиранъ*, отвѣчалъ Мудрецъ Милетской. — Другой спросилъ: какое живописное хуже всѣхъ пварей? — Изъ дикихъ, *жестокой Деслотъ*; а изъ ручныхъ, *ласкатель*.

Пипшакъ, присутствующій на пиршествѣ, которой не сказалъ еще ни слова, открылъ гораздо важнѣйшую истину, сказалъ Фалесъ. Мишиленцы усиленно просили его быть ихъ Начальникомъ. *Трудно, очень трудно*, отвѣчалъ онъ, *быть Государемъ и вмѣстѣ добрымъ человекомъ*.

Клеобулъ, житель Линда, въ Каріи, привелъ на пиршество дочь свою, юную

Эвменисъ, которая, увидя Анахарсиса, не оставила его до шѣхъ поръ, пока онъ не изобразилъ ей нравовъ Скиѣскихъ; она внимала ему съ удовольствіемъ, и бѣлыми пальцами перебирала волосы мудраго чужеземца.

Яспвы не были слишкомъ дороги, ни слишкомъ обильны. Періандръ въ семъ случаѣ хотѣлъ сообразиться съ характеромъ гостей; онъ даже старался удалитъ въ блестящемъ Мелискомъ нарядѣ супругу свою, дочь Царя Эпидаврскаго, и все, что могло только напомнить о придворной пышности. Голова его украшена была только цвѣтами. Онъ заблаговременно выслалъ также пѣвицъ и музыкантовъ; но опѣздъ ихъ подалъ матерію говорить о музыкальныхъ инструментахъ; съ важнымъ видомъ разсуждали о Фригійской флейшѣ, которая дѣлается изъ кости молодыхъ ословъ; потомъ занимались дѣшскою загадкою, предложенною мнѣ Царемъ Амазисомъ, и въ замѣну

почли за нужное дать ему нѣкоторыя необходимые для него совѣты. Тогда каждой изъ насъ старался заплашить свой долгъ.

Солонъ началъ говорить первый. „Я думаю, что мудрый Государь при вступленіи на Тронъ долженъ стараться облегчать участь своихъ подданныхъ.“

Пошомъ началъ я говорить: „Мнѣ кажется, самый лучший совѣтъ, какой бы могъ я дать Принцу при вступленіи на Тронъ, состоялъ бы въ томъ, чтобы онъ прежде всѣхъ объявилъ себя подданнымъ тѣхъ законовъ, какимъ послушна страна его.“

Фалесъ. Я повторю слова его: подлинно Монархъ долженъ считать себя счастливымъ, если онъ достигнетъ старости, и спокойно кончитъ жизнь, являясь счастливыми другими.

Анахарсисъ. Если Государь можетъ доказать, что онъ умнѣе всѣхъ подданныхъ, — тогда имѣетъ неоспоримое право на неограниченную власть.

Клеобулъ. Спось сожалѣнія достойна участь Государей, что и тотъ изъ нихъ почитается довольно щасливымъ, кто не открываетъ сердца своего другимъ.

Питтакъ. Государь не долженъ спокойно спать до тѣхъ поръ, пока не заставитъ подданныхъ спрашивать — не себя, но за себя.

Хилонъ. Великій Государь не имѣетъ нужды смотрѣть назадъ; но вопрошаетъ напередъ попомство.

Когда очередь дошла до Періандра, то задумчивый, молчаливый хозяинъ нашъ не сказалъ ни слова; мы просили его изъяснить свое мнѣніе.

„Почтенные Мужичи! сказалъ онъ: ваши правила отвращаютъ отъ Трона честолюбца, рожденнаго для браней. Изъ нихъ заключить можно, что человекъ, одаренный здравымъ разумомъ, не захочетъ искасть верховной власти.“

Эзопъ сказалъ шушливимъ пономъ, ему свойственнымъ: Греческіе Мудрецы, казалось, пришли сюда какъ совѣшники и друзья Принцовы, а теперь сдѣлались обвинителями его и судіями.

Послѣ сего великаго предмета, неважные вопросы продолжались съ минушю между жрецомъ Нюклесомъ, врачомъ Клеодамомъ и нѣкоторыми другими. Мнесифиль, Аѳинянинъ и великій послѣдователь Солонъ, завелъ рѣчь о другомъ предметѣ, достойнѣйшемъ сихъ великихъ Мужей. Будемъ говорить о народномъ правительствѣ, сказалъ онъ, гдѣ каждый гражданинъ равенъ другому.

Солонъ. То, что я издалъ въ Аѳинахъ за законъ, пусть будетъ въ Коринѣ главною истиною. Въ хорошемъ обществѣ, угнѣтеніе одного гражданина есть оскорбленіе всѣхъ.

Фалесъ. Благоустроенное общество есть то, гдѣ граждане ни слишкомъ бѣдны, ни слишкомъ богаты.

Анахарсисъ. Самое лучшее правленіе то, гдѣ все общее у всѣхъ равныхъ гражданъ, и гдѣ одно только различіе — порокъ и добродѣтель.

Клеобулъ. Я бы желалъ быть членомъ того общества, гдѣ болѣе страшатся безчестья, нежели законовъ.

Питтакъ. Тамъ только хорошо и спокойно, гдѣ злые не имѣютъ власти, и гдѣ все могущество въ рукахъ добрыхъ, благодѣшественныхъ.

Хилонъ. Слава спранѣ той, гдѣ слухъ и сердце народа всегда опверсны для гласа законовъ, и нечувствительны къ краснорѣчию Орашоровъ!

Періандръ не дожидался вопросовъ, и взявъ главный предметъ ихъ разсужденій, сказалъ: „Мнѣ кажется, что мнѣнія всѣхъ, въ пользу народнаго правительсва, подтверждены общимъ засѣданіемъ людей мудрыхъ.“

Тутъ я всупилъ въ разговоръ и сдѣлалъ замѣчаніе: Почтенные соповарищи! все вами сказанное безъ сомнѣнія заключаешъ высокую мудрость; но немногіе изъ смертныхъ призваны для засѣданія въ сословіи Старѣйшинъ, или на Тронѣ: безчисленное множество людей должны управляшъ однимъ семействомъ, однимъ только домомъ.

Эзолъ. По крайней мѣрѣ должно исключить Анахарсиса и всѣхъ его сопочичей. Въ Скиѣи не знаютъ вовсе до-

мовъ; шамъ, подобно Солнцу, обипающъ въ колесницахъ.

Анахарсисъ оскорбился, и съ жаромъ отвѣчалъ: „Хотѣлось бы мнѣ узнать причину этой шушки; но — за то Скиѣ, по примѣру Солнца, шествуетъ безпрепятственно, и, какъ Біасъ, онъ все носитъ съ собою.“

Услыша свое имя, я изъяснилъ такимъ образомъ: шопѣ домъ назвашъ можно благоустроеннымъ, гдѣ не лзя сказашъ того, что я произнесъ на большой площади, богатой всякими продажными шоварами, служащими для роскоши: *сколько вещей, безъ которыхъ я могу обойтись?*

Хилонъ. Естли нужно гдѣ правленіе одного челошъка, то особенно въ обширномъ семействѣ.

Періандръ совсѣмъ не разсуждалъ объ этомъ предметѣ; могутъ ли тиранны

чувствовать удовольствия и сладкую обязанность частной жизни? Тутъ онъ взялъ большую чашу, выпилъ и подаль товарищу подлѣ него сидѣвшему, чтобы она такимъ образомъ обошла всѣхъ пирующихъ.

Поэтъ Херсіасъ, недавно вошедшій въ милость нашего вѣнчаннаго гостепріимца, ничего не сказалъ еще; онъ просилъ насъ опредѣлить количество благъ, которымъ каждой смертной можетъ быть доволенъ.

Любезный Херсіасъ! отвѣчалъ первый Клеобуль: шутъ должно замѣнить различіе между человѣкомъ глупымъ и умнымъ. Для послѣдняго — количество благъ извѣстно: онъ употребляетъ ихъ только для нуждъ натуральныхъ; но что касается до глупаго, то выслушай басню, которую рассказывала мать моя брату меньшому. „Однажды Луна просила мать свою сдѣлать ей плащъ въ пору. — Какъ это можно сдѣлать для те-

бя, отвѣчала она, для тебя, которая всякой мѣсяцъ бываешь то полна, какъ шаръ круглой, то принимаешь видъ серпа, или лука? Тебѣ надобно столько одеждъ, сколько ты принимаешь видовъ.“

Между тѣмъ Клеодамъ началъ говорить: „Но вы сами, мудрые Мужичи, не раздѣлили имѣній по равной части между собою, такъ какъ прочіе люди; одни изъ васъ имѣютъ больше, другіе меньше.“

Блаженъ тотъ смертный, отвѣчалъ Клеобуль, которому Природа, подобно дѣлашело льна, раздѣляетъ нитки въ утокѣ по нуждѣ: здѣсь онъ гораздо крѣпче, больше сжапы; тамъ слабѣе и ровнѣе. Можешь ли ты всѣмъ больнымъ предписывать одно лѣкарство?

Фалесъ. Кто малымъ доволенъ, — тотъ ни отъ кого не зависитъ и не бываетъ въ тягость своимъ друзьямъ.

Солонъ. Нѣкто сказалъ, что человекъ былъ бы безпредѣльно щасливъ, еслибъ дошелъ до того, чтобы могъ жить безъ пищи.

Клеодамъ. (Служители Эскулаповы, во время пиршествъ, занимаютъ нѣкопорымъ образомъ мѣсто жрецовъ.) Я не вовсе соглашаюсь на это мнѣнiе; опнимите споль, и — общество рушится; гостепрiимство падетъ, дружба исчезнетъ — и мы должны лишиться всѣхъ удовольствiй житейскихъ. Я согласенъ, что ушѣки Комуса влекутъ много хлопотъ за собою; но еслибъ человекъ могъ жить безъ пищи, то что было бы съ земледѣлемъ и со всѣми художествами, опъ него произшедшими? Въ какомъ бы упадкѣ увидѣли мы землю, которая насъ носитъ? Нѣсколько горькихъ плодовъ, дикихъ кустарниковъ. . . Шаръ земной опять превратился бы въ хаосъ, изъ котораго изъятъ былъ. А богочипанiе? — Кто бы имъ занималъ

ся? да и какая польза была бы умило-спивлять боговъ? Спалъ ли бы кто тогда призывать Солнце — опца всѣхъ перемѣнъ года? а еще меньше Фебею, его сестру. Юпитеръ, ниспосылающiй дождь для окропленiя засохшихъ нивъ, лишился бы всѣхъ своихъ жертвенниковъ; Церера не существовала бы, потому что не было бы жатвы; ни Бахусъ, покровитель веселыхъ пиршествъ, ибо тогда забыли бы дѣланiе винограда. И какiя жертвы могли бы мы приносить имъ? Всѣ жертвенники были бы также пусты, такъ хладны, какъ и споль. Брачная любовь лишилась бы половины своего жара.

Дiоклесъ. Чтобы жить безъ пищи — не должно имѣть тѣла. Но скажите, что было бы съ душою безъ тѣла? что была бы жизнь наша? Существованiе бы пресѣлось. Впрочемъ, еслили Солонъ, или кто либо другой имѣетъ на это возраженiе — пусть представитъ.

Солонъ. Такъ, подлинно! я буду говорить. — О Греки! вы, кои считаете себя умнѣе всѣхъ прочихъ народовъ! будьте по крайней мѣрѣ сколько благоразумны, какъ Египтяне. Они, во время бальзамированія, оставляютъ тѣ только части тѣла, которыя не сколько подвержены плѣнью, прочія скрываютъ въ землю особо; то есть тѣ, въ которыхъ варилась пища, или которыя служили для нужныхъ перемѣнъ, поддерживавшихъ все строеніе челоуѣка; это, кажется, намъ показываетъ, что если бы боги лишили насъ оныхъ, то мы бы не были безсовѣстно виновны во всѣхъ сихъ убійствахъ живоныхъ. Ахъ! для чего боги, коихъ правосудію мы подвластны, не создали насъ такъ, чтобы мы могли находить средства въ самихъ себѣ для сохраненія себя, не бывъ принужденными искасть его внѣ насъ и пріобрѣтать насильно? Ужасная крайность немочь жить иначе, какъ только на счетъ жизни другихъ твореній! Онѣ тѣ же

имѣютъ права на благодѣянія бытія своего. Ахъ! если бы мы заживо могли поступать съ собою такъ, какъ Египтяне съ мертвыми — изпоргнуть изъ себя тѣ части, которыя служатъ къ плотскимъ побужденіямъ! если бы могли мы — не имѣя нужды застѣвать въ пиршествахъ, какъ дѣлаемъ, — быть всегда таковыми, каковы теперь, то есть, чтобы глава украшена была цвѣтами, душа освобождена отъ всѣхъ безпокойствъ грубаго покрова своего; если бы мы всегда такъ же были расположены къ изліянью сердечныхъ чувствъ дружбы, къ чистымъ удовольствіямъ разума, къ радости, происходящей отъ открытія истинъ и созерцанія чудесъ Природы. . . Но Клеодамъ хочется, чтобы пищу употребляли; нужда въ пищѣ ему кажется необходимою для принесенія жертвъ на олтаряхъ боговъ и для пиршества за чашами вина. Я слышалъ также отъ Мессинцовъ: „если бы не было войны, то какъ могли бы мы исполнить

законъ, предписывающій намъ сожигать благоуханія у ногъ Марсовой статуи, въ честь и благодарность многимъ тысячамъ ратниковъ, падшихъ на широкомъ кровавомъ полѣ? “

Естьли бы миръ царствовалъ на землѣ и на моряхъ, то на что бы военная и корабельная архитектура? Какая жалость, естьли бы не было ни болѣзней, ни больныхъ! тогда бы не нужны были ни служители Эскулаповы, ни Врачи; и гдѣ бы дѣвать тогда сіи растенія, исполненные цѣлительной силы? Также какое несчастіе, естьли бы человекъ престалъ чувствовать голодъ! тогда бы Періандръ послалъ всѣхъ поваровъ своихъ, охотниковъ и служителей при столѣ.

Божественный Гомеръ нашъ утверждаетъ въ своей Иліадѣ, что боги попому только и безсмертны, что не употребляютъ пищи.

Диасъ. Я хотѣлъ возразить Солону, сказавъ мнѣнїе Гомерово на оборотъ: боги для того не употребляютъ пищи, что они безсмертны. Однакожь я не слишкомъ удалился отъ мнѣнїя послѣдняго Аѳинскаго законодателя — съ одной стороны пагубныя слѣдствія отъ нужды въ пищу, съ другой, естьли нѣсколько удалиться отъ мѣры, предписанной Природою — вотъ два источника, откуда происходятъ всѣ почти бѣдствія въ жизни, и вотъ какъ дорого споятъ намъ общественныя утѣхи! Это бываетъ причиною пороковъ нашихъ — злодѣяній, или по крайней мѣрѣ служить къ тому предлогомъ. Что отвѣчать солдату, которой грабитъ, говоря: „и мнѣ также надобно жить?“ Нужда пить и ѣсть налагаетъ наказаніе Данаидъ, по крайней мѣрѣ не лзя бы быть въ такомъ мученїи, какое чувствуетъ Діоклесъ объ участи дочерей Данаинныхъ, естьли ихъ избавятъ отъ наказанія — наполнятъ бездонную бочку. Не ужели ты насъ счи-

шаешь невольникомъ, загрубѣвшимъ въ цѣпяхъ рабства, которой не знаетъ употребленія ни рукъ ни ногъ; и естли бы дали ему свободу, то бы онъ впервыхъ употребилъ ихъ для наказанія самого себя: — вотъ живое изображеніе многихъ народовъ.

Нечаянное посѣщеніе Горгіаса, брата пираннова, дало совершенно другой оборотъ рѣчи. Онъ возвратился изъ Тенара, Лаконійскаго города, славнаго по храму Неплунову, и по рѣдкой приспани, которая не меньше нужна для него. Я съ удовольствіемъ расскажу тебѣ приключеніе — древнее преданіе, объ одномъ музыкантѣ Аріонѣ, котораго носили дельфины, и о которомъ повѣствовалъ онъ намъ въ спаринномъ вкусѣ, не спараясь ни мало украсить его новыми словами.

Такъ кончилось это пиршество, слишкомъ прославившееся въ Греціи. — Мы распались, совершивъ возліяніе Музамъ,

и Періандръ опять принялъ пиранскія свои правила. Минушой разговоръ съ нами ни мало его не исправилъ. Не въ пиршесствѣ Деспотовъ — пиранновъ исправлять должно; имъ нужны разительнѣйшіе уроки, и чернь должна учить ихъ. Къ несчастію простой народъ не въ состояніи самъ собою опрестись къ шѣмъ, которые худо управляютъ имъ; онъ можетъ только терпѣть, какъ безсловесное животное, или мстить, какъ жестокой звѣрь, приведенный въ ярость.

Еще однажды были мы всѣ вмѣстѣ въ Дельеахъ — въ храмѣ Аполлоновомъ; но мы не больше получили успѣха отъ жрецовъ, какъ и отъ пиранна; разумъ — очень слабое оружіе противъ нихъ. Оттуда мы пошли въ обратную путь. Каждой изъ насъ написалъ прежде, на колоннахъ храма любимое свое правило, которыя, безъ сомнѣнія, давно изглажены временемъ. Жрецы Аполлоновы не захотѣли возобновить сихъ надписей: они могли бы

это сдѣлать, не нарушая собственной пользы; ибо чернь, къ нимъ приходящая, не умѣетъ читать; а естли и прочтеть, то не запомнить. Простой народъ съ почтеніемъ произноситъ имя мудраго; но увидя жреца, опять обращается къ прежнимъ своимъ предрасудкамъ.

Изъ всего этого заключилъ я, любезный Пиеагоръ, что должно жить для себя. Я оставилъ сію глупую мечту, ибо подлинно мечта — возможность привести въ совершенство людей. Теперь я доволенъ и тѣмъ, что освѣщаю вокругъ себя мою частичкою свѣта, которую съ великимъ трудомъ пріобрѣсть могъ. Я давалъ отечеству своему лучшіе совѣты; оно не считается со мною: но я исполнилъ долгъ свой. Я предвидѣлъ, что произойти можетъ отъ нападенія на Іонію могущественной Державы. „Любезные соотечественники! часто восклицалъ я: удалимся! оставимъ побѣдителю од-

ни камни. Море свободная область: пойдемъ искать въ отдаленной странѣ какихъ нибудь острововъ независимыхъ, которые на морѣ есть еще.“ Мнѣ не вѣрили — и теперь мы сдѣлались полурабамъ. Я не могъ спасти общей вольности, и одна только отрада имъ осталась — защищать бѣдныхъ, угнѣтенныхъ. Эта слава не такъ блистательна, но за то надежнѣе. Съ тѣхъ поръ отказался я отъ другой славы, соединенной съ открытіемъ важныхъ истинъ. Я оставлялъ спудъ сей Талесу, и немногимъ смертнымъ, подобно ему, неупомимымъ; избралъ себѣ часть — мораль естественную — и тихую бесѣду съ Музами. Прости, Пиеагоръ! помни Біаса.

Мудрецъ Пріэнской говорилъ слова сіи подъ тѣнію кудряваго, сполѣшняго дуба, коего красота меня поразила.

Ты удивляешься этому прекрасному дереву, сказалъ мнѣ Біасъ. Увы! оно

приводитъ на память соопчичамъ моимъ горестныя, плачевныя мысли; и попому оно предано всеобщему проклятію. На этой самой равнинѣ, гдѣ оно гордится красою, мы потеряли сраженіе противъ ратниковъ Милешскихъ. Пріѣзцы вѣрятъ, что эпомъ дубъ зеленъ и свѣжъ отъ крови человѣческой, упивавшей его корни. Это дерево вошло въ пословицу. Еслили хотятъ изобразить несчастное семейство, то говорятъ: *оно спало подъ симъ дубомъ*. Вся эта область покрыта подобными памятниками. Сколько бѣдствій люди сами себѣ причинили, и еще причинятъ будущъ! Прости.

XXIII.

*Путешествіе въ Милешъ. Фалесъ.
Тразибулъ.*

Біасъ далъ мнѣ проводника по дорогѣ Милешской — молодого гражданина, по имени Мандраиша, изъ знатной Пріѣнской фамиліи; онъ былъ предубѣжденный послѣдователь Фалесовъ, и почиалъ совершенными людьми только Фалеса и Біаса.

Знаешь ли ты, сказалъ онъ продолжая путь свой, что должно думать о Біасѣ? — Онъ будетъ вѣчною славою нашему отечеству; спойтъ только три дни посмотришь на него и послушаешь — а шамъ почувствуешь къ нему безпредѣльное уваженіе. Съ побою нужно говорить о Фалесѣ, котораго, можетъ быть, одно только имя ты знаешь. — Его сочиненіе о раздѣленіи дней и часовъ, основанное на томъ времени, которое опецъ свѣта и теплоты употребляетъ для

перехода пространства отъ одного равенства до другаго; остроумная теорія его о исчисленіи дуги великаго круга, заключающагося между сими двумя почками, дуги раздѣленной на градусы и на части градусовъ — возбуждаѣ всеобщее удивленіе и благодарность въ отдаленнѣйшихъ попомкахъ.

Недавно изъяснилъ онъ мнѣ сіи великія таинства Природы съ такою точностью и ясностью, какихъ никогда прежде его не бывало. Я былъ въ Милетѣ въ то самое время, когда онъ возвратился изъ путешествія въ Египетъ; съ великимъ нетерпѣніемъ просилъ его сообщить мнѣ что нибудь изъ своихъ знаній. Этотъ почтенный, мудрый старецъ удостоилъ снисхожденія своего пылкое мое желаніе; и вопъ при дни, какъ я узналъ его систему, и при дни чувствую себя совершенно не тѣмъ человекомъ. Я жалѣю о всей безчисленной толпѣ, прозябающей подъ солнцемъ и умирающей,

не давъ себѣ опчета во всѣхъ величественныхъ явленіяхъ, происходящихъ надъ нашими главами. Въ первомъ восторгѣ вскричалъ я, прижимая Фалеса къ груди моей: Божественный человекъ! чѣмъ можно доказать тебѣ свою благодарность за это безпримѣрное благодѣяніе? Желаетъ ли принятии все мое наследство за три твои урока? Всѣ сокровища мои будутъ твоими: онъ худо заплащяѣ долѣ мой.

Молодой чужеземецъ! выслушай отвѣтъ Фалесовъ. „Мандраитъ! сказалъ онъ мнѣ съ важностію, приличною великому Генію: береги наследство предковъ для попомковъ твоихъ. Но какъ ты пребудешь, чтобы я положилъ награду за три урока свои *о планетной системѣ міра и теоріи солнца*, выслушай, чего я хочу отъ тебя въ награду: естли когда-либо почтешь за нужное сообщить другимъ то, чему самъ научился, то не скрой имени изобрѣтателя; скажи другу, котораго

учить будешь: Эалесъ, сынъ Эксаміевъ, жинель Милетской, открыль эту сиспему. “

О мой Учитель! отвѣчалъ я: это было первое мое намѣреніе. Такъ, безъ сомнѣнія отдамъ я честь и справедливость швоему имени. Пусть погибнетъ ученикъ неблагодарный, недостойный, дерзующій занять мѣсто своего Учителя, и похишитъ у него одну эту награду, достойную великаго Генія!

Эалесъ прервалъ рѣчь мою слѣдующими словами: „Юной Мандраитъ! прости эту слабость дряхлону старцу. Я никогда не имѣлъ больше сего честолюбія: оно невинно, и не будетъ стоить людямъ ни одной слезы, ни одной капли крови. Умъ человѣческой шребуетъ пособій, чтобы возвыситься и достигнуть истины.“

Мудрый Эалесъ! желаніе швое справедливо; оно исполнися, непременно

исполнися. Пусть Природа; когда заблагоразсудитъ, велишь тебѣ сойти въ могилу; но швое имя — швои открышя останушя съ нами; и ты — видя почести, какія воздають тебѣ современники — можешь судить, что предоставлено тебѣ въ попомствѣ.

„Молодой чужеземецъ! я думаю, что ты будешь нѣсколько благодарить меня за сію опкровенность. Признаюсь тебѣ, ешьлибъ каждой камень, которой встрѣчается мнѣ на дорогѣ, имѣлъ малѣйшую частичку той искры, которая, какъ говорятъ, одушевила камни Пирры: то я бы за долгъ почелъ повторять каждому изъ нихъ то, что я тебѣ говорилъ о Эалесѣ.“

Я отвѣчалъ сему Пріэнцу: Мандраитъ! я вижу и раздѣляю энпузіазмъ твой. Фанатизмъ къ истинѣ, къ добродѣтели, не бываетъ спрашенъ. Знай, что повѣсть швоя умножила почтеніе,

которое соединялъ я съ именемъ Фалеса. Изступленіе свое и его очень свойственны. Не лъзя творить ничего великаго, не лъзя открытъ высокой истины безъ помощи Генія — безъ ощущенія непреодолимыхъ силъ его. Фалесъ имѣетъ право цѣнить дорого свое открытіе: оно его собственность; оно больше для него, нежели побѣды Семирамидины для сей гордой женщины. Не надобно забывать подвига, которымъ удалось намъ окончить; не надобно оставлять сильной, смѣлой мысли, какую умъ нашъ произвѣстъ могъ. Скромность есть добродѣтель людей обыкновенныхъ. Но для чего не опдашь себя справедливости, и не приписать ее себѣ, какъ и всѣмъ прочимъ?

Мы распались съ нимъ въ Міонтѣ, небольшомъ Іонійскомъ городѣ, на половинѣ дороги отъ Пріэнны къ Милету. Тамъ величественный Меандръ, капая въ излучистыхъ берегахъ своихъ, впадаетъ въ море, и, кажется, съ сожа-

лѣніемъ оставляетъ сію прелестную область.

Упомявъ зноемъ солнечнымъ, я нашелъ убѣжище въ спаромъ храмѣ, коего дверь была отворена до половины; ибо служитель храма очищалъ его въ это время. Внутри святилища я едва прилѣпился спашую, по причинѣ малаго свѣта: тамъ сѣдящій спарецъ, покрытый длиною, замаранною маншіею, держалъ на плечѣ своемъ заржавѣлое желѣзо.

Какой это герой? спросилъ я.

Служитель храма. Это богъ, покровитель страны сей, старшій изъ всѣхъ шѣхъ боговъ, которымъ Греки научили насъ поклоняться. Божество въ трехъ лицахъ: ибо оно покровительствуетъ дружбѣ, гостепрїимству, и наконецъ очищенію грѣховъ; въ семъ-то послѣднемъ видѣ оно держитъ жезлъ мщенія, страшный для всѣхъ шѣхъ, кои, оскверняясь

злѣдѣйствомъ, не хощящъ себя очистишь . . .

Пиеагоръ. Трава расстетъ въ преддверіи . . .

Служ. хр. Новопришедшіе всегда обвиняютъ вепхость.

Пиеагоръ. По крайней мѣрѣ скажи мнѣ, какъ онъ называется?

Служ. хр. Для Грековъ онъ Юпитеръ. Первые жители малой Азіи называли его другимъ именемъ, которое потерялось, но которое ты можешь отыскать, путешествуя въ Вавилонъ.

Пиеагоръ. Какъ! ты служилъ сего храма, и не знаешь имени того божества, которому служишь?

Служ. хр. Довольно для меня, что онъ богъ и отецъ всѣхъ другихъ боговъ.

Прочее для меня не важно, и не нужно. Безсмертные могутъ обойтись безъ

имени; но оно нужно людямъ, которые умираютъ.

Прежде входа въ Милетъ, я еще спрашивалъ объ этомъ городѣ и Фалесѣ. Жители Милета, сказалъ мнѣ ласково одинъ гражданинъ, почти всегда играли первыя роли въ Исторіи Іонійской, но не всегда самыя лучшія. Когда они обогатились отъ выгодной приспани, то сдѣлались также нѣжными, какъ и ихъ климатъ. Купеческій городъ, любящій роскошь и упѣхи, не слишкомъ долженъ быть привязанъ къ своей независимости: ибо вольность и богатство никогда не были сестрами.

Происхожденіе Милета не совсѣмъ извѣстно; онъ основанъ въ то же самое время, какъ Митинъ и Пріэнна, жителями, еще не утвердившимися въ сей прекрасной странѣ. Въ то время Милетъ былъ примѣромъ величайшихъ добродѣтелей. Три Царя Лидійскіе, Гигесъ, Ар-

дисъ и Сардіатъ, одинъ за другимъ продолжали съ нимъ войну одинадцать лѣтъ непрерывно. Нынѣшній Государь ихъ, Аліатъ, и нашъ Тразибуллъ, спорятъ о разрушеніи Милета. Мы бы не дошли до сего, еспьлибъ приняли совѣты Біаса, или планы Фалеса; но мы подлымъ образомъ искали помощи отъ могучей Державы. Уже великодушные Фокеецѣ опличной примѣръ намъ показали: они удалились въ прибрежную область Гальскую, и тамъ основали Марселію. Мудрецъ Пріэнской также убѣждалъ Іонійцевъ все оставишь и бѣжать въ Сардинію. Фалесъ говорилъ имъ: „въ центрѣ Іоніи, въ Самофракіи, вы можете учредитъ Сенатъ, коего члены будутъ — Депутаты изъ всѣхъ шамошнихъ городовъ; имъ поручите вы дѣла, относящіяся до всеобщей пользы. При малѣйшей опасности каждой городъ получитъ помощь отъ всѣхъ сосѣдственныхъ — подвластныхъ тѣмъ же законамъ. Непрїатель не можетъ объявишь войны ни одному городу,

не вооруживъ пропивъ себя всѣхъ прочихъ. И такъ ваши грады, соединенные сими узами, будутъ неприступны, или непобѣдимы.“

Не послушались гласа мудрости Фалесовой — и мудрецъ, бесполезной, не желая зрѣть стыда своего отечества, скрылся въ Египетъ при закатѣ своей жизни. Вся Іонія была для него зрѣлищемъ не больше прїятымъ, какъ и спогны Милетскія. Тразибуллъ, ученикъ его, поджигаемый пламенемъ славы, каждой день забывалъ нѣсколько правилъ своего наставника.

Фалесъ возвращается, обремененный лѣтами и высокими познаніями — возвращается, но увы! онъ зрѣтъ падшее отечество въ тяжкихъ оковахъ рабства. Ты увидишь его въ уединеніи, когда онъ, завернувшись въ маншю, старается разсужденіями своими отдалить мысль о политическихъ бѣдствахъ, постигшихъ

его опечесство: щасливъ онъ, что имѣетъ въ самомъ себѣ утѣшеніе и оправдану въ горестныхъ обстоятельствахъ! другой, на мѣстѣ его, вскричалъ бы уже нѣскольکو разъ: много, много я жилъ и видѣлъ!

Пиѳагоръ. Расскажи мнѣ подробнѣе о знаменитомъ твоёмъ соотечественникѣ.

Житель Милетской. Люди, подобные Фалесу, мало доспавляютъ матеріи Біографу. Вся жизнь ихъ проходитъ въ преподаваніи лекцій, или сочиненіяхъ, копорыя по нихъ оспаются. Семейство Фалесово родомъ изъ Финикіи; оно при или чепыре вѣка живетъ въ Милетѣ; и еспли Фалесъ не первый въ своемъ родѣ, то по крайней мѣрѣ первый въ наукахъ естеспвенныхъ. Онъ всемъ обязанъ самому себѣ, и опечесство получило опъ него знаменитыя услуги. Сей великой человекъ всегда былъ добрымъ гражданиномъ, выключая одно обстоятельство:

мудрецъ нашъ поржеспвенно опказался опъ брака. Не ужели зналъ онъ, что случается съ нами? Родясь свободнымъ и спокойнымъ, онъ, можетъ быть, спрашился укоризны, копорую дѣпи наши могутъ намъ шеперь сдѣлать: „лучше не родиться, нежели спенать въ цѣпяхъ рабства. Прежде нежели быть опцемъ, надобно увѣрипсья о состояніи тѣхъ, коихъ призываемъ къ жизни.“

Молодой чужеземецъ! подойди къ нему съ довѣренностью, спрашивай безъ спраха: это источникъ живой и чистой воды, пекущей для всякаго приходящаго.

Ободрясь сими словами, вошелъ я въ городъ, и ничего не хопѣлъ видѣть, кромѣ Фалеса. Прямо и поспѣшно шелъ къ его дому. Посланникъ Тразибула, недавно признаннаго царемъ Милетскимъ, ожидалъ опвѣща.

Фалесъ. Скажи Повелителю своему, что онъ не мой начальникъ, и никогда мною повелѣвань не будетъ. Я здѣсь живу, жить буду и окончу свою жизнь. Никогда и никто не увидитъ Фалеса въ чертогахъ тиранна.

Попомъ, оборотясь ко мнѣ: чужеземецъ! что тебѣ угодно?

Пиэагоръ. Тебя видѣшь и слышать. Я присланъ отъ Біаса, и Мандраитъ проводилъ меня до половины пути, разговаривая безпрестанно — о тебѣ.

Фалесъ. Онъ нѣсколько въ энтузіазмѣ; это приливъ пылкихъ чувствованій. Здравіе тебѣ, чужеземецъ! но ты долженъ знать причину моего безпокойства. За нѣсколько лѣтъ, я просился съ отечествомъ, и оставилъ въ немъ Тразибулла, воспитанника моего, съ превосходнѣйшимъ сердцемъ и душою. Путешествую въ Египетъ. Царь Амазисъ меня призываетъ; я вступаю ко Двору. —

Появляются тиранскіе поступки; я опкрываю глаза ему, и онъ оскорбляется. Я удаляюсь и возвращаюсь на родину, въ надеждѣ найти Тразибулла всегда первымъ другомъ вольности и свободы. Нѣтъ мѣсяца, какъ я возвратился, и обнимая отечественную землю, слышу, что она спонетъ подъ тяжкою рукою тиранна Тразибулла; я поспѣшь удаляюсь въ домъ свой. И дерзкой осмѣливается предложить мнѣ, чтобы я оставилъ свою хижину, и явился у него предъ прономъ похищеннымъ! Ты слышалъ послѣдній отвѣтъ мой. Обращимъ рѣчь къ тебѣ, и забудемъ, если можно, злодѣевъ. Увы! не уже ли я сойду въ могилу, видя, какъ злодѣйство простираетъ пагубную тѣнь свою по всему земному шару? Въ Коринѣ, въ Самосѣ, въ Мемфисѣ, въ Милетѣ — вездѣ тиранны. Предки мои удалились въ Милетъ для того, чтобы избѣжать тирана Финикійскаго; но, къ несчастію, всегда и вездѣ торжествуетъ власть злодѣйская. Пусть

представляю въ примѣръ общество, по крайней мѣрѣ одно вольное общество, прежде нежели закрылъ я глаза свои, и тогда лягу въ могилу спокойно. Но обратимъ взоръ свой отъ этой поразительной картины. Доброй молодой чело-вѣкъ! ты не умножишь толпы подлыхъ льстецовъ придворныхъ; потому что видишь предъ собою спарца, не распочающаго милостей.

Пифагоръ. Ученикъ Фересидовъ. . .

Оалесъ. Первой учитель твой щасливѣе меня: у него нѣтъ вблизи полипической огнедышущей горы. — Тихо и спокойно бесѣдуетъ онъ съ старшею Музою, посвятившею себя Природѣ. Довольно уже обезобразили его мысли, также какъ и мои; но эгимъ не кончится — мнѣнїя, такое сокровище, которое, переходя въ руки, перемѣняетъ видъ свой и нашуру: но ты, подобно пчелѣ трудолюбивой, разборчивой, кажется, посвящаешь себя для снисканїя тѣхъ немногихъ истинъ,

кои скрываются во всѣхъ системахъ, ежедневно рождающихся. — Ты ученикъ Фересидовъ; я могу поручить тебѣ плодъ полу-вѣковыхъ моихъ размышленїй — знай: то, что я почиталъ вѣчнымъ, непродолжительно. Пожалѣй о превратности умовъ человѣческихъ. Я изъясню тебѣ свои мысли, и представляя все такъ, какъ мнѣ кажется, напередъ себя оправдаю. Я не назову себя оракуломъ Истины; да и какъ Истинѣ имѣть оракулъ? — она не имѣетъ еще храма!

Не много щеславїя сказать, что знаюшъ болѣе жрецовъ; служители Мемфійскаго храма начали-было давать мнѣ наставленїя, почерпнутыя изъ книгъ, не ими писанныхъ, и которыхъ часто они сами — желая изъяснить другимъ — ни мало не понимали. Я первой научилъ ихъ измѣрять пирамиды съ нѣкоторою точностїю; — сколько лѣтъ жрецы смотрятъ на нихъ, и никогда не приходило на мысль имъ узнать ихъ высоту; конечно потому, что не можно заняться

двумя должностями вмѣстѣ. Иное дѣло обманывать легковѣрную чернь, но всѣмъ другое вычислишь долгому поверхностности сообразно съ законами перспективы. Чтобы узнать высоту пирамидъ, мнѣ стоило только вымѣрять длину ихъ тѣни въ полдень, и сравнить съ тѣнію другого тѣла, замѣченной въ то же самое время. Этого поступокъ, совершенно естественный, пока за себя остроумнымъ и для тѣхъ людей, кои всю жизнь свою провели въ изчисленіяхъ:

Я оказалъ гораздо большую услугу смертнымъ, вымѣривъ ихъ отъ страха. Нечаянное затмѣніе могло бы встревожить весь городъ; но если бы будетъ предсказано, то оно не столь спрашно. Народъ перешелъ изъ одной крайности въ другую; — ужасъ миновался, но онъ почелъ меня прорицателемъ. Трудно заставить чернь смотрѣть на предметы такъ, какъ они есть, и не уважить ихъ больше, нежели чего они спюютъ.

Это принудило меня употреблять обоюдность. Когда въ публичномъ мѣстѣ меня спрашивали: можешь ли человекъ похитить отъ взора безсмертныхъ какія-либо ихъ дѣйствія? — Ни одной даже мысли ихъ, отвѣчалъ я твердымъ голосомъ.

Пока чернь не просвѣтилась — но она еще не знаетъ и пути къ просвѣщенію — то не лъзя будетъ истребить дѣйствія пагубныхъ ослѣпленій, развѣ помощію другихъ невинныхъ заблужденій. Проспой народъ не можетъ предаться безопасно собственному стремленію.

Для сего — то сказалъ я, что вселенная полнится богами — вопль прибавленіе къ правосудію человекѣвъ. Достойно, и полезно, чтобы злодѣй, преступникъ, или топовый къ преступленію, не могъ сыскать убѣжища, гдѣ бы скрыть свои злодѣйства, или безопасно совершивъ ихъ: вездѣ найдетъ его казнь жестокая, повсюду будущъ свидѣтели всемогущей власти.

Пивагоръ. Къ несчастію, великой злодѣй, имѣющій разумъ, презираетъ сіи благочестивые предразсудки, копорые сильны для одной черни.

Фалесъ. Для избѣжанія сего, должно взоры усстремить въ книгу законовъ, или, въ случаѣ нужды, имѣть Геркулесову силу. Если бы испыталъ я, что вездѣсущіе Боги имѣютъ власть укрѣпить сердце противу зла, то легко повѣрилъ бы сей истинѣ, изобрѣщенной безсильными законодателями.

Но постараюсь при первомъ случаѣ исправить свою ошибку. Мнѣ предложили нѣкогда вопросъ: что всего прекраснѣе? Я отвѣчалъ — міръ. И продолжалъ: потому что гармонія и порядокъ есть связь — душа всѣхъ частей его. Но жрецъ на моемъ мѣстѣ тотчасъ сказалъ бы: „нѣтъ ничего въ мірѣ прекраснѣе того божества, котораго я служитель.“ Но когда воздвигнушь олтари сей гармоніи чудесной? Великое, прекрасное божество сіе должно быть божествомъ все-

ленной. О! если бы возвысился храмъ ему, я провелъ бы въ немъ всю свою жизнь.

Никто не чувствовалъ, сколь важно и величественно сіе начало. Оно открыло мнѣ систему *воды все производящей*, безъ помощи посторонней силы, сверхъестественной, или божественной, когда я по всѣмъ наблюдениямъ нашелъ, что вода одна только разрѣшающая сила въ Природѣ. —

Но для чего вода, имѣя величайшую силу все разрѣшать и соединять, не имѣетъ еще могущественной власти оплодотворять все? Пусть не говорятъ, что она только всеобщее средство всѣхъ шѣлъ; что есть вещества, гдѣ вода не участвуетъ. — Вода все составляетъ, когда она сгущается больше или меньше; вода дѣлается растеніемъ прозябаемымъ — животнымъ дышущимъ, или недвижимымъ алмазомъ, непогибающимъ въ нѣдрахъ земли.

Не разрушится моя система, если спросить: когда и какъ сіе главное нача-

до переменило состояніе свое и произвело все, что мы видимъ? по какому производствію, по какой силѣ она такъ сама себѣ не подобна? Какъ это происходитъ — что я, Фалесъ на примѣръ, одаренный способностію разсуждать о системѣ воды, не что иное, какъ капля сего океана? — Ничего этого не знаю; но Испорія, Физика и все, все доказываетъ, что это такъ точно. Все отъ воды рождается — водою хранится, и обращается въ воду. Прежде нежели опровергнуть мою теорію, пусть докажутъ мнѣ, что это несправедливо, ибо сіе дѣйствіе служитъ ей основаніемъ.

Пифагоръ. Но почему не сказать этого самаго объ огнѣ, о воздухѣ и особенно о землѣ? Вода находится въ сихъ трехъ видахъ веществу; въ водѣ находится также теплотворная матерія, воздухъ и земля.

Фалесъ. Безъ сомнѣнія тогда, когда вода перестаетъ быть главнымъ началомъ, или, лучше, начинаетъ принимать иной видъ. Но можно ли понять,

если скажемъ, что всѣ вещи могутъ превратиться въ огонь и воздухъ? Самая земля, насыпанная бугромъ, не уменьшается ли, не исчезаетъ ли въ глазахъ нашихъ; только были бы въ близи частицы воды; ее пожирающей?

Пифагоръ. Гораздо скорѣе могли бы этому повѣрить и удобнѣе понять тебя, если бы съ плодотворною силою воды ты соединилъ еще дѣйствіе какого нибудь бога.

Фалесъ. Это не разрѣшитъ трудности, но еще умножитъ ее. Гдѣ могу я взять боговъ? Въ Природѣ? тамъ нѣтъ ничего. — Въ Природѣ? — Какъ червь въ шелку, такъ боги заключены были бы въ своемъ твореніи. Могущественный разумъ!... Но червь шелковой существуетъ прежде шкани, которою онъ обвивается. Поэты въ изступленіи своемъ разсуждаютъ лучше, когда они изображаютъ намъ Венеру и Купидона, или начало ихъ въ живыхъ краскахъ, какъ они выходятъ изъ волнъ морскихъ, и даютъ бытіе смертнымъ и бессмертнымъ.

По мнѣнію моему слѣдуетъ, что нѣтъ тѣлъ собственно такъ называемыхъ; тѣла, которыя мы видимъ, суть не что иное, какъ куги паровъ, больше или меньше сгущенныхъ. Недостаетъ только мнѣ лучшихъ опытовъ, чтобы подтвердить истину.

Еще слѣдуетъ, что потокъ роковой, или эта *разширительная сила воды*, увлекаетъ людей и животныхъ, металлы и распенія въ порядкѣ, приличномъ каждому существу, и никакое существо не можетъ его нарушить. *То, что есть, необходимо должно быть.* Однакожъ еще не должно говорить объ этомъ черни; ибо простой народъ подобенъ такому слѣпцу, который безъ разбору бьетъ вокругъ себя палкою, и тѣмъ средствомъ избегаетъ опасности — ушибиться, или лучше согласился ползти на брюхѣ, нежели идти на ногахъ.

Слухъ носится, будто *система воды*, единственное начало всѣхъ вещей — не мое изобрѣтеніе, будто бы я приписалъ въ свѣткѣ моемъ нѣкоторыя стихи Гезіо-

довы, Гомеровы и также нѣкоторыя страницы изъ мудрыхъ книгъ древняго Египта. Но хотя бы и такъ было, Меандръ, пропекающій подлѣ хижины моей, не уже ли меньше достоинъ нашей благодарности, потому что, прежде нежели омываетъ снѣны Милешскія, онъ принимаетъ въ быспромъ печеніи своемъ многія малыя рѣки? Человѣкъ не рожденъ быть творцемъ. Довольно велика и та услуга для смертныхъ, чтобы показать имъ важныя слѣдствія, выбранныя съ немалымъ трудомъ изъ хаоса догадокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ. И тебѣ совѣтую поступать также, не спрашась эпой укоризны. Ты слышалъ Фересиду и Біаса; разспавшись со мною, посѣви Анаксимандра; окончи то, что мы начали. Пусть возвысится истина! что пользы въ блестящемъ имени эфемернаго существа?

Я началъ благодарить Фалеса — вдругъ входитъ Тразибуллъ, одинъ, оставя тѣлохранилелей у дверей. Онъ сдѣлалъ мнѣ повелительный знакъ, чтобы я

Книжка III. Э

вышелъ. *Θалесъ* сказалъ смѣлымъ пономѣ:
Тиранъ Милетской! уважь чужеземца.
Попомѣ, оборотясь ко мнѣ: молодой чело-
вѣкъ! останься. Это будетъ вторымъ
наставленіемъ твоимъ, которое лучше
перваго. *Тразибуллъ*! что тебѣ угодно?

Тразибуллъ. Я пришелъ изъяс-
ниться съ тобою. Не уже ли кто ни-
будь пославилъ преграду между тобою и
мною? Для чего ты, возвращаясь въ Ми-
леть, хочешь жить въ отдаленіи отъ ме-
ня? Я пригласилъ Дворецъ свой при-
нять тебя.

Θалесъ. *Θалесъ* не хочетъ прини-
мать госпепрѣимства отъ тирана.

Тразибуллъ. Однакожь *Θалесъ* за-
сѣдалъ на пиршесствѣ Періандра, тира-
на Коринесскаго; *Θалесъ* не отвергнулъ
госпепрѣимства Царя Амазиса. —

Θалесъ. Для того, что не зналъ
еще, кто они таковы, и какими послѣ
сдѣлались.

Тразибуллъ. Меня нельзя укорять
въ преступленіяхъ Періандра?

Θалесъ. Нѣтъ еще.

Тразибуллъ. Я буду слушать скром-
нѣе, нежели Амазисъ, несправедливья
твои напоминанія. Мудрый *Θалесъ*! я на все
готовъ согласиться, чтобы снискать твое
почтеніе. Говори, повелѣвай; я повинуюсь.

Θалесъ. Тиранъ Милетской! сойди
со трона; будь опять гражданиномъ
*Тразибулло*мъ, равнымъ всѣмъ твоимъ со-
отчичамъ.

Тразибуллъ. Если бы всѣ под-
данные мои были *Θалесы*, то я не ожи-
далъ бы твоего напоминанія, или вовсе не
восходилъ бы на тронъ. Но народу нуженъ
Повелитель; онъ не достоинъ еще свободы.

Θалесъ. Вошь языкъ тиранновъ, уни-
жающихъ человѣчество, подъ предлогомъ
оказать ему услугу. Тиранъ Милетской!
сойди со трона.

Тразибуллъ. Мудрецъ Милетской!
лучше ты взойди на него и раздѣли его
со мною; ты научилъ меня управлять
собою, ты научишь управлять и другими.

Θалесъ. У меня нѣтъ школы дес-
потизма.

Тразибуллъ. Посмотри вокругъ насъ: въ Лидіи, въ Персіи, въ Египтѣ, въ Коринѣ, въ Римѣ и въ Аѳинахъ, вездѣ, вездѣ Государи; въ Спартѣ ихъ два.

Θалесъ. Скажи, два правительсва.

Тразибуллъ. Почти вездѣ народъ чувствуетъ, что ихъ не довольно. Но пока царства не содѣлались общесвами многихъ Мудрецовъ, до тѣхъ поръ имъ нужны Цари и законы — безъ нихъ они обойтись не могутъ.

Θалесъ. Назови мнѣ народъ, коимъ ты щасливъ подъ правленіемъ Государя?

Тразибуллъ. Я согласенъ оставить все величество, если ты также покажешь мнѣ народъ, коимъ ты щасливъ, наблюдая самъ права свои.

Θалесъ. Не уже ли народъ Милешской вѣрилъ тебѣ свои права?

Тразибуллъ. Онъ согласенъ, чтобы я былъ хранителемъ оныхъ. Царь — не обманщикъ. — Ты не хочешь быть при моемъ Дворѣ?

Θалесъ. Нѣтъ.

Тразибуллъ. Хорошо! я обнаружую въ Милешѣ, что Мудрецъ Θалесъ отпказываетъ мнѣ въ своихъ совѣсахъ; что онъ хочетъ жить только для себя, и не спарается о пользѣ отечества.

Θалесъ. А я пойду по всѣмъ странамъ Милешскимъ, и буду говорить: граждане Милешскіе! разбейте оковы, содѣлайте Тразибулла простымъ гражданиномъ!

Тразибуллъ. Жители Милешскіе уважаютъ во мнѣ ученика мудраго Θалеса.

Θалесъ. Я не признаю тебя ученикомъ своимъ.

Тразибуллъ. Они вѣрятъ Θалесу, прежде путешествія его къ Амазису; теперь они увидятъ въ тебѣ злаго спарика, мстящаго Царю Милешскому за неудовольствія, полученные имъ при Дворѣ Египетскомъ. Приди и исправь Дворъ мой своимъ присутствіемъ. Солонъ и Пизистратъ все еще друзьями: не дадимъ соблазна спранѣ нашей, видѣшь въ разлукѣ правленіе и мудрость.

Фалесъ. Но соблазнъ, несравненно большій — видѣшь спараго друга свободы, какъ онъ кончитъ бѣдственную жизнь свою въ рабствѣ. Тиранъ! сойди со строна.

Тразибуллъ. Народъ мнѣ больше отдаетъ справедливости. Онъ ежедневно желаетъ, чтобы я хранилъ скипетръ, мнѣ врученный.

Фалесъ. Для того, что народъ низокъ.

Тразибуллъ. Нѣтъ; а видно для того, что чувствуютъ выгоду отнositься къ одному во всѣхъ дѣлахъ своихъ, которыхъ были споль запушаны въ рукахъ многихъ. Ибо если бы Природа рекла смертнымъ: будьте свободны! то она сказала бы имъ еще: будьте щасливы; потому что блаженство дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе вольности.

Фалесъ. Ты злословишь родъ человѣческій.

Тразибуллъ. Ты имѣешь познанія, у меня есть опытность; что самая остроумная теорія противъ дѣла? Но что я говорю? мнѣ благопріятствуетъ

и теорія и опытность. Не училъ ли ты насъ въ школъ своей, что потокъ роговой и непрерывность вещей все увлекаетъ? Тразибуллъ Царемъ Милетскимъ — этому должно было такъ быть; никакая поднебесная власть не могла переменить сего. Почтенный Учитель мой! я сражаюсь съ тобою тѣмъ же оружіемъ, которое ты мнѣ доставилъ.

Фалесъ. Если также въ опредѣленіяхъ вѣчныхъ судьбъ, что всякое тиранство рано или поздно получитъ должную мещь. Тамъ мѣдными буквами написано, что тиранны обыкновенно кончатъ бѣдственно жизнь, и не долго живутъ въ мѣрѣ.

Тразибуллъ. Тиранъ Періандръ, гостепріимецъ швой, недавно скончался въ постелѣ своей на восьмдесятомъ году.

Фалесъ. Ромулъ не былъ такъ старъ, когда въ полномъ собраніи Сенаата разперзали его въ куски.

Тразибуллъ. Владычество Пизистрата продолжается уже около тридцати лѣтъ.

Θалесъ. Прибавь, что онъ уже шестнадцать лѣтъ провелъ въ различныхъ изгнаніяхъ. . . Оставь меня; спуй для исполненія судьбы своей на шронъ; можешь быть я доживу еще до того времени, когда увижу исполненіе моего проклятія.

Тразибуллъ. Для Царей есть Богъ.

Θалесъ. А для преступниковъ законы.

Тразибуллъ вышелъ.

Θалесъ. Молодой чужеземецъ! ты видишь, каково намъ въ Милетѣ. Но что! и вездѣ поже на земномъ шарѣ. Не лъзя лучше, какъ жить самому съ собою. Чѣмъ болѣе ты будешь путешествовать, тѣмъ болѣе увѣришься въ сей истинѣ. Прости! вели проводишь себя къ Анаксимандру. Желалось бы, чтобы онъ не уѣхалъ еще для исполненія важнаго дѣла.

Θалесъ далъ мнѣ проводника — старую женщину, которая жила при немъ для услугъ, и известна была по опившамъ, даннымъ ею своему Господину.

Конецъ третьей Книжки.

П И Θ А Г О Р Ъ.

Книжка Четвертая.

XXIV.

Анаксимандръ, Поликратъ и проч.

Я оставилъ почтеннаго старца, прижавъ его нѣсколько разъ къ своему сердцу, не говоря ни слова; попомъ тихо и задумчиво пошелъ на другой конецъ Милета, гдѣ жилъ Анаксимандръ, славнѣйшій ученикъ его, которой долженъ былъ заступить его мѣсто въ Іонійскомъ училищѣ.

Я не могъ съ нимъ видѣться. Одинъ ученикъ его (ибо онъ началъ уже давать уроки для облегченія своего учителя) долго объ немъ разговаривалъ со мною, какъ будто для того, чтобы приходъ мой не былъ тщетнымъ въ отсутствіи его учителя.

За нѣсколько дней предъ симъ, сказалъ онъ, толпа гражданъ пришла къ Анаксимандру и говорила ему слѣдую-

Книжка IV.

щее: „Сынъ Праксидесовъ! иранская власть Тразибулла и равнодушіе гражданъ Милетскихъ къ новому игу рабства, возмущаютъ духъ нашъ. Мы не можемъ долѣе жить въ такомъ городѣ, копорой больше привязанъ къ богатству, нежели къ правамъ своимъ. Мы не можемъ болѣе слышать, чптобы чужеземцы говорили: „во всемъ Милетѣ нѣтъ двухъ семействъ, сколько неуспрашимыхъ, чптобы оставили сей городъ и въ отечества искать поперянной свободы.“ Анаксимандръ! мы рѣшились основать усадьбу, и тебя избираемъ Правителемъ, за слабостію Фалеса, копорому предложили бы мы честь правленія, но дряхлыя лѣта приняты ему не позволяють.

„Веди насъ, куда хочешь; вездѣ намъ хорошо будетъ, вездѣ мы будемъ спокойнѣе, нежели подъ мрачною тѣнію ирона. — Ты назовешь эту усадьбу *селетемъ Аполлоновымъ*, въ честь оццу свѣта, богу шеплоты, коего механическія

свойства такъ хорошо ты изъяснилъ намъ. Слава бытъ основателемъ колоніи тебѣ принадлежитъ больше, нежели всякому другому — тебѣ, щасливому изобрѣтателю шѣхъ Географическихъ картъ, на коихъ путешественникъ напередъ можетъ назначить путь, по копорому идти долженъ. Анаксимандръ! оставь на время свои умствованія — мудрецъ долженъ бытъ на все готовъ. Когда ты приведешь насъ подъ другое небо, когда поселишь на другой землѣ — тогда успѣешь придти на родину и закрыть глаза незабвенному нашему... кто первой получилъ даръ просвѣщать себѣ подобныхъ — тогда ты примешь правленіе надъ Ионійскою Школою. — А мы, далеко отъ перваго отечества, прольемъ горячія слезы въ память Фалесу, и пожелаемъ щастія мудрому его преемнику. У насъ все готово, все обдуманно. Тразибуллъ не могъ претивиться нашей волѣ; мы назвались обществомъ купцовъ, и общали доставить великой прибытокъ главному

городу. Многія особія селенія прославили свое имя, и наша усадьба не меньше принесетъ ему чести. Мы сказали правду тиранну; ибо плаваніе наше будетъ подъ эгидомъ Минервы и Аполлона.“

Анаксимандръ не могъ отказаться отъ сего лестнаго приглашенія. Онъ удался за день предъ симъ; но мнѣ ввѣрилъ нѣкоторыя сочиненія свои, чшобы не такъ скучно было въ его отсутствіе: мы можемъ прочитатъ ихъ вмѣстѣ; онъ ни мало не подобенъ тѣмъ мнишельнымъ людямъ, которые, не знаю по какой причинѣ, ничего не хотяшъ по себѣ оспавишъ, и довольствуютъ только изустнымъ изъясненіемъ. — Гордостъ ли это, или недовѣрчивостъ къ самому себѣ? —

Анаксимандръ, больше любя истину, нежели Фалеса, не почелъ за нужное приниматъ слѣпо всѣ части его ученія. Любитель истины — любитъ свободу.

Мудрецъ воленъ въ своемъ мнѣніи, такъ какъ и во всемъ прочемъ. — Фалесъ принимаетъ воду началомъ вещей; но не уже ли должно думать, что превосходнѣйшій ученикъ его, по какому-то духу противности — которой ложно приписываютъ напуръ чловѣка — полагаетъ началомъ огонь? ибо онъ училъ насъ, что земля, повѣшена будучи въ центрѣ вселенной и вращаясь сама вокругъ себя, объята пламенною сферою, коей предѣлами служилъ воздухъ. — Здѣсь видна только часть его системы, обнимающей что-то несравненно обширнѣе — ибо предметъ ея безпредѣльностъ. Фалесъ не могъ соединитъ въ одной снпхѣи происхожденія всѣхъ ихъ, потому что не въ силахъ былъ понять шочно неопредѣленнаго начала. Анаксимандръ увидѣлъ ошибку своего учителя, который, назвавъ воду первымъ началомъ, не далъ происхожденія ей самой. Анаксимандръ опровергаетъ его мнѣніе, говоря, что особое шѣло не можетъ быть нача-

ломъ всѣхъ вещей; и пользуясь робеспію предшественника своего, онъ воспарилъ гораздо выше — оставилъ подъ собою всякую частную теорію — послѣдовалъ Природѣ, и первой дерзнулъ показать смертнымъ, что зародыши *безпредѣльны*; что *сколько есть твореній, столько и особенныхъ причинъ*, дѣлая намъ замѣчаніе, что безконечность не лзя принимать началомъ вещей; *безконечность* одно только слово, и это значило бы пославить ошибку грамматическую на мѣсто физической. *Безпредѣльные зародыши* составляютъ одно, то есть одинъ всеобщій зародышъ; изъ сего неисчислимаго начала происходятъ безпредѣльное множество существъ, погружающихся въ него попеременно и опять выходящихъ — онѣ составляютъ сію вѣчную непрерывную цѣпь тварей, или *обновленій* и *разрушеній*. Безчисленныя существа, составляющія вселенную, служатъ взаимно другъ другу началомъ и попеременно бываютъ дѣйствіемъ и причиной. Говоря собствен-

но, въ Природѣ нѣтъ главнаго начала, ни единственной причины. Человѣкъ возвышается къ сей мысли не иначе, какъ принявъ что-то общее, и взирая на всѣ частички матеріи въ одной только массѣ — онъ паритъ мыслями за предѣлы Природы, разсмаприваетъ ее въ цѣломъ, заключаетъ въ ней самой причину движенія, не принимая никакой посторонней силы, отъ копорой бы она получила стремленіе, не могущее остановиться или прекратиться. Сіе великое *цѣлое* всегда было, и будетъ то, что есть. Все въ немъ перемѣняется; оно одно остается неизмѣннымъ. — Я оставляю, говорилъ намъ въ послѣдній разъ Анаксимандръ — оставляю догадываться о теоріи каждаго существа, и не признаю никакой: а сія теорія есть произведеніе собственнаго моего ума. —

Сіи впоричныя системы не имѣютъ отношенія къ великому *цѣлому*, къ повсемственности, копорую напередъ долж-

но признать и утвердить. — Прочь отъ насъ умы слабые, бездѣйственные! — вы, кои массу Природы считаете грубою, получившею силу движенія отъ другой причины. Матерія, коей человекъ есть малѣйшая частичка, не уже ли безъ разума, безъ воли, безъ власти? Неопытные философы! вы оппнмаете отъ *цѣлаго* эту силу, тѣ свойства, которыми одарены его части. Не уже ли безъ обширнаго Генія не лзя понять, что *каждое существо имѣетъ качества, соразмѣрныя его свойству?* Существо ограниченное и способности имѣетъ ограниченныя, — неограниченное никакихъ предѣловъ имѣть не можетъ. И такъ Природа могущественна, разумна и дѣятельна; — она совершенна, потому что изъ нѣдръ ея происпекаютъ различныя степени совершенства, оппичающіе роды и виды. И почему бы оппнмать отъ матеріи то, что приписываютъ какой-то неизвѣстной силѣ, властвующей надъ нею? — Если дерзкой не узнаете въ эпомъ Природу, то и я осмѣлюсь не

признать сей дѣйствующей силы; я больше имѣю на то права, больше причинъ (*). Пусть опкроется эта сила и поспоритъ съ Природою. Но она безгласна — кроется — бѣжитъ чувствъ моихъ и, кажется не хочешь сравниться съ Природою вездѣ-сущею, которая поражаетъ взоръ мой, слухъ мой и сердце — которая говоритъ каждому органу, каждой жилкѣ... и не спрашивая соперниковъ (**)...

Можетъ быть Анаксимандръ не всегда былъ такъ дальновиденъ въ своихъ мнѣніяхъ. Кажется, Геній его упроче-

(*) Великой мудрецъ! жаль, что ты искалъ правъ и причинъ своихъ въ умѣ. — Если бы ты спросилъ сердце, оно бы ясно и убѣдительно увѣрило тебя въ противномъ.

Переводч.

(**) Заблуждайся, несчастный! боготвори химеру, ослѣпившую слабой твоей разумъ. — Чье сердце согрѣто лучемъ Религии, тотъ тебѣ не повѣритъ.

Переводч.

билъ всѣ силы для высокой сей и блистательной теоріи о безконечномъ. Онъ предполагаетъ фигуру земли, иногда сферическую, иногда подобную цилиндру, коего высота въ три раза меньше ширины. Воздухъ окружаетъ ее, подобно одеждѣ; — такъ кора покрываетъ дерево.

Эта сфера, составленная изъ смѣшенія холода и теплоты, даетъ свободный ходъ вліяніямъ другихъ планетъ и лучамъ возженныхъ свѣтилъ.

Солнце въ двадцать восемь кратъ больше земли, и подобно колесу огромному. Въ изгибахъ орбиты его находится пламя, которое летитъ чрезъ отверстіе, сдѣланное при окружности. Изъ сего отверстія, коего поперечникъ равенъ поперечнику земнаго шара, каждой день льется потокъ пламенный, больше или меньше стремительный, смотря по чудесному скопленію пламени; — пусть, по которому оно проходитъ, очень затруднительно, очень тѣсенъ.

Вѣроятно, что со временемъ усовершенствуются сіе астрономическое начало. Умственные изобрѣшенія Анаксимандра гораздо превосходнее другихъ его открытій. Спарта одолжена ему солнечными часами. Слава его Генію! слава Милету! сей городъ прежде всѣхъ увидѣлъ эту чудесную машину, помощію которой можетъ замѣчать небесныя переменныя вокругъ нашей Планеты. —

Выслушавъ ученика Анаксимандрова, мнѣ должно было возвратиться; но я не могъ лишиться себя удовольствія, прежде нежели оставилъ сіи мѣста — удовольствія, видѣть излучистые берега Меандра, орошающаго плодоносную долину. Тамъ я встрѣтилъ юную Милетскую дѣвушку, которой не было еще и столько лѣтъ, сколько Геркулесъ употребилъ для своихъ подвиговъ. Она, кажется, слишкомъ занята была своимъ дѣломъ, и черпила на чистомъ пескѣ, рѣкою омытомъ и оставленномъ, великой кругъ, раздѣленной прямыми линіями. —

Кто ты, Прекрасная — спросилъ я подошедши — юнѣйшая ли Муза, или сеспра нѣжныхъ Грацій?

Я... ошвѣчала робко дѣвушка, послѣдняя ученица Анаксимандра; — здѣсь попоряю уроки въ отсутствіи моего учителя.

Пифагоръ. Я теперь лишь говорилъ съ однимъ ученикомъ его, и иду насладиться чистымъ, благораспореннымъ воздухомъ въ сихъ мѣстахъ. И такъ это Меандръ, о которомъ столько наговорили мнѣ въ Самосѣ въ юныхъ моихъ лѣтахъ?

Милетская дѣвушка. Это главное чудо наше, послѣ Фалеса и Анаксимандра. Чужеземецъ, тебѣ подобный, веселился у насъ, и, кажется, съ сожалѣніемъ разспрашивается съ нашею спраною, и продолжаетъ извивистой путь въ Пріэнну. Меандръ течетъ изъ отдаленныхъ мѣстъ; онъ выходитъ изъ Фригіи, и происхожденіемъ своимъ обязанъ горамъ *Целени*. Тамъ

служитъ онъ предѣломъ спранъ Лидійской и Каріи; попомъ ограничиваетъ Карійцевъ и Іонійцевъ. Говорятъ, что въ другихъ спранахъ называютъ его именемъ всякую прекрасную рѣчку, нѣжно извивающуюся по цвѣтущимъ лугамъ. У насъ есть еще другая небольшая рѣчка — *Лепта*.

Пифагоръ. Юная дѣвица! кажется ты никогда не пила воды изъ сей небольшой рѣчки.

Милетская дѣвушка. Иногда я въ ней купаюсь; но эта не та рѣчка, которой воды лишаютъ памяти: мнѣ не хочется пить изъ сей послѣдней. — Есть мѣста, гдѣ Меандръ разливаеся на полстади, и нигдѣ волны его не капаются такъ тихо и величественно. Сколько онъ видѣлъ переменъ, перевороповъ, и — не перемѣнился! Граждане Милетскіе и другихъ городовъ Карійскихъ въ этомъ ни мало ему не подобны.

Пивагоръ. Муза Испоріи не болѣе своего знаетъ.

Милетская дѣвушка. Не худо опчисти знашь лѣтописи своего опечесства. Въ нашей землѣ были жипели за нѣсколько вѣковъ прежде, какъ увѣряетъ въ томъ городъ Алабанда, основанный какимъ-то человекомъ, такъ называвшимся, которой почиталъ себя внукомъ рѣки Меандра; — я вовсе не понимаю шакого происхожденія. Эшого Принца назвали богомъ, за то, что онъ былъ добрымъ; это для меня очень — очень понятно. Потомъ Греки, которымъ, вѣрно, худо было въ своемъ опечесствѣ, подъ предводительствомъ Тезеева сына, приспали къ нашему берегу, надѣясь, что имъ здѣсь будетъ лучше, и скоро покорили насъ своей власти. Другіе Греки, подъ руководствомъ Кодрова сына, вновь напали на насъ, какъ гладные волки. Они вышли на берега Милетской и Пріанской, раздѣлились тихо шолпами, и

всѣми силами спарались основать тамъ колонію. Мы должны были уступить. Сіи чужестранцы эшимъ не удовольствовались — измѣнники умершвили всѣхъ мужей, чтобы женишься на ихъ женахъ. Другой опрядъ воиновъ Дорійскихъ овладѣлъ Галикарнассомъ: но Карійцы не лишились бодрости среди шолкаго множества злодѣевъ. Они собрали небольшое войско для освобожденія Пріанны — но тщешно. И такъ, видя себя всегда слабѣйшими, они призвали на помощь обманъ, измѣну, безчеловѣчіе, даже всѣ худыя средства, несравненно худшія претерпѣваемыхъ ими бѣдешвій. Карійцы, желая избавишься однимъ ударомъ отъ сосѣдей шоль многочисленныхъ и опасныхъ, пригласили ихъ на публичное пиршештво, въ намѣренти умершвили всѣхъ ихъ за шоломъ. Одна Карійская дѣвушка, любя нѣжно молодого жипеля острова Мелоса, опкрыла ему заговоръ; а шопъ объявилъ его всѣмъ шопчичамъ. Греки дружески приняли приглашеніе,

съ условіемъ, чптобы имъ позволили только привести своихъ женъ, на что и дано было согласіе безъ всякихъ подозрѣній. Каждая женщина скрыла подъ плащемъ своимъ оспрой кинжалъ, и при первомъ знакѣ, данномъ Карійцами, Греки предупредили и тотчасъ бросились на угоспителей. . . . Ахъ! для чего людямъ бытъ въ обществѣ сполько злыми!

Пиэагоръ. Для того, чпто они ни мало не похожи на тебя — прекрасная тѣломъ и душою!

Милетская дѣвушка. Прочіе Карійцы ужаснулись сего поступка; и видя, чпто все безуспѣшно, рѣшились удалиться на вершины горъ, и тамъ укрѣпились. Жизнь ихъ не была такъ пріятна, какъ въ долинѣ, на прелестныхъ берегахъ Мегандра: но за то они были свободны. Свобода не рѣдко все намъ замѣняетъ. Для чего они всегда не были эшимъ довольны? Они сошли, воспламенясь новымъ жаромъ, пустились по морямъ и желали

сами приводить другихъ въ ужасъ. Скоро они раболѣпствовали первому Принцу, которой могъ заплашить имъ: продавали кровь и жизнь свою, и сражались за выгоды другихъ, а не свои. Они въ поже самое время обратили умъ свой къ пагубнымъ изобрѣшеніямъ, подобнымъ первому ремеслу ихъ; и еще больше возгордились, увидя въ рукахъ полководца своего жезлъ Геркулесовъ, похищенный у Царя Лидійскаго. Великой Алкидъ опнялъ его у Царицы Амазонской, чптобы принестъ въ даръ прекрасной Омфалѣ. Статуя Лабрадейскаго Юпитера будетъ памяникомъ сей знаменитой побѣды. Тамъ Юпитеръ держитъ незабвенный жезлъ Геркулесовъ въ десницѣ.

Чужеземецъ! ты можешь видѣть сей храмъ въ мѣстечкѣ Лабрадеѣ; онъ воздвигнутъ на высокой горѣ, увѣнчанной молодыми вязами. Тамъ есть прудъ, наполненный ручными рыбами, которыхъ должно украшать золошыми кольцами,

если кто хочет умилоствивить се божество. Путешественники уверяютъ, что это ужасно; не желаешь ли самъ увериться въ сей важной истинѣ?

Слава Карійцевъ пролетѣла въ Египетъ. Тамъ называли ихъ наемниками и морскими разбойниками — названіе мало почтенное! но они приобрѣли его чрезъ продажу своего оружія, своей крови и чрезъ частые разбои. Наконецъ сдѣлались ужасны на берегахъ Нила, стремясь завладѣть вольными, плодоносными землями.

Чужеземецъ! ты, можешь быть, самъ зналъ также, или еще лучше, нежели я; но, казалось, слушалъ меня для того, чтобы имѣть понятіе о воспитаніи Милетскомъ. Такъ; опечесство мое — опечесство Фалесовъ, Анаксимандровъ того пребудетъ, чтобы знали, что даже не всѣ дѣши достойны той участи, кою грозилъ намъ ширанъ, угнѣтающій отцовъ нашихъ.

Юная дѣвица! вскричалъ я: скажи мнѣ свое имя, чтобы я съ почтеніемъ могъ замѣнить его въ путешественныхъ своихъ запискахъ. — Въспомни, она быспро, какъ робкая серна, пустилась, и я едва успѣвалъ слѣдовать за нею глазами.

Я не могъ такъ поспѣшно оставить береговъ Меандра, и медленно шелъ по ихъ склоненію. — Ароматное море обливало меня — цвѣты поля горѣли розами яркаго, пурпуроваго цвѣта. Нигдѣ не распустились такія розы, кромѣ земли Милетской. — Молодой человекъ, не старѣе двадцати лѣтъ, шелъ по берегу мнѣ навстрѣчу, и не видя меня, читалъ громко стихи:

„Не вѣчно смертный остается въ ирраціональнѣмъ гробѣ; покровъ человека обратится въ землю, но душа его соединится съ великою душою міра. Ни что не можешь уничтожить существа. Смерть есть только обновленіе. Природа разрѣ-

шаетъ одни тѣла въ другія. — Вездѣ видна только перемѣна. Сущесва не могутъ погибнуть, но они перемѣняются видѣ и принимаютъ другія свойства. Возжненный лучъ разума, все-объемлющаго, все-движущаго, преобразуетъ матерію. Сами боги дѣлаются людьми, и люди, также, дѣлаются богами. . . . “

Я остановился, чтобы не проронить ни одного слова изъ стиховъ его. Поэтъ, увидя меня, кажется смѣшался; даже чело его покрылось румянцемъ. Скромной Фокилидѣ! вскричалъ я: проси дерзкому путешественнику, другу Музъ и разсудка!

Фокилидѣ. Да какъ узналъ меня чужеземецъ, когда жили Милета едва меня знаютъ?

Пивагоръ. Я слышалъ твое имя съ именемъ Фалеса и Анаксимандра, и мнѣ довольно было услышать нѣсколько стиховъ, чтобы узнать тебя. Великой пе-

реходъ отъ басенъ Милетскихъ (1) до сихъ элегическихъ стиховъ. Мнѣ хвалили чистоту своихъ нравовъ и твоего слога, непорочность сердца и правоту ума; мнѣ совѣщали читать твои стихотворенія, которыя могутъ развить двѣ прекрасныя и рѣдкія способности — хорошо жить и хорошо говорить. . . .

Фокилидѣ. Путешественникъ! тамъ есть еще одно замѣчаніе, котораго, можешь быть, ты не видѣлъ; я скажу тебѣ, еслили угодно: никогда не хвали человека въ лице, или во время его жизни. Проси.

При сихъ словахъ Фокилидѣ оставилъ меня, пожавъ мою руку. Я хопѣлъ за нимъ слѣдовать; онъ воспрепятствовалъ, сдѣлавъ рукою знакъ, которой не позволилъ мнѣ идти за нимъ. Я опять пошелъ путемъ своимъ, но элегическіе сти-

(1) Аристидѣ, Поэтъ Милетской, перевелъ ихъ послѣ стихами.

хи вѣзались въ память неизгладимыми чертами.

Любезные ученики! прежде, нежели оспавлю Милешъ совершенно, я еще скажу вамъ одно спрванное постановленіе сего города. Засѣданіе здѣшняго Сената обыкновенно бываетъ на кораблѣ, въ виду гражданъ, которые на берегу ожидаютъ рѣшенія судьбы своей. —

Выходя изъ Милета, я привѣтствовалъ пощъ домъ, гдѣ родился Поэщъ Аркпинасъ, ученикъ Гомеровъ; слава носилась объ немъ во время претіей Олимпиады.

XXV.

Нравы Галикарнаскихъ жителей.

Милешъ и Галикарнасъ два могущественные соперника, спорящіе въ превосходствѣ. И я отправился въ Галикарнасъ.

Сынъ и племянникъ двухъ Царей Трезенскихъ въ Пелопонесѣ, Эпѣусъ имѣлъ право на пронъ; но чрезъ долгое время онъ не могъ воцариться, опасаясь войны междуусобной, спршной; наконецъ рѣшился пусшиться въ море, и скипашься по свѣспу, предводительствуя толпою молодыхъ праздныхъ людей. Они выходящъ на берега Азійскіе, недалеко отъ Іоніи и Икарїи, основываютъ малой городокъ, и называютъ его именемъ перваго опечества. Не далеко отъ нихъ другая колонія, вышедшая изъ Аргоса, основала Миндъ — небольшое селеніе, скоро превращившееся въ укрѣпленный городъ, нынѣ извѣспный подъ именемъ Циндіи.

Жители Аргоса и Трезенны, осматривая окружности новой земли своей, встрѣчаются въ перешейкѣ, между заливомъ Цермскимъ и Исикскимъ — мѣсто самое пріятное на берегахъ Эгейскаго моря: тамъ прелестное украшеніе — чистой прозрочной испоч-

никъ, вышій сребрисныя волны между
злачныхъ холмовъ. Во всѣ времена года
тамъ одинъ только зефиръ вѣетъ. —

Объ толпы нашихъ переселенцовъ
основывающъ тамъ жилище, подъ именемъ
Зефиріи. Тупъ, не извѣстно какимъ обра-
зомъ и въ какое время, сей городъ на-
званъ Галикарнасомъ.

Однѣ вершины горъ были населены
робкими жителями, которые съ шрепе-
томъ сходили на берегъ моря, по причи-
нѣ частыхъ нападеній. Иногда они при-
ходили только для препровожденія нѣ-
сколькихъ пріятныхъ часовъ на берегъ
источника, и при первомъ шумѣ, вдругъ
какъ дикіе прыпались въ свои хижины.

Пришельцы наши не имѣли женъ;
они примѣтили, что у жителей тамош-
нихъ есть, и по большей части прекрас-
ныя женщины; но прелестныя робки, бо-
язливы: какимъ же образомъ привлечь ихъ?
Вотъ способъ новопришедшихъ:

Они начали строитъ храмъ [велико-
лѣпнѣйшій, какой только можно было
при началѣ ихъ поселенія. Природа слиш-
комъ благопріятствовала имъ. Скоро слухъ
разнесся, что они прибыли въ эту стра-
ну по обѣщанію Кипридѣ. Они пригла-
шаютъ сосѣдей, особливо женщинъ, къ
пиршеству, которое будутъ праздновать
нѣсколько разъ, и напередъ объявляютъ,
что самымъ великолѣпнымъ образомъ уго-
сятъ посѣщителей, желающихъ принять
участіе въ благочестивомъ ихъ обрядѣ.

Женщины, которыя болѣе всѣхъ го-
ревали, не видавъ прекраснаго источника,
и припомъ подстрекаемы будучи пламе-
немъ любопытства, принудили мужей
взять ихъ съ собою. Матери повели до-
черей своихъ за мужьями, и всѣ были
приняты съ воспортомъ. Дары ихъ, хо-
тя маловажныя, приняли съ удовольстві-
емъ: въ числѣ приношеній были вѣнки,
плоды, нѣсколько паръ голубей, бѣлыхъ,
не имѣющихъ ни одного пятнушка. Греки

блеснули въ глазахъ сихъ простыхъ людей всѣмъ шѣмъ, что только могло подашь высокую мысль о сей новой колоніи. Вездѣ были столы убраны, и поставлены сладкія кушанья; вино лилось чрезъ края; потомъ начались танцы вокругъ храма и источника. Жители Аргоса соединили звукъ инструментовъ съ нѣжнымъ пономъ свирѣлей Карійскихъ; и ввечеру, очень поздно, разспались, давъ слово въ другой разъ шакъ скоро не разспаваться. На другой день посѣщенія продолжаются, — начинаютъ говорить, какъ бы сблизившись, заключивъ союзъ мирнаго сосѣдства; наконецъ, какъ бы соспавивъ одинъ только народъ. Честная торговля, посредствомъ мѣновъ, довершила се преобразование двухъ народовъ, водъ покровительствомъ Меркурія, которому воздвигли храмы. Греки не столько изобрѣтательны, сколько прилѣжны; въ поже время приготовили нѣсколько бесѣдокъ на берегахъ источника, куда заманили *дѣвушекъ нагорныхъ*; тамъ — уси-

лїя пламенны — сопротивленіе слабо. — — Минувшныя связи умножились до безконечности, и не были безплодны.

Сїи новые потомки слѣдовали обычаямъ своихъ предковъ. Любовь и потребность Природы не были забыты. Граждане Милетскіе не уступали въ изнѣженности Галикарнаскимъ. Этотъ городъ едва отстроился, и содѣлался мѣстомъ публичныхъ злодѣяній. . . . Со всѣхъ Іонійскихъ странъ народъ стекался праздновать, не въ честь Кипридѣ — но разврату. Жители Галикарнасса на укоризны чужеземцевъ отвѣщиваютъ тихо:

„Не безъ причины мы назвали сей источникъ *Салмакійскымъ*, и это имя должно было васъ предупредить, что воды его имѣютъ свойство вливать пламень въ сердце. Напившись изъ него, не лзя не быть сладострастнымъ и дерзкимъ. Вы бы сами поже почувствовали, ешьлибъ испытали. Не уже ли должны мы не допускать васъ? это значило бы нару-

шипъ должность и право гостепрїимства.“

Ясное доказательство, что эпитъ источникъ всегда чистъ и свѣжъ, и все таковъ же, каковъ былъ прежде, когда природныя жилища страны сей, до прибытія Грековъ, приходили безъ всякаго намѣренія утолять въ немъ жажду!!! Онъ вовсе не имѣетъ этой силы; воды его всегда были и будутъ здоровы; но берега его стали заразительны, не только воздухомъ, которымъ дышутъ, сколько примѣромъ всѣхъ пороковъ, которой можно тамъ видѣть.

На другой день въ вечеру, послѣ пышнаго торжества Венеры, я былъ въ Галикарнассѣ. Праздникъ кончился; но удовольствїя, коимъ служилъ онъ предлогомъ, и не думали прекращаться. Я пошелъ къ сему славному источнику Салмакїйскому; тамъ множество людей обо его пола — всегдашнихъ посѣщителей источника — чрезвычайно удивились, что

я былъ одинъ, безъ подруги; но я былъ тамъ только зрителемъ, и никогда не видывалъ положенія прекраснѣе! Какъ свѣшлы, прозрачны струи, журчащія въ семь источниковъ! Мнѣ тотчасъ даже пить захотѣлось. „Чужеземецъ! вскричалъ мнѣ голосъ: эта влага — ядъ медленной; берегись поднести ее къ чистымъ губамъ; ты не возвратишься такимъ, каковъ пришелъ — Нимфа Салмакисъ, такъ какъ насѣкомое Арахны, готовитъ на днѣ сего источника шайныя сѣти для неоспороженныхъ; она сдѣлаетъ надъ тобою превращеніе, совершитъ чудо. Вспомни приключеніе молодаго Гермафродита, сына Меркурїя и Венеры — такъ ты, очарованный мечпою, прилипнешь къ мѣстамъ симъ и будешь ни женщина, ни мужчина.“

Коварный голосъ на дружеской совѣтѣ свой получилъ отъ меня слѣдующій отвѣтъ: „я не спрашусь сей опасности; здѣсь шому только спрашно, кто приходитъ не одинъ.“

И подлинно прелестные берега сѣи не опасны; но пока дойдешь, должно проходить по узкой зеленой пропикѣ, гдѣ по обѣ стороны сдѣланы тайные, мрачные гробы, — и въ каждомъ изъ нихъ есть *Салмаксѣ*: это нѣжныя Галикарнасскія дѣвушки. Онѣ содержатся на счетѣ Правительсва для того только, чтобы публично преподавать науку наслажденій; тамъ разметавши на коврахъ цвѣточныхъ легкую одежду, покрывающую столько, сколько нужно для возбужденія нѣги, съ полу-открытымъ помнымъ взоромъ, съ бѣлою грудью . . . онѣ зовутъ въ проспертыя объятія всѣхъ, кто входитъ въ эполъ земной Елисей.

Я осмѣлился пройти сей опасный лѣсокъ; и на уши слышны только нѣжныя пѣсни, помные вздохи. Розовая гирлянда служитъ знакомъ, что въ помѣ гробѣ есть несчастная жертва въ сѣтяхъ Салмакисы . . . Женщины сего горо-

да приходятъ туда первыя и очень охотно. Какой-то законъ не велитъ мужьямъ и родственникамъ препяшествовать ночнымъ волокишствамъ своихъ женъ и родственницъ, естли онѣ идутъ въ Салмакѣйскіе гробы; но никто не возспалъ, не вопрошивилъ се-му опредѣленію Правительсва. *Подлые, презрѣнные* жители Галикарнасса (не могу сыскать словъ, имъ приличныхъ) не только согласны на это безстыдство, но еще предлагаютъ свои услуги; а многіе изъ нихъ даже явно велятъ дочерямъ, естли прелестъ ихъ куплена за великую цѣну; и эполъ постыдный, безчестный прибыпокъ употребляютъ для роскоши, и приглашаютъ на пиршество къ великолѣпному столу. . . .

Досада отъ всего, что поражало взоръ и слухъ мой, удаляла меня въ гостиницу; — раздается шумъ, я слушаю: кто-то двое дѣлаютъ другъ другу укоризны — только совсѣмъ другаго роду;

не шѣ распущныя , кошорыхъ я такъ много слышался.

Это былъ отецъ и дочь , которые другъ друга узнали. Не любви родительской , не горячности дочерней они пришли искать сюда. Ужасъ обнялъ ихъ и того и другаго — о жестокая истина ! Они шли уже изъ лѣсу , и отецъ для наказанія шацилъ дочь свою : шумъ является сѣдовласой членъ Правительства , и именемъ закона разлучаетъ ихъ , говоря : „Сіе мѣсто , освященное храмомъ Венеры , дѣлаетъ оба пола равными , свободными ; дочь швоя здѣсь тебѣ не принадлежитъ ; я велю тебѣ , оставь ей на волю — хочешь , идешь — или остаешься.“

Должно было повиноваться. Отецъ возвратился одинъ , и сѣдовласой спражь законовъ , приставленный къ мѣстамъ симъ , важно осматривалъ ихъ. Кровь во мнѣ закипѣла ; я полетѣлъ къ нему.

„Спарикъ ! закричалъ я : какъ не стыдно тебѣ опправлять такую должность ? Такъ ли наблюдаютъ въ Галикарнасѣ священный законъ Природы , непорочные и чистые нравы ?“

Молодой человекъ ! отвѣчалъ онъ : благодари , что ты чужеземецъ , и научись уважать принятой обрядъ , каковъ бы онъ ни былъ.

Пиеагоръ. Я вездѣ долженъ гнушаться порокомъ , гдѣ бы его ни встрѣшилъ.

Членъ Правительства. Молодой человекъ ! я охотно извиняю твою неопытность въ свѣтѣ , и хочу научить тебя. Не всегда ты можешь говорить съ скромными людьми , опправляющими публичную должность подобно мнѣ. Выслушай ! ты узнаешь , можешь быть , что это градъ есть Греческая усадьба. Предки наши , оставшись въ сей долину , могли жить только двойкимъ образомъ : разби-

вать по морямъ и грабить нагорныхъ жителей; или учредить такое заведеніе, какое ты видишь. Мы рѣшились на послѣднее. Это родъ почести, воздаваемой первому опечеству нашему. Городъ Трѣзенна прежде назывался *Афродисіасъ*. — Почти всѣ колоніи наводили ужасъ тѣмъ странамъ, къ которымъ приспавали; они омывались кровью и успилали трупами землю. Предки наши, напротивъ, меньше нежели въ годъ удвоили размноженіе народа, и сохранили служеніе Венерѣ, ими успановленное. Мы оплично поддерживаемъ славу ихъ безъ зависпниковъ, безъ соперниковъ. Еспьли это злодѣяніе, то и Природа въ немъ участвуетъ; ибо сама она произвела прекрасные испочники, прекрасные цвѣшны и прекрасныхъ женщинъ. Симъ миролюбивымъ средспвомъ мы собираемъ дань со всѣхъ провинцій Азійскихъ. Чужеземцы здѣсь оспавляютъ избытокъ своихъ сокровищъ за тѣ удовольствія, которыя мы имъ доставляемъ. Мудрой молодой человекъ, безъ сомнѣнія недавно вышед-

кій изъ школы Біасовой и Фалесовой! скажи мнѣ, еспьли полишика человекколюбивѣе, невиннѣе? . . .

Я прервалъ рѣчь его съ жаромъ: Невиннѣе! . . . поспыдство самое соблазнительное! еспьли подлостъ злодѣйспвеннѣе разврата жителей Галикарнасскихъ? Они пользуются безчеспьемъ своихъ женъ, сеспрь, дочерей, и поспыдныя сѣшны разспилаютъ для чужеземцевъ. . . .

Спрогая мораль первыхъ учиспелей швоихъ, опвѣчалъ *Алитархъ* (1) съ бѣлыми власами, несообразна съ таковымъ обрядомъ. Между множеспвомъ полишическихъ бѣдспвій, мы избрали самое меньшее. Не уже ли бы ты веселѣе взглянулъ на насъ, еспьлибъ руки наши покрышы были кровію сосѣдей, и еспьлибъ мы сами другъ друга терзали? Мы почли за лучшее сохранять жизнь свою и

(1) *Алитархъ* — защитникъ публичныхъ удовольствій.

размножать родъ человеческій самымъ естественнымъ образомъ.

Пиоагоръ. Земледѣліе было бы для васъ почтеннымъ и обильнѣйшимъ средствомъ. Какъ удобно могли бы вы присвоить законнымъ образомъ удѣлъ вашихъ владѣній, обработавъ его и умноживъ плоды на тѣхъ общихъ земляхъ, копорыми вы завладѣли!

Членъ Правительства. Молодой человекъ! какъ мало ты знаешь людей! — говоришь о земледѣліи, о трудахъ неусыпныхъ побродягамъ, вышедшимъ изъ такой страны, гдѣ усилилась заразительная роскошь! Изъ всѣхъ основательницъ градовъ, изъ всѣхъ законодательницъ, мы еще самые невинные. Они всѣ употребляли насиліе, или обманы; никто изъ нихъ и не помыслилъ ввести въ обыкновеніе упѣхи, чтобы тѣмъ образовать народъ свой. Удовольствіе великой щипъ для обществъ, и оно — то есть истинный отецъ ихъ. Молодой человекъ! продолжай путь

свой; спускай на островъ Кипръ, и тамъ принеси жертву — для тебя это нужно.

И подлинно я пошелъ благоразумнѣе не ожидать напоминанія въ другой разъ, и скоро оставилъ сей городъ.

XXVI.

Путешествіе въ Гнидъ, Арадосъ и Кипръ.

Я пошелъ вдоль полуострова къ морю, чтобы отправиться въ Гнидъ. Тамъ жители поклоняются шремъ божествамъ: *Аполлону, Нелпуку и Венерѣ.* Но скоро Венера воспоржествуетъ надъ другими богами. Великолѣпный храмъ ея каждой день украшается и умножаетъ число сокровищъ.

Гнидскимъ жителямъ должно больше заняться усовершенствованіемъ полипического правленія. Они имѣютъ шестьдесятъ Правительницъ или старѣйшинъ, изъ

Книжка IV. V

вѣспныхъ подѣ именемъ *Амнемоновъ*, которые никогда не опдають отчета въ своемъ правительствѣ, такъ какъ и *Афестеръ*, ихъ Консулъ, или Предсѣдатель, которой говоритъ и исполняетъ отъ имени всѣхъ ихъ. Я люблю вѣрить, что есть добродѣтель; но для чего давать средство къ преступленію, избавляя отъ всякаго суда? Законы однихъ боговъ только исключивъ должны отъ отчета въ своихъ поступкахъ, потому что не могутъ на нихъ простереться.

Гнидскіе жители не имѣютъ больше свободы, и, къ довершенію бѣдствій, достойны того рабства, въ которомъ изнемогаютъ. Имъ стоило только сдѣлать непреборимую преграду между собою и Кипромъ, въ перешейкѣ на пятьдесятъ стадій. Я видѣлъ слѣды первыхъ трудовъ сихъ; но подлые скоро устали и оправдали себя Оракуломъ. Боги вступили въ такое предпріятіе, которое было не выше силъ человѣческихъ; но жи-

ли Гнида всегда показывали себя достойными чадомъ нѣги. Не трудно было Персидской арміи разбить ихъ и покорить; ей стоило только взойти на полуостровъ — и робкіе сами шли въ цѣпи, долженствовавшія оковать ихъ. Всякая слава для нихъ ничто — они желаютъ только прославиться винами своими.

Въ Гнидѣ двѣ пристани.

Въ семь городѣ спогранной *гномонъ*, или стрѣлка солнечныхъ часовъ, показала бы семьдесятъ пять особенныхъ тѣней.

На семь островѣ родился проспникъ еще лучшій, нежели въ Египтѣ, для писанія на папирѣ. Папировой лисъ и проспникъ суть оружія разума.

Гнидской лукъ не производитъ слезъ въ глазахъ.

Мнѣ говорили объ одномъ тихомъ источникѣ, въ которомъ земля окаменѣть можетъ въ продолженіи осьми сутокъ. Я не видѣлъ на опытѣ сего чуда. —

Я сѣлъ въ небольшое судно, плывшее въ Египетъ, которому должно было остановиться прежде въ Пафосъ для исполненія обѣта; сіе малое разспояніе отдѣляло меня отъ Сидона, которой былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего путешествія. Уже вдали темнѣлся холмистый верхъ Олимпа, какъ вдругъ закричали: берегъ! берегъ! — Это былъ небольшой островъ, занятой усадьбою Сидонскою. — Сидонскою! это имя напомнило о родинѣ. Кто откажется посѣтить и малое селеніе первыхъ соотечественниковъ? — я тотчасъ вышелъ на берегъ.

Сей островъ, называемый *Арадосъ*, имѣетъ въ окружности семь стадій, и не болѣе двадцати считаютъ чрезъ каналъ, отдѣляющій его отъ Кипра. Вездѣ на немъ видны кремнистыя скалы, которыя нужда — мать трудовъ неусыпныхъ — умѣла покрыть плодоносною землею, вывозимою въ большихъ судахъ изъ ближнихъ малыхъ островковъ. Это

неусыпные труды многихъ семействъ Сидонскихъ, добровольно вышедшихъ изъ отечества, наполнившася множествомъ народа; — такъ изъ улья, наполненнаго пчелами, выходятъ рой и ищутъ жилища въ первомъ дуплѣ какогонибудь дерева. Мысль о родинѣ цвѣшетъ всегда въ ихъ сердцахъ. Я сказалъ старѣйшему изъ нихъ: гдѣ родился? — „Доброй молодой чело-вѣкъ! отвѣчалъ онъ, ты Сидонецъ? мы всѣ — всѣ тебѣ рады; ибо рѣдко, очень рѣдко видимъ земляковъ своихъ. Богатые легко забываютъ бѣдныхъ: но мы всё любимъ и любить будемъ свою родину. Погляди, какъ стоятъ наши хижины: мы выстроили ихъ такъ, что лишь спу-пишь на порогъ, тотчасъ бросится въ глаза милая наша родина. Каждое утро мы привѣтствуемъ Сидонъ, и солнце, изъ за него выходящее.“

Старикъ представилъ меня всѣмъ семействамъ. Они другъ передъ другомъ звали меня къ себѣ, одинъ другаго усерд-

нѣе, добродушнѣе. На другой день мнѣ хотѣлось опривавиться въ Кипрѣ; но нельзя было. „Ты побудешь съ нами, по крайней мѣрѣ при дни; ты расскажешь намъ, продолжалъ спарикъ, что дѣлается вокругъ насъ; ибо насъ люди не знаютъ, и мы также не знаемъ, что съ ними дѣлается. Кому захочется посѣпить такой островъ, кошорой едва только питаетъ своихъ жителей? Сынъ мой! мы не ропщемъ на то, что насъ такъ оставляютъ, чѣмъ бы другіе можетъ быть и обидѣлись. Говорятъ, что у насъ новой Певелишель, кошорой, конечно, не знаетъ всѣхъ своихъ подданныхъ; ибо онъ и не объявлялъ еще своего права на насъ; да къ чему и шоропиться? такимъ образомъ мы избѣгаемъ подлиннаго рабства. Мы обратились къ правительству предковъ нашихъ: младшіе спрашиваютъ старшихъ, и все идетъ само собою. Всякой изъ насъ живетъ въ семействѣ спокойно и щасливо, сколько Природа позволяетъ человѣку. Останься съ на-

ми; ты найдешь здѣсь всегда чистый воздухъ, небольшое поле, орошаемое испочникомъ, и подругу, кошорая можетъ довершить свое щастіе; а естли оставишь насъ, то, можетъ быть, когда нибудь и раскаешься. Твой видъ показываетъ что-то доброе. На упренней зарѣ своей, ты больше имѣешь познаній, нежели я — спарикъ, склоняющійся къ западу. Проливай знанія свои, кошорыя ты почерпнулъ въ путешествіяхъ. Много недостаетъ намъ познаній очень важныхъ. Мы всѣ здѣсь живемъ согласно; ты не увидишь неблагодарныхъ.“

Пивагоръ. Вы не опдаете себѣ справедливости, и думаете обо мнѣ слишкомъ много. Почтенные островитяне! вы ни въ чемъ не имѣете недостатка, потому что слѣдуете Природѣ, и у васъ — то мнѣ должно учиться блаженству. Естли я и удаляюсь, то для того, чтобы нѣкогда возвратиться къ вамъ, можетъ быть, достойнѣе.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ сего небольшошаго Финикійскаго селенія, я осматривалъ оспровъ. Жители ввели въ обыкновеніе между собою *цѣловаться*, и эпи поцѣлуи называютъ они, на своемъ языкѣ, богомъ *Афака*. Это названіе тоже значить, что Венера.

Я опять сѣлъ на корабль; — мнѣ дали проводника, очень искуснаго плавателя Арадоскаго. Ему вѣрно было ожидать меня изъ Пафоса. Мы не могли сыскать пристани надежнѣе и выгоднѣе той, гдѣ сама Венера, выходя изъ волнъ, вступила на берегъ Кипрской между двумя источниками; двѣ скалы прикрываютъ ее и кажется защищаютъ входъ.

Кормчій мой предложилъ услуги — быть вождемъ моимъ при обозрѣніи берега, которой былъ ему извѣстенъ. Я принялъ съ радостію; и не входя въ дальнѣйшее разсматриваніе, мы хотѣли прежде видѣть окружность сего славна-

го оспрова, коего широка кажется подобна овечьей кожѣ (1).

XXVII.

Мѣстоположеніе Кипра.

Мы плыли прежде около мыса *Зефиріосъ* — длиннаго угла земли, далеко вдавагося въ море, которой обращенъ будучи къ западу, служитъ пріятнымъ мѣстомъ для рѣзвыхъ зефировъ; нѣсколько дальше, лежитъ другой уголъ земли оспрой и согнушой, которой называютъ *Дреланосъ*.

Любезные мои! сохранимъ этотъ обычай, давая извѣстнѣйшимъ мѣстамъ моря и земли названія, сообразныя съ ихъ видомъ или съ другимъ свойствомъ, не менѣе продолжительнымъ; это легчайшій способъ понимать насъ, и изба-

(1) НВ. Главнѣйшіе Писатели о томъ, что содержится въ сей Главѣ и въ слѣдующихъ: Плиній, Плутархъ, Геродотъ, Павзаній, Данвиль, Ларжеръ и проч.

вишь попомковъ ошь долговременныхъ трудовъ и розысканій.

Нѣтъ ничего примѣчательнаго до самой *Солы*, новаго небольшого города, очень выгодно лежащаго при устьѣ двухъ рѣкъ, вмѣстѣ сливающихся. Новой законодатель Аѳинской избралъ тамъ для него положеніе. Солонъ, будучи призванъ въ Кипръ однимъ изъ десяти или десяти малыхъ повелителей сего острова (которой сдѣлался теперь Персидскою провинціею), совѣтовалъ Государю города Эфеи перемѣнить свое мѣсто-пребываніе, оставивъ каменную, бесплодную гору, гдѣ жилъ онъ, и перевести столицу на плодоносную веселую равнину. Принцъ согласился на его предложеніе, и изъ благодарности новой городъ названъ былъ именемъ Аѳинскаго мудреца. Въ то же время тамъ воздвигли храмъ Изису: Солонъ самъ совершилъ посвященіе; и Венера провела тамъ цѣлую ночь, возлегши на свирокъ своихъ

законовъ. Въ тридцати спадіяхъ есть мѣдная рудоконья; на семь островъ очень много руды мѣдной.

Продолжая плаваніе, мы увидѣли Лапею, малую рѣчку, отъ которой получилъ имя городъ. Преданіе утверждаетъ, что Белюсъ былъ его основателемъ, и называлъ Лапею любезною своею. Но онъ не былъ любезенъ жителямъ Кипрскимъ, коихъ все имѣніе разграбилъ. Въ нѣсколькихъ спадіяхъ лежитъ другой городъ — *Макарія* (1). Былъ вѣкъ, когда названіе *щастливый* было общимъ всякому острову; не многія обласпи на земномъ шарѣ достойны были долго носить это имя.

На краю горизонта и Кипра возвышался малой Олимпъ, на вершкѣ коего лежалъ городъ; верхъ его освященъ былъ храмомъ *Венеры - Ураніи*, неприступной для женщинъ: не для того ли, чтобы дать знать, что онъ неспособенъ любить безпристрастно?

(1) *Макарія* значитъ блаженной, щастливой.

Конецъ сего острова украшенъ двумя полосами земли, довольно вдавшимися въ море, недалеко отъ мыса, названнаго *хвостомъ тельцовымъ*. Сии двѣ узкія полосы земли дали Кипру названіе *рогатаго острова*; а можеть быть и то еще; что никогда шамъ коней не бывало: воны служатъ въ Кипрѣ для употребленія въ деревняхъ и городахъ.

Мы плыли около полуденнаго берега, и скоро очутились при *Саламинѣ*, второмъ городѣ Кипрскомъ. Здѣшняя пристань, запертая, можеть содержать корабли зимою. Въ семъ городѣ хранился еще спрашный обычай, приносить каждой годъ человека въ жертву на олтарахъ Юпитеровыхъ. Прошедши пристань *Левколу*, взоръ нашъ пораженъ былъ мысомъ *Педаліумъ*. Грозно возвышается конецъ его кремнистой, въ видѣ каменнаго стола, — и это мѣсто посвящено Венерѣ.

Предъ симъ мысомъ и городомъ Тронн плаваніе бываеть извивисто. Тамъ естъ соляныя горы и ямы. Чрезъ рѣку Теціусъ должно плыть въ Идалію — прекрасной городокъ среди очаровательнаго лѣса, усѣяннаго виноградными древами и и ручейками серебряными. Двухолмистой верхъ Олимпа подобенъ полной груди пятнадцатилѣтней дѣвушки; на него взойти можно не иначе, говорятъ, какъ идя къ пупу, или средопочію Кипра.

Мы прибыли въ Амаэонтъ, древнѣйшій городъ на семъ островѣ, которой уступаетъ въ преимуществѣ только Пафосу. Мнѣнія о его происхожденіи различны: иные считаютъ основателемъ его сына Геркулесова, которой имѣлъ это имя; другіе утверждаютъ, что онъ долженъ происходить отъ водъ *Фермальскихъ*, подлѣ него вырывающихся. Земля вокругъ его, естли можно такъ сказать — металлическая: въ ней очень много свинцу и мѣди. Жители сего города утверждаютъ,

что они *Автоктоны*. Я люблю, естлико хочешь бышь первымъ въ своемъ родѣ, или семействѣ. Въ храмѣ Амазонскомъ предсавлена Венера въ видѣ женщины и мужчины съ бородою; для всѣхъ сихъ обрядовъ, спранныхъ при первомъ взглядѣ, есть причины; но народъ ихъ не понимаетъ.

Двѣ цѣпи горъ протянулись по Кипру, въ которомъ считается десять городовъ. Климатъ здѣсь не такъ приятенъ, какъ бы думать должно, судя по слуху. Вѣтры, дующіе съ твердой близлежащей земли Азіатской, наносятъ холодъ. На самомъ Олимпѣ лежитъ снѣгъ цѣлую треть года. Лѣтніе знои тамъ нестерпимы; дожди весьма часты, и не вездѣ можно сыскать воды способной для питья; одно только мѣсто на семъ островѣ производитъ прекрасное вино; словомъ, эпитъ Кипръ, о которомъ повсюду гремитъ слава — для жителей весьма нездоровъ.

Земля вся каменистая. Многія горы даютъ мраморъ желтой; а одна изъ нихъ даетъ ископаемой лѣнъ, изъ котораго холстъ мается въ пламени. Амѣантъ Кипрской бываетъ темно-зеленаго цвѣта, и слишкомъ мягокъ; должно бы испытать дѣлать изъ него папиръ нестерпимой: иногда бы испина, однажды написанная, не погибла во вѣки.

Въ Кипрѣ очень много чистыхъ камней; тамъ открыли еще одну шельку жилу руды желѣзной: эпитъ металлъ у нихъ дороже діаманта, потому что полезенъ.

Нигдѣ нѣтъ столько кипарисовъ, какъ на семъ островѣ; и такъ мѣсто, посвященное особо удовольствіямъ и богинѣ размноженія, очень способствуетъ и растенію сего дерева. — Кипарисъ есть эмблема горести, и другъ смерти. Подсолнечникъ и лавры, вязаи и кедры, кажутся, съ удовольствіемъ цвѣтуть тамъ, возвышающіяся и зеленѣютъ. Кипрскія

оранжевые деревья достойны своей славы; ржаная мука въ Кипрѣ не очень бѣла, но въ лицѣ пріятна. Козы пипають жителей сей земли, а змѣи и кузнечики бичи ихъ.

Кажется, что прекрасная Венера избрала превосходнѣйшее мѣсто для своего царства; и немногіе острова имѣють выгоднѣйшее положеніе, принявъ и успокоивъ плавающихъ всѣхъ трехъ частей свѣта. Жители Финикійскіе приехали къ нему прежде всѣхъ съ своими богами, безъ которыхъ они не могли сдѣлать шагу. Потомъ пришли Греки, и присоединили боговъ своихъ къ первымъ. Изъ сего смѣшенія родилась — Венера, со всѣми обрядами, какіе только можетъ представить себѣ воображеніе распутнаго человека. Сіи островитяне, подавши, можетъ быть, примѣръ жителямъ Галикарнаскимъ, споспѣшествовали всѣми силами такому богопочитанію, которое могло быть для нихъ источникомъ сокровищъ,

гораздо обильнѣйшимъ, нежели земледѣліе и рудокопни. И какой чужеземецъ не захочетъ приспавъ къ Кипру для принесенія жертвы богинѣ удовольствій? .. Богопочитаніе, воздаваемое упѣхамъ, должно попомнить всѣ другія.

Политическое состояніе сего острова очень жалко. Девять или десять малыхъ вельможъ тамъ тиранствуютъ въ угоду Персіи. Каждой деспотъ имѣетъ свой Сенатъ, состоящій изъ нѣсколькихъ старѣйшинъ, которые — чтобы войти въ милость при Дворѣ — поносятъ чернь бѣдную, и угнѣтають ее произвольными налогами.

Кипрскія женщины безстыднѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Самыя прекрасныя ославляютъ отечество, и идутъ въ услуги къ Царицѣ Персидской, которая употребляетъ ихъ вмѣсто ступенекъ, когда восходитъ на колесницу.

Жители Кипра называютъ Гомера своимъ соотечественникомъ. На семь островъ былъ Поэтъ древнѣе пѣвца безсмертнаго Ахилла и Улисса; ибо *Эвкло*с почитаютъ творцомъ очень извѣстныхъ *Кипрскихъ стихотвореній*.

XXVIII.

Происхожденіе и нравы Пафоса

Возвращаясь въ Пафосъ, я вошелъ въ городъ, выстроенный подобно амфитеатру. Многихъ считаютъ основателями его: во первыхъ *Цинира*са, Царя Кипрскаго. Послѣдуютъ, что *явленіе* Венеры изъ волнъ морскихъ было славнѣйшею эпохою его царствованія. У него былъ одинъ только сынъ, умной и прекрасной. Однажды на охотѣ видѣлъ онъ прелестную дѣвушку, которой красота равна была его красотѣ, и добродѣтели не менѣе совершенны: — подобное стремился къ подобному. — Киприда (такъ называлась она) и Адо-

нисъ (это имя молодаго челоуѣка) шли на встрѣчу другъ другу. Кипарисъ былъ свидѣтелемъ первыхъ обѣщаній ихъ, и съ тѣхъ поръ Адонисъ отказался отъ жестокаго и гибельнаго занятія, гонящагося за звѣрями: онъ сдѣлался пастухомъ, чтобы приблизиться къ своей любезной. Отецъ его, имѣвшій другое намѣреніе, хотѣлъ прервать связь ихъ; и Адонисъ, не могши пронуть его, выдумалъ хитрость: „Прекрасная! — сказалъ онъ Кипридѣ — Венера родилась изъ волнъ морскихъ: согласишься представишь ее на минуточку; какая женщина для этого достойнѣе тебя?

Тайно Адонисъ готовилъ торжество для милой. . . . Въ одинъ весенній вечеръ, прежде захода солнца, бѣжитъ въ пристань народъ, Государь поспѣшаетъ; и какое зрѣлище представляется ихъ взорамъ? Въ лазурной раковинѣ, едва-едва колеблемой и тихо несомой волнами, бѣгущими къ берегу, является небес-

ная красота во всемъ цвѣтѣ и свѣжести юныхъ дней своихъ. Она выходитъ — величественно шествуетъ, окружена будучи свитой вѣрныхъ служителей; Адонисовыхъ, одѣтыхъ по приличію богамъ морскимъ, и поющихъ гимны Венерѣ. Народъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ повторяетъ священное имя, и вѣривъ удобно, что сама Венера пришла жить между ними. Цинирасъ легко понялъ тайну, — но онъ припворяется и предлагаетъ, для довершенія торжества, забавиться охотою вепрей въ лѣсахъ Италійскихъ. Она здѣсь присутствуетъ, и — скоро покрывается крѣпомъ . . . разъяренный вепрь нанесъ Адонису смертельную рану. Отецъ его приготовилъ для погребенія пышные обряды; между тѣмъ безумѣшная Киприда исчезла на вѣки. Царь утверждаетъ, что онъ видѣлъ, какъ она взошла на Олимпъ и опшуда — воспарила къ небесамъ. Въ то время всякъ думалъ по своему; только скоро воздвигнутъ былъ величественный храмъ, положены празднества на три дни и три

ночи; и, для преданія потомству сего достопамятнаго происшествія, сей островъ, называвшійся прежде *Эрозю*, получилъ имя Кипра.

Цинирасъ, для дополненія рѣдкихъ браковъ, по причинѣ недостатка въ приданныхъ, велѣлъ приверженному жрецу объявить, что жертва любви для Венеры пріятнѣе всѣхъ тучныхъ тельцовъ. — И вошъ какимъ образомъ, чрезъ политическое состояніе, Кипръ потерялъ свои нравы и развалины Гименеевыхъ жерпвенниковъ предалъ мерзости. . . . Всѣ народы, сюда прибывшіе, были ихъ участниками; и эпокъ островъ, бывший прежде добродѣтельнымъ и неизвѣстнымъ — вдругъ сдѣлался славнымъ чрезъ свое безславіе. Цинирасъ, худой отецъ и Царь-развратитель, жилъ долгое время.

Съ тѣхъ поръ — въ продолженіи трехъ дней, которые служатъ переходомъ отъ весны къ лѣту — народъ Кипрской, живущій въ этой части острова, торже-

спвенно приходитъ къ морю, призываетъ Венеру, и — тотчасъ прекраснѣйшая оспровишянка играетъ роль Адонисовой любовницы, выходитъ изъ волнъ, идетъ на берегъ, и гимны гремятъ въ честь ей — оиміамы курятся ошъ обоюго пола; ее провожаютъ въ лѣсъ Италійской; ночь наступитъ, толпа раздѣлится на малыя группы, и пошомъ всѣ разсѣются по-парно: народъ даетъ жрецамъ деньги, которыми благочестивымъ образомъ они возвращаютъ юнымъ дѣвицамъ, выходящимъ изъ лѣсу. На третій день въ вечеру дѣлаютъ воспоминаніе несчастному Адонису; и наконецъ предаются всѣмъ безпущствамъ, какія позволяютъ пиршество.

Другое преданіе говоритъ о второмъ основателѣ Пафоса. Столица Кипра не имѣла другаго имени, кромѣ того, какое носитъ самый оспровъ. Пигмаліонъ, искуснѣйшій изъ всѣхъ скульпторовъ, боготворилъ своей работы, приведенъ былъ

въ гнѣвъ поведеніемъ сихъ оспровишянъ; особливо женщины возбуждали его спрашное негодованіе. Онъ избираетъ кусокъ мрамора, входитъ въ свою мастерскую, запирается съ тѣмъ, чшобы никогда не выходитъ ошпуда. Взявъ въ рѣзецъ въ руки, онъ говоритъ самъ себѣ: „Юныя красавицы Кипрскія! я оставляю васъ за то, что вы совершенно предались безспыдному своему богочишанію. Я умѣю удовлетворить себѣ собственнымъ шаланпомъ. Такъ, произведемъ въ дѣйство предпринятое намѣреніе! Мой рѣзецъ только можетъ произвести такую подругу, въ какой чувствуетъ нужду мое сердце. Не въ силахъ будучи рѣшиться пожертвовать собою въ объяшяхъ безпущной женщины, я сохраню свою честь предъ совершеннымъ изображеніемъ того добродѣшельнаго предмета, котораго не найду въ своемъ отечествѣ. Я лучше хочу быть любовникомъ прекрасной статуи, нежели живой красавицы, поругавшей себя такимъ богочишаніемъ, которое не-

пріятно и противно Природѣ. Примемся за работу!“

Пигмаліонъ совершенно посвятилъ себя работѣ: подѣ рѣзцомъ его, водимымъ творческою рукою, которою управляло сердце, бѣлой мраморъ принималъ черты прелестныя — и прекрасная дѣвица заснула его мѣсто. Ей недоставало только искры жизни, но она все прочее имѣла: неподражаемой ошпѣнокъ невинности сіялъ на челѣ ея; и если бы молнія чувства блеснула въ глазахъ, то они выразили бы самую нѣжную спрасть душевную. Изгибы неодушевленныхъ членовъ ея представляли все совершеннѣйшее въ Природѣ. Пигмаліонъ превзошелъ самъ себя; онъ дивился своему произведенію. „Такъ! вопль одно, сказалъ онъ; никогда и ни что не выходило прекраснѣе изъ рукъ моихъ. Я не мечтаю вижу; меня не ослѣпляетъ непроспительное тщеславіе. Кипрскія дѣвицы! для чего не подобны вы этой статуѣ? для чего нѣтъ на

васъ такого скромнаго, милаго вида — безпредѣльной силы прелестей, очарованій? . . . Но вы лишились ихъ, и никогда не возвратите.“

Чувствуя жаръ въ сердцѣ, онъ покрываетъ спатую занавѣсомъ, и спѣшитъ къ присхани; между тѣмъ ночь спустилась на землю. — Въ приливъ сильныхъ чувствованій, оборотясь къ морю, онъ вскричалъ: „О Венера — Уранія! ты, которой олтари поруганы подлыми жертвами! услышь меня: дай мнѣ супругу, совершенно подобную той спатуѣ, которую изобразилъ рѣзецъ мой!“

Послѣ сей краткой молитвы, упокоенный трудами, предается сладкому покою, надѣясь, что Венера удостоитъ его во снѣ своимъ ошвѣтомъ.

Черезъ два часа онъ проснулся; входилъ въ свою мастерскую, и дрожащею рукою поднимаетъ занавѣсъ, покрывавшій спатую: — о чудо! онъ не вѣритъ гла-

замъ — касается рукою: его спашуя не хладный мраморъ — подъ горящими пальцами онъ чувспвуетъ шрепетъ нѣжнаго сердца. . . .

Юная дѣвица Кипрская, по имени Пафосъ, копорая ни на какомъ еще Венериномъ празднествѣ не бывала, будучи на берегу моря въ то время, когда Пигмаліонъ приносилъ молитву столь громкимъ голосомъ, что можно было слышать его во мракѣ, топчасъ прибѣжала къ другу сего арписша, объявила ему тайну своего сердца съ такимъ простодушіемъ, откровенностію, что не лзя было не повѣрить. Другъ согласился на оживотвореніе спашуи; отворилъ дверь Пигмаліоновой мастеровой комнаты для юной дѣвушки, снялъ мраморъ съ пьедестала, а мѣсто ея заспунила Пафосъ.

О великая Богиня! о Венера! вскричалъ Пигмаліонъ, не зная сего произшествія: возможно ли! я едва смѣю вѣрять своимъ чувспвамъ; не очаровываешь ли

ты ихъ для минушнаго моего унѣшенія? не ужели я сполько щаспливъ? . . .

Юная Пафосъ. Такъ, любезной Пигмаліонъ! Венера - *Уранія* посылаетъ тебѣ невинную Пафосъ. Соединимся! да подѣйствуетъ примѣръ нашего брака къ возстановленію нравовъ на островѣ Кипрѣ.

Весь городъ, услыша о семъ чудесномъ произшествіи, прославилъ бракъ Пафосы съ Пигмаліономъ, въ честь богинѣ - покровительницѣ спраны сей; и жрецы, чтобы прославить свое имя при семъ чудѣ (ибо сіе произшествіе было уважено ими), провозгласили волю Венеры - *Ураніи*, дать сполницѣ Кипра имя Пигмаліоновой супруги. Съ сихъ поръ этотъ городъ получилъ названіе *Пафосъ*, и хранилъ его донынѣ; но примѣръ новобрачныхъ скоро Кипрскіе жители забыли, и на слѣдующій годъ опять принялись за прежніе обычаи.

XXIX.

Служеніе Венерѣ (1).

Никогда не видавъ празднествъ и мало о томъ заботясь, я досталъ себѣ книгу, содержащую служеніе Венерѣ. — Между рѣзными кольцами трудовъ моего отца, которыя взялъ я съ собою выходя изъ Самоса, одно только могло понравиться жрецамъ, гдѣ на аматиспѣ представленъ былъ играющій дельфинъ; я отдалъ его, и желаемая книга была въ моихъ рукахъ: они присоединили еще къ ней небольшое изображеніе Венеры.

Любезные ученики! вы увидите въ этомъ собраніи ихъ моленій, сколько люди не сообразны сами съ собою. *Духъ* моленія, приносимаго Венерѣ, очень чистъ

(1) . . . Надобно видѣть въ отрывкахъ сочиненій Орфеевыхъ, сколько служеніе, такъ называемое, Цибелы и Венеры включаетъ въ себѣ высшихъ воззваній . . . Собри, *изъясненіе служеній.*

и непороченъ; отъ чегожъ происходитъ, что благочестивыя дѣйствія такъ мало сообразны съ священными словами? Для чего всѣ сіи обряды? Не уже ли нужна вся эта пышность для прикрытія стель проспой потребности Природы? Не уже ли это требуетъ сна олшарей, какъ сдѣлано въ Пафосѣ? Между ими показывали мнѣ одинъ олшарь, на которой дождь никогда не падаетъ, и предлагали ожидать перваго дня дождливаго, чтобы видѣть это чудо. Но я лучше хотѣлъ вѣрить. „Въ торжественный день, сказалъ Первосвященникъ, на каждомъ олшарѣ, мушина и женщина, нагѣ подобно богинѣ изъ волнъ выходящей, сожигаютъ еиміамы въ то самое время; это древнее обыкновеніе.“

Пиоагоръ. Но гдѣжъ божество ваше? Я не вижу никакого кумира, ни мраморнаго, ни кошнянаго.

Первосвященникъ. Вотъ онъ.

Пифагоръ. Эта бѣлая пирамида? ...
этиотъ округленной камень предсавляетъ
Венеру?

Первосвященникъ. Это древнее
шайнствс.

Я не могъ знать больше; любезные
ученики! прочтемъ вмѣстѣ книгу сихъ
моленій.

ВОЗЗВАНІЯ КЪ ВЕНЕРѢ, по обычаю храма Пафосскаго.

О Венера! тебѣ пріятно, естли
взываютъ къ швоему шпрону симъ име-
немъ, прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ именъ
швоихъ; оно приличнѣе тебѣ всѣхъ дру-
гихъ. Не все ли отъ тебя происходитъ?
не все ли къ тебѣ стремится?

О Венера! Твое имя есть святѣйшее
имя въ языкѣ Дорійцевъ; оно означаетъ
существо самое прелестное, привлекатель-
нѣйшее въ мірѣ: юную дѣву.

О Венера Алигенская! мы зовемъ къ
тебѣ; дщерь волнъ морскихъ, богиня
рождающаяся отъ соли, сей первой причины
плодородія всѣхъ существъ. Ты еси соль
жизни; безъ тебя, безъ соли удоволь-
ствій, было ли бы что несноснѣе нашей
жизни?

О Венера Анадіоменская! Мудрецъ лю-
битъ взывать къ тебѣ симъ именемъ,
напоминающимъ начало земли, сдвигшейся
изъ моря. Венера, выжимающая пальца-
ми воду изъ длинныхъ своихъ локоновъ,
есть образъ земли, выдвигающейся толь-
по малу изъ волнъ, ее скрывавшихъ.

О Венера Идалійская! это имя тебѣ
пріятно; въ какой странѣ земной взы-
ваютъ къ тебѣ чаще и усерднѣе, какъ
не въ лѣсахъ Идалійскихъ? Есть ли хощя
одно древо въ сихъ рощахъ, подѣ копо-
рымъ бы не получила ты пламенныхъ
приношеній? —

О Венера Грегесская! тебѣ никто такъ
не поклоняется, какъ блаженные чада

Греціи. Греки одни воздвигли тебѣ олтарь больше, нежели всѣ языки земные. Имъ одолжена ты божествомъ своимъ, которое едва только почувствовали другіе народы.

О Венера плодотворная! о Венера всехраняющая! не ты ли первая вина всему? не ты ли сія непоспимая сила — душа вселенной, хранящаяся, живущая въ обновленіи существъ, одно изъ другаго рождающихся?

О Венера цѣломудренная! стыдливість заступила мѣсто невинности, когда исчезъ ея вѣкъ блаженной; стыдливость, которой сама ты, о Венера! не можешь иногда отвергнуть.

О Венера, богиня добрая! возможемъ ли забыть сіе въ воззваніяхъ къ тебѣ? Благость приписана изобрѣтательницѣ жалкихъ пишущихъ, а тебѣ, источнику чистыхъ удовольствій, благой Венерѣ, достойнѣе и правднѣе несравненно сіе имя.

О Венера золотая! ты между богами то, что зло между мешаллами; и время любви не естъ ли злой вѣкъ человеческой жизни?

О Венера совершенная! богиня всѣхъ совершенствъ! не ты ли божество всего прекраснѣйшаго и любезнѣйшаго въ мірѣ? Ты имѣешь высочайшую благость Юпитера, великія качества Юноны, неусыпность Паллады, мудрость Минервы, краснорѣчіе Меркурія, бодрость Марсову, силу Геркулесову, и, къ дополненію всеобщихъ совершенствъ своихъ, о Венера! Граціи вручаютъ тебѣ свой поясъ, съ которымъ не нужны были бы тебѣ всѣ прочія совершенства.

О Венера Панатотель! подъ симъ именемъ, неизвѣстнымъ въ народѣ, мы еще зовемъ къ тебѣ, какъ къ винѣ всѣхъ дѣйствій и всѣхъ существъ. О Венера! ты изъяла міръ изъ бездны хаоса, и ты не допускаешь ему опять превратиться въ ничтожество.

О Венера Арента! любовники, коихъ бракъ желанный отдаляюшъ, зовутъ къ тебѣ въ праведномъ неперпѣннѣи. Ты научаешь ихъ ушѣшать другъ друга въ скукѣ, не скупясь на невинныя ласки, за копорья Гименей не попребуешь отчета отъ Амура.

О Венера плодоносная! плоды земные суть также твое дѣйствіе: ибо ты оплодотворяешь землю, и располагаешь ее къ пріятію въ свое нѣдро и къ размноженію всѣхъ сѣмянъ прозябаемыхъ. Безъ нѣжной теплоты Венераиной не было бы жашвы.

О Венера мелиная, сладкая какъ медъ! есшьли бы мы знали что либо слаще, благоуханнѣе меда, мы бы съ нимъ принесли тебѣ свое воззваніе.

О Венера кропкая! ходатайца! не ты ли вселяешь миръ въ домахъ супруговъ? не ты ли божество всякаго согласія? — Не было бы войны между смерш-

ными, есшьлибъ пріяли законъ швой. Ты упишаешь кровожадное изступленіе Героя. Какъ скоро воззовушъ къ тебѣ — убійственнѣи мечъ изъ рукъ падаешь, и непріятели готовы вступитъ въ бой самой нѣжной, пріятнѣишій.

О Венера барбата! съ бородою: мы зовемъ къ тебѣ подъ симъ именемъ, означающимъ мушину; ибо ты еси божество обоого пола. Что былъ бы одинъ безъ другаго?

О Венера герная, лунощная! новобрачные приходяшъ къ олшарямъ швоимъ, и даюшъ кляшвы никогда не жертвовашъ на нихъ прежде мрака ночи. Тебѣ угодно, чтообы юные были спыдливы даже на лонѣ швоихъ удовольствій.

О Венера Эллимвѣя! въ Дельеахъ приходяшъ въ храмъ швой призывашъ шѣни усопшихъ: ибо разрушеніе сущесствъ необходимо для ихъ возобновленія. Есшьли смерть родилса отъ жизни, то и жизнь

родился отъ смерти: сіе сближеніе бышя съ ничтожествомъ напоминаетъ по крайней мѣрѣ смертнымъ, что злоупотребленіе одного ускоряетъ приходъ другаго.

О Венера Либитинія! возникающій Римъ почелъ за долгъ подражать Дельеамъ: онъ посвятилъ тебѣ жертвенникъ подъ именемъ верховнаго божества надъ погребеніемъ. Тамъ хранятся всѣ мрачныя одежды для пригробной церемоніи; и доходъ, отъ того получаемый, посвященъ для содержанія храма. О Венера! смерть, разрушеніе плашишь за издержки жизни.

О Венера нѣжно - страстная! ты открываешь глаза юныхъ дѣвицъ — улыбаешься, пріемля дань, отъ невѣсты оставленную на олтарь швоемъ, когда она дѣлается супругою.

О Венера, невѣста новобратная! если женщины должны призывать тебя во

всякое время своей жизни, по особенно въ сію торжественную минушу, когда онѣ переходящъ отъ дѣвства къ замужству.

О Венера общественная! ты первый союзъ, соединяющій людей въ обществѣхъ; отъ перваго брака родилось образованіе обществъ. Основатель града призываетъ тебя прежде всѣхъ другихъ божествъ.

О Венера общенародная! ты попускаешь нѣкопорыя слабости людямъ, и освящаешь нѣкопорыя распущства, дабы шѣмъ предупредишь злодѣянія.

О Венера Морфо! Лакедемонцы не подверглись швоему гнѣву, давъ положеніе кедровой швоей спашуѣ, сидящей женщины, съ покрышою главою и съ связанными ногами. Превосходной урокъ для женщинъ, — красота не избавляетъ ихъ отъ должностей домашнихъ, и не даетъ права скипаться по свѣшу, подобно Еленѣ. Супруга, вѣрная супругу и дому, своему никогда вообще не взываетъ къ тебѣ, о Ве-

нера Морфо! ты сохраняешь, ты умножаешь даръ ея нравишься, и она всегда прекрасна въ глазахъ вѣрнаго супруга.

О Венера сверхъестественная! градъ Мегарской и вся страна сія должна шебѣ воздвигнуть памятникъ. Ты отвратила людей отъ ужасной любви, прошивной Природѣ и омерзительной для чувства.

О Венера предвидящая! твоя мудрость не простирается на предусмотрѣніе утра, но она состоитъ въ хорошемъ употребленіи настоящаго дня. . . .

Я почелъ за долъ принести жертву божеству сему, прежде нежели оставилъ сія мѣста. Я не хотѣлъ явиться шѣмъ жертвенникамъ, гдѣ закаляютъ козловъ и барановъ; но приношеніе мое состояло въ благовонныхъ травахъ и цвѣтиахъ.

Не прилично было войти въ храмъ Венеры съ пустыми руками. Юная дѣвица приноситъ туда дѣтскія игрушки. Любовникъ — пламенникъ, приведшій его къ утѣхамъ въ объятія милой; придвор-

ные, другія мѣлкія вещи — символъ ихъ должности. Тамъ я видѣлъ женскія покрывала споль тонкія, какъ сѣти пауковы; зеркала, подборные волосы, богатые подвязки, способныя для удержанія сильнаго трепета груди нѣжной, и даже легкую прелестную обувь. Всѣ дары сіи имѣютъ побудительную причину, копорая не всегда бываетъ похвальна. Мнѣ понравился даръ чужестранки — небольшая Венерина спашуа изъ прекраснаго мрамора Паросскаго. На основаніи прочель я слѣдующую надпись: „Я прошу у богини сего храма одной только милоспи: жить всегда въ согласіи съ моимъ мужемъ.“ Другія набожныя лица оплачуются не богатствомъ, не рѣдкими приношеніями, но своимъ видомъ; они думаютъ, что ни что сполько не можетъ быть пріятно богинѣ размноженія, какъ беспыдные дары ихъ.

Я замѣнилъ обрядъ, вѣрно хранимый обожателями Венеры. Возложивъ даръ свой на ступеньки жертвенника, они

опходятъ на три шага назадъ въ скрытое мѣсто, и тамъ подносятъ правую руку къ губамъ, соединяющъ большой палецъ съ указательнымъ, и легонько прижимающъ ихъ къ полу-открытымъ устамъ своимъ; потомъ опнимающъ руку, простирая на воздухъ, какъ будто желая сказать богинѣ: „мы посвящаемъ тебѣ совершенно и душу свою и плѣо.“ Поцѣлуи любовниковъ, посылаемые другъ другу, очень подобны сему обряду, наблюдаемому при служеніи Венеры.

Въ Пафосѣ, въ ея храмѣ, содержатъ множество горлицъ чрезвычайно рѣдкихъ.

Сей городъ, столь славный, подверженъ частымъ землетрясеніямъ.

Земля на семъ островѣ раждаетъ смоквы, сладкой миндаль и плоды фиговые.

НВ. Объ этомъ упоминаютъ: Папини въ запискахъ; Марцел. въ замѣчаніяхъ о Венерѣ; Лаэрхъ, Сельденъ о богахъ; Апулей, Лукрецій и проч.

*Путешествіе въ Сидонъ. Московы
атомы.*

Арадосскій кормчій опять доставилъ меня на свой островъ, и желалъ бытъ проводникомъ моимъ въ Сидонъ. Я принялъ на себя долгъ посланника бытъ изъяснителемъ чувствованій Арадосцевъ къ Правительству главнаго ихъ града; кормчій мой далъ благопріятный отвѣтъ.

Никогда не могъ я уговорить его принять награду. Онъ оставилъ меня на берегахъ Сидонскихъ въ 500 шагахъ отъ Змѣиного источника.

Тутъ я сдѣлалъ любопытное замѣчаніе въ путешественномъ свиткѣ своемъ: морская вода, опѣняющая берегъ Арадосскій, имѣетъ сладкой вкусъ.

Я вовсе не зналъ того города, въ которомъ родился. Сидонъ оспариваетъ право древности у Тира; каждой изъ

нихъ называетъ себя опцемъ другаго города, и опдалаетъ происхождение свое за времена осады Трои. Сидонъ имѣетъ одно преимущество: Гомеръ говоритъ объ немъ только одномъ, и нигдѣ не упоминаетъ о Тирѣ.

Чтобы рѣшить споръ сей, должно рассмотретьъ ихъ происхождение. Сначала и топъ и другой городъ были не чпо иное, какъ только рядъ рыбачьихъ хижинъ, и происхождение Сидона въ этомъ случаѣ подобно всѣмъ городамъ приморскимъ. На нѣсколько сажень опъ берега разспиляется гуспозеленая равнина, и въ концѣ ея возвышается гора, покрытая песпрями, разнообразными спадями. Долго не было населено это прекрасное приморское мѣсто. Немногіе жипели раздѣлились на два класса, весьма различные: одни, живущіе внизу, промышляли рыбою, и слѣдовали совершенно другимъ обычаямъ, нежели нагорные ихъ сосѣди, которыхъ пищу составляли яч-

мень и пшеница, а пипіе только опъ спадѣ ихъ.

Съ сего времени нагорные жипели примѣшили червя (шелковаго), дающаго нити превосходнѣйшія льняныхъ. Многіе изъ нихъ, для препровожденія времени, дѣлали сплешенія изъ вѣшвей, чпобъ привлечь это насѣкомое, которое, кажется, любитъ зеленую чашу. Оно тамъ поселилось, и размножило преселеніе душъ. Удивительно, чпо до сихъ поръ еще не сдѣлали никакого употребленія изъ нипей, которыми обвивается это насѣкомое. Изъ нихъ можнобы сдѣлать шкань, совершенно опличную опъ паушины, съ копорою несправедливо ее сравниваютъ. На островѣ Косѣ недавно сдѣлали опытъ надъ шканью сего червя, копорая вездѣ въ другихъ мѣстахъ служипъ только забавою для малолѣпныхъ дѣвушекъ. Вершина Сидонская осѣнена шелковичными древами.

Тщешно Природа блистала тамъ прекраснѣйшими дарами: бездѣйствительные жили хощали бытъ только паспухами, или занимашься рыбною ловлею. Чужеземцы должны были показатъ имъ выгоды ихъ мѣспоположенія. Скоро сдѣлана была приспань, кровли выгоднѣйшя и надежнѣйшя заступили мѣсто черныхъ хижинъ. Наши Сирійцы, бывше до тѣхъ поръ въ разныхъ мѣстахъ, соединились, и увидѣли гораздо больше выгодъ, нежели думали. Наконецъ малой купеческой городъ привлекъ множество кораблей со всѣхъ странъ, и Сидонъ принималъ нѣкоторое мѣсто между всѣми народами. Мореплаваніе дѣлаешъ людей неусыпнѣ всякой другой промышленности; но шупъ нужны парусы, нужны канаты. Горные жители оспавляютъ шрудолюбивыхъ насѣкомыхъ, чшобы самимъ сдѣлатьшя шакими. Упошребленіе льна было извѣшно: грубые канаты заступили мѣсто тонкой шкани. — Отшкрылись заводы, — дубы, исторженныя изъ вѣдръ земли,

обдѣлываемы были искусно; съ каждыиъ годомъ новой сей городъ распространялся, украшадься, и шеперь имѣешъ въ длину около 5000 шаговъ. Сидонъ выстроешъ на тихомъ покапѣ горы, склоняющешся къ сѣверу до самаго моря; къ востоку и югу онъ граничитъ съ длиною цѣпью горъ. Жители начали думать о правленіи, и рѣшились на Монархическое, умѣряемое *посредствующими властями*. Эта мысль почти общая всѣмъ народамъ, начинающимъ образовашься.

Ни что сполько не сближаетъ людей, какъ шорговля; и ни что такъ скоро ихъ не поршитъ. Съ предметами, нужными для жизни, скоро сей новой и уже богатой городъ пріобрѣлъ множество шакихъ вещей, безъ кошорыхъ могъ бы онъ обойтись; и между прочимъ принялъ различныя богочипанія. Сидонъ, способный ко всѣмъ суевѣрїямъ, принималъ все за истину и ввелъ многіе шакіе обряды, кошорымъ совсѣмъ бы не долженъ былъ слѣдовашь.

Въ немъ есть Оракуль, четыре храма, и приличное къ тому число жрецовъ.

Всякой домъ имѣетъ садъ свой внѣ стѣнъ сего города, въ долину, проспиряющуюся на 30 стадій. Тамъ находяшся всякіе плоды: персики, абрикосы, финики, сливы и шелковицы. Смоквенныхъ деревьевъ очень много. Кедръ вездѣ растетъ въ полѣ, и вопшъ главнѣйшее богатство земли сей. Изъ всѣхъ рѣкъ, приносящихъ дань Сидону, доспойна примѣчанія одна, называющаяся именемъ сего города. Не одни колодцы напаяютъ жителей Сидонскихъ; есть отдаленные источники, которые, помощію водопоковъ, орошаютъ струями нѣкоторыя увеселительныя дома; тамъ образуютъ они водопады, и фонтаны, поднимающіеся довольно высоко.

Мнѣ оставалось еще видѣть и узнать два предмета: Дворъ Царя Сидонскаго и пещеру. Герофантову. Я пошелъ уже явиться ко Двору, но вдругъ остановил-

ся и сказалъ себѣ: „жизнь крапка, а мнѣ еще такъ много должно учиться! Ежели истина кроется гдѣ-нибудь, то скорѣе можно найти ее въ пещерѣ исполковашеля Природы, нежели при Дворѣ Царскомъ.“ И такъ я вышелъ изъ города и прямо пошелъ къ пещерѣ *Миеры*, — такъ называлась она по имени первосвященника, кошорой нѣкогда жилъ въ ней... Входъ ея обращенъ былъ къ первымъ лучамъ восходящаго солнца; два дерева, душистой миртѣ и лавръ зеленой образовали входъ, соплешшись гибкими вѣтвями; нѣсколько сажень дальше, извивался быстрой источникъ. Я сдѣлалъ шагъ, другой, и на третьемъ встрѣчаешъ меня спарикъ въ бѣло-льняной одеждѣ, коего чело изглажено было временемъ, и говоритъ: „что тебѣ угодно? „

Пифагоръ. Войти въ священныя таинства.

Герофантъ. Въ таинства Аспартеи? Сломи вѣтвь съ сего мирта и держи ее въ рукахъ своихъ.

Пифагоръ. Нѣтъ.

Гіерофантъ. Въ таинства Миеры? Сорви листокъ съ этого лавра, и положи его въ уста свои.

Пифагоръ. Нѣтъ; я хочу знать таинства Истины.

Гіерофантъ. Пойди, и умой лице и руки въ этомъ источникѣ.

Гіерофантъ повелъ меня въ очень темное мѣсто, и остановя, еще сказалъ: „ты желаешь знать всю истину?“

Пифагоръ. Всю совершенно.

Гіерофантъ. И такъ спускай дальше.

Мы прошли шагавъ со сто, и наконецъ вышли на долину, гдѣ видна была свѣжая зелень и чистое небо. Гіерофантъ, устремивъ на меня взоръ внимательный, спросилъ: „гдѣ ты родился?“

Пифагоръ. Въ Сидонѣ.

Гіерофантъ. Гдѣ былъ воспитанъ?

Пифагоръ. Въ Самосѣ.

Гіерофантъ. Откуда пришелъ ты?

Пифагоръ. Изъ Кипра.

Гіерофантъ. Гдѣ былъ прежде?

Пифагоръ. Въ Милетѣ.

Гіерофантъ. А еще прежде?

Пифагоръ. Въ Пріэннѣ.

Гіерофантъ. Что ты видѣлъ въ сихъ двухъ городахъ?

Пифагоръ. Фалеса и Біаса.

Гіерофантъ. Молодой человекъ! я скажу тебѣ не всю истину, но столько, сколько мнѣ извѣстно.

Тутъ и я спросилъ его: не ужели ты Гіерофантъ, помощекъ великаго Мосха копорой жилъ прежде войны Троянской и происходитъ отъ величайшаго человекъ,

родившійся въ Египтѣ, и найденный въ пророчицовой колыбели, носившейся по водамъ Нила?

Гіерофантъ. По крайней мѣрѣ такъ извѣстно по преданію. Но прежде нежели открою тебѣ ученіе Мосха, исполковавша Природы, узнай, кто былъ сей великій человекъ, о которомъ тебѣ уже говорили. Я думаю, что ты еще не все объ немъ знаешь.

Сей знаменитый мужъ, спасенный при рожденіи отъ волнъ Нила, былъ родомъ изъ страны близь - лежащей къ Сидону и населяемой небольшимъ народомъ, поработаннымъ игу при всей гордости своей и любви къ свободѣ. Онъ, избавивши его отъ рабства Египтянъ, ввелъ истинное богопочитаніе и законы.

Сей великій смертный открылъ высочайшую истину и обратилъ людей на путь правды. Онъ первой въцалъ къ на-

роду: „Смертные! узнайте волю Всемогущаго! вы первенцы чадъ Его и народъ избранный и любимѣйшій; да не будетъ у васъ другаго Царя, кромѣ вашего Бога, ни другихъ правительствъ, кромѣ Его законовъ. Вотъ таблицы, на которыхъ Всемогущій начерталъ Свою волю. Исполняйте ее, или спрашитесь небеснаго гнѣва!“

Такой законодатель знаетъ сердце своего народа. Какое-то обѣщаніе таинственное, заключающееся въ предсказаніи, придаетъ важности словамъ его, и сіе предсказаніе подтверждается чудесами.

Вдохновенныя слова его были приняты и уважены. Онъ первый открылъ смертнымъ Высочайшее Существо, всемогущее, всеблагое, наполняющее собою всю Природу, — которое сотворило день и солнце, ночь и звѣзды, землю и воды, животныхъ и человека, — которое чрезъ

нѣсколько вѣковъ испребило все попомомъ всеобщимъ. И вселенная въ другой разъ носилась по волнамъ бурнымъ, — но едва ли попомство будетъ добродѣшельнѣе, или щасливѣе; ибо сей народъ, долженствовавшій быть примѣромъ для другихъ народовъ, не сообразуясь съ предназначеннымъ, величайшимъ обѣщаніемъ, всегда велъ войну какъ съ сосѣдями, такъ и между собою; никогда не имѣлъ храбрости, никогда не имѣлъ добродѣтели, и скоро, можетъ быть, разсѣется по лицу земли, рассыплется между всѣми народами, у которыхъ будетъ въ презрѣніи и рабствѣ.

Мосхъ, вступя въ достоинство Герофанна, чувствовалъ въ душѣ своей всю важность своего назначенія, и охотно подвергался всему для обращенія людей къ добродѣтели, къ истинѣ. На сей конецъ онъ удалился въ сію пещеру *Миоры*, принималъ и слушалъ всѣхъ людей. Безъ сомнѣнія онъ зналъ сердца

и умы человѣческіе, и не рѣдко говорилъ объ искушеніяхъ, о тайнствахъ шѣмъ; въ которыхъ нужно было вселить благоговѣніе и страхъ къ священной истинѣ: „Покланяйтесь Божеству, говорилъ онъ смертнымъ, и любите человѣковъ! *Миора* все зрѣтъ въ душахъ вашихъ. Не обманывайте другихъ, вѣщаль онъ; ибо вы можете обмануть человѣковъ, но не Бога, который все видитъ, все знаетъ. Правосудіе наказываетъ открывшіяся злодѣянія, но *Миора* казнитъ тайныя, неизвѣстныя. И если кто скроется отъ меча законовъ человѣческихъ, тогда не избѣжитъ отъ пламеннаго, вездѣ разящаго меча Всемогущаго. Любите человѣковъ, и препещите предъ Богомъ правосуднымъ!“

Мосхъ, котораго ученіе пролило новый свѣтъ въ умы, омраченные невѣжествомъ, не рѣдко говорилъ избраннѣйшимъ и приверженнымъ своимъ: „Такъ! я чувствую въ себѣ что-то вдохновен-

ное, какое-то предназначение для блага будущих народов. Вы видите во мнѣ Гіерофанпа *Миоры* — исполковашеля, или наблюдашеля его законовъ: постараемся сохранить ихъ такъ, какъ должно. Бышье челоуѣка не кончипся смертію, ошдѣляющею только плѣнную часть отъ него; есть новый міръ, новая жизнь и вѣчностъ . . . есть награда добродѣтели и ужасная казнь злодѣйству.“

Такъ гремѣла истина въ устахъ великаго Мосха. . . . Юный соопчичъ мой! далеко отечество наше уклонилось отъ сихъ правилъ. Сидонъ, городъ приморскій, подверженный всѣмъ предрасудкамъ другихъ народовъ, входящихъ въ нашу пристань, свободно предается прелестямъ пороковъ во всемъ блескѣ ихъ и пышности. Учение Мосха почитается въ немъ превосходнѣйшимъ, такъ какъ и его открытіе о твореніи міра. Но великій мужъ сей подобенъ лучу *Миоры*, которой проходишь въ темное святилище

храма. Никто не приближается къ нему, и онъ никого не освѣщаетъ. . . . Съ горестію въ душѣ, я оставилъ Гіерофанпа, и, возвращаясь въ печальной задумчивости, старался всю ночь распорядишь въ памяти своей мнѣнія Мосховы, и соединишь ихъ съ нравоученіемъ Фересиды, Фалеса, Анаксимандра и другихъ великихъ мужей. Въ нихъ заключалось все мое сокровище, которое повсюду собиралъ я съ великою жадностію, дабы въ случаѣ нужды было къ чему прибѣгнушь.

XXXI.

Происхождение Финикійцевъ.

На другой день, едва лишь показалось солнце, я опять пошелъ къ пещерѣ *Миоры*. За нѣсколько шаговъ отъ входа, я увидѣлъ Гіерофанпа, сидящаго подлѣ источника на мшистомъ камнѣ, и вперившаго все вниманіе свое въ большой свитокъ папировыхъ листьевъ.

Пиоа'горъ. Здравіе мудрому великому Гіерофанту !

Юной другъ истины ! опвѣсповалъ старецъ улыбаясь : я подобенъ нѣскольکو Сивилламъ , держа въ рукахъ своихъ сіи листья ; но не безпокойся , — на сихъ легкихъ листьяхъ содержатся не лживыя предсказанія , но истинныя произшеспвія ; прочтемъ :

„Финикіане , мои соотечеспвенники , говорятъ , что основатель нашъ былъ чело-вѣкъ съ недоспапками , можетъ быть съ худыми правами , но это едва - едва извѣсно. Къ шаспію повѣспвуютъ , что онъ былъ въ 25 фушовъ вышиною , и это доказано его могилой , копорую можно видѣть въ пещерѣ горы *Леолардовъ*. Нѣкоторые ушверждаютъ еще , что область наша скоро образовала семь малыхъ народовъ , копорые всѣ были жестокими звѣроловцами и не имѣли мира между собою.

Но мы лучше повѣримъ пому , что больше подобно истинѣ : предки наши были мирными паспухами , сполько же невинными , какъ ихъ агнцы ; — земля ихъ была прекрасна и плодоносна ; она и шеперь ни мало не перемѣнилась , когда жипели ея перемѣнили свои нравы. Природа всегда одинакова. Вотъ урокъ для насъ , копорымъ больше мы должны пользоваться.

Съ шѣхъ временъ говорятъ о городахъ ; но это ложно. Земля не такъ скоро обременяется сими пагубными массами , еспли сполько не называють симъ именемъ соединенія многихъ шалашей въ одно мѣсто.

Несправедливо также думають , будто предки наши были купцами. Они , по правамъ сосѣдспва , вымѣнивали нужныя вещи , но никогда не искали прибышка : ибо имъ не извѣсна была наука обогащаться на счетъ своихъ брательевъ.

Нѣкто, сосѣдственный Государь, видя ихъ размноженіе, обезпокоился и запретилъ имъ садить растенія и сѣять. Сей деспотизмъ, сопровождаемый угрозами, раздѣлилъ селенія мирныхъ предковъ нашихъ. Они вмѣсто того, чшобы соединить силы свои противъ общаго непріятеля, раздѣлились — и одни покорились ему, а другіе искали убѣжища въ отдаленныхъ горахъ; первые стали рабами, солдатами, а послѣдніе сохранили свою вольность, и были паспухами. Первые скоро обогатились, а послѣдніе были щасливы; изъ нихъ особенно отличались *Перидзѣнцы*. Съ сей поры весь берегъ морской и вся эта долина покрылись надежными жилищами; художества и торговля, конторы всегда подають другъ другу руки, привлекли множество чужеземцевъ. Скоро области смѣшались, — жили ихъ путешествовали изъ одной страны въ другую и мѣнялись пороками; ибо не было уже между ними добродѣтели. Они, вѣрно

слѣдуя предписаніямъ коммерческимъ, не заботились слишкомъ о прочихъ должностяхъ, и позволяли себѣ нѣкоторыя ужасныя поступки. Но нагорные предки наши не подверглись сей участи: Богопочитаніе ихъ было столь чисто, непорочно, какъ ихъ души. Рожи были ихъ храмомъ, а дѣшны жертвоприношеніемъ. Многократно злодѣи покушались рушить священный обрядъ ихъ; часно случалось, что дерновыя жертвенники ихъ испровержены были дерзкою рукою. Невинные сосѣди чужды были всякихъ злодѣяній; они тотчасъ возстановляли священныя зданія, или восходили еще выше, мечтая въ бездѣнной прокуотѣ своей, что они приближались къ солнцу, и что сіе свѣтило — покровитель удобнѣе защититъ ихъ во время нападѣній.

Долго царствовало между сими народами правленіе Спарѣйшинъ въ семействѣ, наконецъ Монархія заступила его мѣсто: отпадимъ справедливостъ пред-

камъ нашимъ: они долго береглись десятизма; и хопя признали Царей, но Цари ихъ ничего не могли сдѣлать безъ согласія всего народа. Тогда еще не повергались къ стопамъ ихъ, и колѣни не обнимали; тогда еще никому не отдавали почести, кромѣ общества гражданъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ люди соединились въ общество, война возгорѣлась; однакожъ это не первое гражданское постановление. Финикіяне, занимавшіе нижнія мѣста, по слѣдствію пагубныхъ мятежей, обыкновенно превосходящихъ жителей приморскихъ, поощряли къ войнѣ нагорныхъ родственниковъ, которыхъ сначала они презирали, какъ грубыхъ и непросвѣщенныхъ, а наконецъ заставили ихъ плашью дань: — несчастные на все согласились, для мира. Труды земледѣльца тѣмъ были остановлены, и произведенія земли, не столь плодотворной, недоспапочны уже были для размножившагося народа; слѣдовало имъ раз-

сѣяться; ибо земля почти совершенно истощилась. Многочисленные и сильные толпы Финикіяне пробрались даже до Египта и произвели множество кровавыхъ сраженій. Но, между тѣмъ, какъ Финикіяне воевали противъ соседей, страхъ и ужасъ нанесенъ былъ имъ отъ другихъ народовъ; убійства, опустошенія обезобразили всю эту прекрасную область, которую Природа сотворила для блага живущихъ. Даже Природа, оскорбляясь сими злодѣйствами, сама, кажешся, хопѣла опмстить имъ. Ужасное землетрясеніе, на мѣсто прелестной долины *Сиддиль*, поставило илистое, гнилое озеро. Бѣдствіе жесточайшее огня и пруса земли постигло пастуховъ нашихъ низменныхъ и нагорныхъ: досталась имъ земля неблагоприятная, которая чупь могла пипать малую усадьбу, тамъ поселившуюся; эти разбойники, прошедши по долинѣ шпѣоновъ (такъ называютъ они путь свой), ударили съ пылу на несчастныхъ предковъ нашихъ и грозили

имъ рабствомъ, есѣли не примутъ ихъ въры. Они еще должны были уступить сей новой бурѣ, и скоро повинились; — не успѣли бытъ побѣжденными симъ спраннымъ и опаснымъ образомъ, какъ увидѣли измѣну, и почти всѣ кончили жизнь подѣ острѣемъ меча, въ глазахъ женъ, дѣтей и спадъ ихъ. Разбойники — побѣдители влекли съ собою эту добычу, прославляя въ гимнахъ божество брани. Часто случались сіи ужасные набѣги. Жители нагорные и приморскіе поставили преграду сему опустошительному пошоку. Сидонцы больше другихъ отличились во время сей войны. И теперь еще говорятъ о колесницахъ и какомъ-то орудіи, изобрѣтенномъ ими для очищенія рядовъ въ непріятельскомъ станѣ.

Наконецъ опечесство наше утвердилось; мы сами начинали повелѣвать собою, а прочія области навывали произносить имя Финикіянъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ. О величественный Сидонъ!

ты первый изъ градовъ нашихъ сдѣлался извѣстнымъ и привлекъ чужеземцевъ! Слава твоя процвѣла по мѣстоположенію твоему и двумъ приспанямъ — лѣтней и зимней. И ты, первородной сынъ его, гордой, блистательной Тиръ, возлегшій за двѣсти спадій отъ отца своего на скалѣ незыблемой, среди волнъ, омывающихъ крѣпкія стѣны твои пѣной! гордися, но не будь неблагодаренъ — гордися двумя прекрасными приспаньями, обширностью твоею, занимающею больше двадцати двухъ спадій, и высокими зданіями, — какъ будто ты желаешь посмѣяться землетрясенію!

И ты, *Арадусъ*, узнавшій способъ доставлять себѣ чистую воду среди волнъ морскихъ; богатые жители твои оскорбились бы, есѣли бы кто почелъ тебя за *Арадосъ*, коего жители бѣдны, но добродѣтельны.

Беритъ и *Библусъ*! васъ различать не должно, ибо вы оба имѣете одинакія

пробованія — оба спѣшите извѣстить пристающія суда, что нѣтъ васъ древнѣе на всемъ берегу Финикійскомъ.

А ты, сестра Финикіи прибрежной, Эспрана средиземная! ты проливополагаешь симъ градамъ Палебиблусъ, Габолу и многіе другіе, принадлежащіе Сиріи! Не уже ли та земля не довольно обширна, гдѣ двѣтупшъ красоты Природы, которая споль плодородна, какъ швоя, и когда въ ней заключается гора Ливанъ и рѣка Адонисъ?

О грады, можетъ быть слишкомъ славные! въ каждомъ изъ васъ есть особой Царь, особые боги. Здѣсь поклоняются Миеръ, шамъ лунъ, а еще дальше, Теркулесу. Скажите мнѣ, въ копоромъ изъ васъ приносятъ куренія разуму? Васъ бы можно было оправдать, естлибъ всѣ ботопочипанія ваши были споль же еспественны, какъ посвященное Солнцу. По крайней мѣрѣ сіе божество въ глазахъ вашихъ, и вы благоразумно подтвердили,

что оно не имѣетъ нужды въ кумирахъ. Какое изображеніе солнца могло бы спонить самого солнца? вы даже не воздвигли ему и храма; только въ жершвенникъ ему посвящили высочайшую изъ горъ вашихъ, и своды самого неба служатъ сводами его храма; вы шакже хорошо сдѣлали, не назначивъ дней для прославленія его празднествъ: они тогда бывающъ, когда сіе божество покажется; а солнце каждый день удоспоиваетъ васъ своимъ присутствіемъ.

Священныя почести, воздаваемыя вами богинѣ Аспаршей — есть ничто иное, какъ изліяніе благодарности, естли подъ симъ именемъ вы поклоняешесь Природѣ, умножающей спада ваши; ибо всякое изъявленіе благодарности есть нѣчто священное.

Вамъ должно было не воздвигнуть храмъ, можетъ быть, но по крайней мѣрѣ увѣнчать лавромъ, или почтнить безсмертнымъ воспоминаніемъ великаго му-

жа, извѣснаго подѣ именемъ Геркулеса, кпо разпространилъ мореплаваніе и торговлю; кпо первый присталъ къ островамъ Кассиперидскимъ, и кпо научилъ васъ употреблять въ пищу ту рыбу, изъ которой текла кровь ошъ зубовъ собаки! . . .

Финикіяне, мои соотчичи! исторія вашихъ служеній не самая лучшая часть лѣтописей вашихъ. Къ чему въ одномъ городѣ около 500 жрецовъ для служенія одному божеству? что значатъ простертыя руки ихъ, когда они призываютъ Солнце? къ чему эти страшныя тѣлодвиженія, эша пляска вокругъ его, жертвенника? Вы отвѣщаете: чтобы показать симъ, какъ солнце приводитъ все въ движеніе. Да и какая нужда копировать такъ худо, такъ низко то, что мы видимъ ежедневно и каждой день удивляемся?

Народы! вы, кои заступите наше мѣсто на землѣ! не обвиняйте Финикіянъ

за ложь Поэтовъ и за подлость жрецовъ ихъ.

Адонисъ былъ вовсе не звѣроловецъ юной и прекрасной; кпорой, какъ говорятъ, былъ любовникомъ Венеры, а потомъ Прозерпины, когда вепрь растерзалъ его. Сіе приключеніе, столь соблазнительное для любовниковъ, есть грубое изображеніе годоваго движенія планеты. Когда солнце проходитъ нижніе знаки Зодіака, тогда Адонисъ живетъ съ Прозерпиною; но когда солнце освѣщаетъ вышшія, тогда онъ бываетъ съ Венерою. Для соединенія исторіи произведеній земныхъ съ наблюденіями тѣлъ небесныхъ, мы означаемъ зиму вепремъ, а Адонисъ показываетъ время цвѣтовъ и плодовъ. Когда сѣмена ввѣряемы бываютъ нѣдрамъ земли при наступленіи мрачныхъ и шуманныхъ мѣсяцовъ, то это называютъ: *Адонисъ въ объятіяхъ Прозерпины*. Во время прозябенія, Адонисъ *возвращается въ объятія Венеры*; и для сего-

по женщины; прославившія поску Венеры во время опсущствія любовника ея, сѣяли рожь и садили деревья для поржества его прихода.

Всѣ сіи аллегоріи, больше оспроумныя, нежели истинныя, и впрочемъ мало приличныя нашему климату, во все не спюютъ невинной простоты предковъ нашихъ, и влекутъ за собою горестныя слѣдствія; — сего и ожидашь должно было. Никогда не должно удаляшь ся отъ истины, или украшать ее.

Сіи пустые обряды не рѣдко опвлекаютъ отъ полезнѣйшихъ предметовъ. Сколько времени опнимаютъ они для усовершенствованія опкрышій, дѣлающихъ честь Финикіянамъ! Спрогое потомство! прости слабостямъ нашимъ за наши изобрѣшенія! ты намъ одолжено стекломъ Сидонскимъ, пурпуромъ Тирскимъ, Ариеметикою, Астрономіею, сѣченіемъ камней и искусствомъ шянушь

металлы, наукою спроенія и наукою земледѣлія! Селенія наши разпространяются и умножаются шамъ, гдѣ никакой народъ не смѣлъ еще показаться. Смѣлая предпріимчивость наша подобна неусыпнымъ прудамъ. Мы были пишашелями и наставниками полу-дикой Греціи. Одинъ Египетъ идетъ съ нами равнымъ шагомъ въ искусстввахъ, но и онъ успушаетъ намъ въ выгодахъ торговли. Сполбы Геркулесовы предспавяшь права наши на благодарность потомства.

Финикіяне, мои соопчичи! не уже ли мнѣ должно внести въ ваши лѣтописи, что вы присвояете себѣ верховную власнь надъ моремъ, и что, для поддержанія сего тиранскаго преимущества, вы употребляете средства, противныя законамъ торговли? вы завидуете успѣхамъ другихъ, и часто случается, что сами умножаете толпу морскихъ разбойниковъ; къ горести моей я уже слышалъ, какъ васъ называли: *волками кулегества.*

Тиріяне! меньше полагайшесь сами на себя: гордясь сею чудесною рыбою, дающею пурпуръ, которая находится въ волнахъ, опѣняющихъ стѣны ваши, смотрите, чшобы не усилились ваши красильщики, коихъ число и богатства ежедневно умножаются, и не захотѣли бы господствовать надъ прочими гражданами! . . .

Финикіяне, мои соопчичи! конечно вы одинъ изъ древнихъ народовъ, извѣстныхъ въ подлунной. Вы считаете себѣ нѣсколько тысячъ лѣтъ: я въ этомъ не спорю; но скажите мнѣ, что вы дѣлали во все это продолженіе вѣковъ; доспавыте мнѣ случай говорить о васъ больше попомству, ибо повѣсть о правленіи Агенора, Царя Египетскаго, котораго считаютъ основателемъ вашего царства, не слишкомъ занимательна. Если вы первѣйшіе изъ народовъ, то вы должны быть самые умные, должны подавать превосходные примѣры Грекамъ,

которые уже приняли буквы языка Финикійскаго.

XXXII.

Подробное описаніе Сидона — Беритъ — Библосъ — Празднество Адониса.

Прочитавъ наскоро сей исторической опрывокъ, писанный Мосхомъ, я сказалъ Гіерофанту: „Съ сей минушы Сидонъ сдѣлался моимъ опечеснвомъ; но сколько объясненій мнѣ должно у тебя пребывать! въ мои лѣта человекъ любопытенъ.“

Гіерофантъ. А въ мои хочется показать опытность. Говори смѣло, юной и любезной мой соопечеснвенникъ!

Пивагоръ. Скажи мнѣ хопя нѣсколько словъ о богахъ, покровителяхъ страны сей?

Гіерофантъ. Древнѣйшее божество, покровительствующее странѣ сей, есть

Хризоръ, или богъ-художникъ. Это былъ великій смертный, копорый обратилъ мешаллы въ орудія земледѣльцовъ.

Помомъ они посвящены были для однихъ пустыхъ обрядовъ. Наши масте-ра золотыхъ дѣлъ очень извѣсны; и нѣжная работа, вышедшая изъ рукъ ихъ, считается дивомъ.

Пивагоръ. Какое же у васъ правленіе?

Гіерофантъ. Увы! со временъ Кировыхъ Сидонъ поперялъ свою *автономію* (право слѣдовать собственнымъ законамъ), и теперь онъ долженъ просить позволенія у Персовъ для выбора Государя.

Мнѣ нужно было еще нѣсколько предложить другихъ вопросовъ Гіерофанту, но толпа Сидонянъ обоого пола пришли просить его совѣтовъ. Я разстался съ нимъ, пожавъ его руку. Вотъ все, что могли мы сказать другъ другу въ присутствіи сихъ непросвѣщенныхъ.

Я посѣщалъ нѣкопорыхъ Арписповъ, извѣстныхъ опцу моему, и всѣ они приняли меня съ угощеніемъ. Эти семейственныя пиршества въ Финикіи обыкновенно кончались гимномъ, копорой пѣлъ *Линусъ*: такъ назывался у Финикіянъ Поэтъ, воспѣвавшій гимны.

Хлѣбъ, копорой мнѣ предлагали, достоинъ всякой славы: ибо онъ пишателенъ и не обременяетъ желудка.

Я сдѣлалъ еще довольно важное замѣчаніе: въ Сидонѣ дѣпи одолжены здоровьемъ своимъ часнымъ купаньямъ въ соленой водѣ, что тамъ въ обыкновеніи.

Прежде нежели оставилъ опеческую землю, мнѣ хотѣлось еще видѣть опмѣль: это морское укрѣпленіе, безъ котораго не можешь обойтись Сидонская приспань, чтобы суда, къ ней приходящія, были безопасны. Соопчичи мои разбѣзжали по морямъ гораздо прежде Аргонавтовъ. —

Сидонцы уже опправились - было къ осадѣ Трои; но на пуши Фала, одинъ изъ нихъ, представивъ соратникамъ своимъ, какова должна быть слава въ потомствѣ о сей войнѣ, легко убѣдилъ ихъ перемѣнить парусы и возвратиться; принявъ сторону похитителя недостойно такого народа, копорой себя уважаетъ.

Тамъ я увидѣлъ празднаго гражданина, копорой, не ожидая вопросовъ моихъ, и считая меня чужеземцемъ, жаднымъ ко всемъ слухамъ, носящимся о произхожденіи великихъ градовъ, очень охотно увѣдомилъ меня, что сей городъ одолженъ именемъ и произхожденіемъ своимъ Сидѣ, дщери Белюса. Онъ мнѣ сказалъ еще, слѣдуя доброму Гомеру, что Александръ Парисъ вышупилъ на берегъ въ Сидонъ съ прекрасною Еленою; что это сладоспращной Царицѣ пріятно было видѣть, какъ Сидонскія дѣвицы опдѣлываютъ бѣлыми руками блистательныя матеріи, и что, для снисканія благо-

склонности отъ новой любовницы, прекрасной Парисъ предложилъ искуснымъ златошвеямъ Сидонскимъ опправиться съ нимъ на корабляхъ въ Трою. Онъ все отказался, предпочипая опечество свое соблазнительнымъ Дворамъ Царскимъ.

Попомъ продолжалъ: Берипъ, копорой должно тебѣ видѣть, попому что ны теперь уже на семъ прекрасномъ берегу — еще древнѣе Сидона; онъ почитаетъ основателемъ своимъ Хрона, или Сашурна, копорой, для опвращенія ужаснѣйшей войны, принесъ въ жертву собственнаго сына, единственнаго наследника Трона.

Я оставилъ словоохотнаго Сидонца, и, ничего ему не отвѣчая, пошелъ въ Берипъ по берегу морскому. Этомъ путь усѣянъ гробницами Финикіянъ, высѣченными въ кремнистой скалѣ наподобіе покойниковъ и съ надписью.

Я видѣлъ на сей землѣ прекрасныя виноградныя ягоды; жишели умѣютъ

хранишь изюмъ и перевозить его. Вакхъ въ сей землѣ слишкомъ спрашенъ къ Нимфамъ испочниковъ.

Тутъ я уснулъ нѣсколько часовъ въ роцѣ, посвященной Эскулапу.

Беритъ, Финикійскій городъ двенадцатаго класса, занимаетъ превосходнѣйшее мѣсто въ сей странѣ, и служитъ столицею для Монарха. Первой предметъ, представившійся глазамъ моимъ, былъ жертвенникъ, посвященный богу Хрону. Всѣ основатели градовъ имѣють памятники по смерти, но законодатели не всѣ были столько щастливы. Спарта воздвигла храмъ Ликургу, но Римъ еще и не думалъ о памятникѣ Нумы, и я думаю, что Солонъ не будетъ имѣть даже и преножника. Четыре города Греческіе присвоивають себѣ честь, что они произвели на свѣтъ Гомера. Два селенія Финикійскія воздають ту же почесть памяти Санхоніатона; Беритъ оспариваетъ се преимущество у Тира. Сей Писатель

посвятилъ исторію свою двумъ Царямъ вмѣстѣ. Непріятно мнѣ, что такъ усиленно стараются препоручить сочиненіе свое покровительству Великихъ. Не уже ли думаютъ чрезъ это обмануть потомство? Когда оно будетъ судить книгу, то Государь, коего именемъ она украшена, будетъ въ царствѣ мертвыхъ, и никакая посторонняя причина не будетъ имѣть вліянія на истинный судъ объ ней.

Мѣстоположеніе Берита прелестно: онъ, находясь на берегу морскомъ, среди цвѣтущихъ полей и земли плодотворной, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ волнъ морскихъ, имѣетъ въ окружности многія горы, доставляющія свѣжую воду, которая пріятна и здорова.

Я остановился только на малое время, желая видѣть празднество Адониса, которое должно совершаться въ Библосѣ.

Продолжая путь свой по большой дорогѣ, я наклонился, желая поднять какую-то вещь, которую обронилъ путешественникъ. Что ты дѣлаешь? закричали мнѣ; благодари, что предохранили тебя отъ воровства въ глазахъ правосудія и что ты чужеземецъ.

Хронъ былъ также основателемъ Библоса на возвышенномъ мѣстѣ. Онъ жилъ въ чертогѣ, окруженномъ стѣною изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ. Тогда-то, говоритъ Санхоніапонъ, сей мнительный Государь, по злымъ совѣтамъ Гермеса, заключилъ брата своего Апласа въ глубокую яму, которая была ему гробомъ. Не уже ли за сіе братоубійство воздають ему божескія почести?

Уже всѣ готовились къ великому празднеству. Дорога покрыта была зрительными. Какой-то простой человекъ рассказалъ мнѣ все, что зналъ о празднествѣ, Адониса (можетъ ли что быть откровеннѣе характера невинныхъ посе-

лянъ?) Это былъ юной Принцъ, говорилъ онъ, родившійся въ Аравіи; убѣжавъ съ матерью своею, онъ былъ принятъ при Дворѣ Царя Библосскаго, по причинѣ великой красоты своей. Сама Венера оспавила Пафосъ и бога Марса, и спѣшила тотчасъ видѣть милаго иноземца. Бранноносные бываютъ ревнивы и всегда готовы къ мщенію. Однажды, когда любовники наши занимались охотою въ лѣсу Ливанскомъ, разъяренный вепрь, посланный Марсомъ, нанесъ смертельную рану юному, прекрасному Адонису. Подлѣ сихъ стѣнъ протекаетъ источникъ, называвшійся некогда рѣкою Библосъ; но теперь онъ носитъ имя любовника Венеры, коего раны омывала она сею водою. И съ тѣхъ поръ, каждой годъ, въ этотъ самый день, вода въ семъ источникѣ спановится красною какъ кровь. Это происходитъ конечно отъ любви Венераиной, которая хотѣла продолжить свою горестъ, и шѣмъ подать намъ поводъ къ празднеству. И такъ

завтрашній день ты увидишь весь городъ въ мрачныхъ одеждахъ.

И подлинно всѣ женщины сего города ходили въ одеждахъ, приличныхъ горести; иной бы подумалъ, что во всемъ городѣ однѣ только вдовы и сироты. Сіе служеніе возложено только на однѣхъ женщинѣ, и многочисленныя жрицы должны, бѣгая по улицамъ, разить въ грудь себя съ выраженіемъ жесточайшей скорби. —

Имъ должно также принести въ жертву волоса свои, и сей священный обрядъ доходилъ до такой жестокости, что ихъ заставляли даже обрить всю голову. Однакожь можно было откупиться отъ сей обязанности, кошора можетъ показаться слишкомъ жестокою для женщины; ибо ни что столько не украшаетъ голову, какъ прекрасные волосы. Тѣ, кои не могутъ рѣшиться на эту пошерю, должны согласиться пробыть цѣлой день въ бесѣдкахъ, сдѣланныхъ на-скоро — тамъ онѣ ждашь должны, пока случай-

ный любовникъ бросится къ нимъ въ объятія — тамъ онѣ повинны принимашъ съ благоговѣніемъ ихъ почести, и могутъ — на счетъ богослуженія — возспавить ту цѣну, которую положишь имъ хотѣлось за свое снисхожденіе, не сповившее любовникамъ ни одного вздоха. Съ самаго утра я видѣлъ многихъ жертвъ, приготовившихся къ этой участи, которой онѣ охотно подвергались. Я подошелъ къ одной изъ нихъ — взглянулъ — и слеза украдкою скапилась по щекѣ его. —

Пивагоръ. Прекрасная! о чемъ плачешь?

„Увы, отвѣчала она, будешь ли ты столько великодушенъ, что не употребишь во зло права, даннаго тебѣ обстоятельствомъ?“

Пивагоръ. Говори — и будь увѣрена.

Юная дѣвица. Меня любитъ прекраснѣйшій юноша во всемъ Библосѣ, и

локоны сихъ русыхъ волосъ привлекли его въ первый разъ ко мнѣ; я никогда не могла рѣшиться прерватьъ этой цѣли и оспричь себѣ голову для исполненія сего обряда, къ которому я призвана при богослуженіи Адонисовомъ.

„Но не уже ли, отвѣчалъ я сей опкровенной красавицѣ, твой любовникъ колебался при выборѣ между волосами и твоею вѣрностію?“

Юная дѣвица. Чужеземецъ! ты не знаешь всего. Мы съ нимъ вчера согласились, чтобы онъ первый пришелъ въ эту рошу прежде всякаго другаго, которому по праву я ни въ чемъ отказать не могу; но ахъ! къ горю, не знаю, что съ нимъ сдѣлалось, что его задерживаетъ; если онъ придетъ теперь, а ты не будешь столько великодушна...

Пифагоръ. Не бойся, прекрасная.

Юная дѣвица. Тебя награждать за это другія, гораздо прекраснѣйшія, если ты не замедлишь.

Пифагоръ. Какъ, что это значитъ?

Юная дѣвица. То, что я не одна теперь въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ ты меня видишь.

Пифагоръ. И такъ Библосскія дѣвицы умѣютъ избавляться отъ закона, не слишкомъ строгаго, и вмѣстѣ находятъ средство сохранить свои волосы и свое обѣщаніе.

Юная дѣвица. Можетъ быть не всѣ мои подруги будутъ столько щасливвы, какъ я.

Пифагоръ. Но соперники еще больше чужеземцевъ. . . .

Юная дѣвица. Нѣтъ! обычай принять, не лишать мѣсна того, кто первой занялъ, и любовники наши очень рѣдко не слѣдуютъ за любовницами; должно думать, что съ моимъ другомъ случилось что нибудь необыкновенное.

Топчасъ прибѣгаетъ потъ, о которомъ она говорила, запыхаясь отъ скорого шествія, и увидѣвъ меня, цѣплется. „Обними скорѣе сего великодушнаго чужеземца, сказала она; онъ предупредилъ тебя, но ты пришелъ еще не поздно: онъ не воспользовался своимъ правомъ, но уважилъ связь двухъ вѣрныхъ любовниковъ.“

Я топчасъ скрылся отъ ихъ благодарности, мечтая самъ съ собой: вопль какъ въ случаѣ несправедливыхъ законовъ и гнусныхъ обрядовъ челоуѣкъ умѣетъ отъ нихъ избѣгнуть и возвратиться къ Природѣ, въ досаду богослуженіямъ и политикѣ.

Я не хотѣлъ ничего пропустить въ семъ обрядѣ. Наружность блистательна и величественна. Знаменитая гражданка Библоса открываетъ шествіе; предъ ней несутъ изображеніе прекраснаго Адониса. Подлѣ нее идутъ многія женщины, ей равныя, держа въ рукахъ корзинки,

наполненныя пирамидальными пирогами, или плодами и цвѣтами, которые покрыты многолиственными вѣтвями; а нѣкоторыя изъ нихъ несутъ въ вазахъ дымящіяся благоуханія. Шествіе заключается другими гражданками, несущими что-то возвышенное, покрытое прекрасными коврами; на семъ возвышеніи стояли два ложа, блестящія златомъ и пурпуромъ — ложе Венеры и Адониса. Тамъ виденъ кумиръ сего Принца, блѣдный, каковъ былъ онъ при послѣдней минутѣ; эта блѣдность умножаетъ красоту сего несчастнаго молодаго челоуѣка. Сія надгробная свита печально шествуетъ по берегу моря. Прекрасные голоса поютъ гимны и прославляютъ нѣжно-томнымъ пѣніемъ погребеніе Адониса. Потомъ начинаются жертвоприношенія; тамъ я видѣлъ, что присуществовавшіе обоего пола бьютъ другъ друга палками и равнодушно сносятъ всякіе удары.

Другое жертвоприношеніе готовится къ ночи. Женщины важно приносятъ въ храмъ спашую Адониса и спавяшъ ее сами на пышной гробницѣ; потомъ гасяшъ свѣщильники, и остающа во мракѣ около трехъ часовъ, занимаясь единственно сѣпованіемъ до самой поиминушы, когда Гіерофантъ входитъ съ свѣщильникомъ и говоритъ каждой изъ нихъ на ухо: „*Венера его оживила!!!*“ При сихъ словахъ горестъ вдругъ премѣняется въ радостъ; тотчасъ спѣшашъ снять спашую Адониса съ одра смертнаго и готовятся къ празднеству веселому. . . . радостному. . . .

Но больше всего меня удивило то, что на семъ торжествѣ присутствуютъ *распутныя* безъ всякаго опличія отъ *тестныхъ*. Жрецы довольно много возвысили права равенства, наблюдаемыя въ ихъ храмахъ; но должно ли смѣшивашъ тамъ порокъ съ добродѣтелью?

Тутъ я замѣшилъ музыкальный инструментъ Финикійскаго изобрѣшенія. Это родъ длинной пальмовой флейшы; — тонъ ея пріятенъ, но поменъ и печаленъ, и будто бы нѣсколько подобенъ крику дикихъ утокъ.

XXXIII.

Путешествіе въ Тиръ.

Моремъ я возвратился въ Сидонъ, гдѣ видѣлъ еще три восхода солнечные; наконецъ пошелъ проспитъ съ мудрымъ Гіерофантомъ передъ отъѣздомъ моимъ въ Тиръ. Сей городъ представляетъ вдали величественный амфитеатръ. Возвышаясь на кремнистой скалѣ, вдавшейся въ море, онъ подобенъ гордому неподвижному кораблю, споящему среди волнъ, или орлу, парящему въ воздухѣ и остановившемуся на одномъ мѣстѣ, разпростерши свои крылья. Сей царь пернатыхъ служитъ символомъ Тира.

Во время путешествія моего, сей городъ былъ въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи; онъ наслаждался внѣшнимъ почтеннымъ миромъ, копорымъ одолженъ былъ своей храбрости, неколебимости и прудамъ неусыпнымъ; онъ выдержалъ достопамятную пышнѣшнюю осаду, копорая была бы безсмертною, естли бы въ Финикїи жилъ Гомеръ. Всемогущество Ассирїйскаго Царства разбилось о скалы Тирскїя, и осада кончилась совершенною побѣдою. Десять кораблей Тирскихъ разбили непрїательскїй флотъ, изъ 60 судовъ состоящїй.

Внутреннее состоянїе сего града не соотвѣстственно было внѣшнему, цвѣтущему. Когда я вступилъ въ Тиръ, то казалось, будшо на другой день возпослѣдуетъ междоусобная брань. Художники, сославляющїе пурпуръ, гордясь, что они доставляютъ отечеству сокровища, возмечтали о преимуществѣ надъ пѣми, кои защищаютъ жизнь ихъ отъ опасно-

сти. Кровь наша, говорили послѣднїе, дороже пурпураго цвѣта, копорого тайна имъ извѣстна. Цари и правительсва могутъ обойтись безъ пурпуровой одежды; но что было бы съ ними и со всѣми гражданами, естли бы дѣлатели пурпура заступили первое мѣсто въ Государствѣ и не уважены были предъ ними солдаты? кто бы поддержалъ городъ во время осады? кто бы разбилъ и прогналъ флотъ Ассирїйской? Мы желаемъ быть первыми въ городѣ, попому что мы первые успѣли его.

Не однократно дѣлатели пурпура проспирали такъ высоко свои виды; въ такомъ случаѣ необходимо было посредство Правительсва и самаго Государя. Наконецъ рѣшили, что всѣ классы гражданъ, будучи равны предъ закономъ и въ глазахъ отечества, должны быть равны и между собою.

Въ Тирѣ войны, отличившіе себя во многихъ сраженїяхъ, имѣютъ право но-

силь на рукахъ многія кольца; я узналъ, что кольца здѣсь служатъ наградою за храбрость. Каждой могъ носить ихъ сколько, сколько совершилъ отличныхъ подвиговъ.

Въ Тирѣ есть особое заведеніе, гдѣ учатъ нырять, для потребностей при флотѣ и для ловли раковинъ, дающихъ пурпуръ.

Я осматривалъ заводы, рабочія комнаты, мануфактуры и магазины, фабрики и арсеналы; но прежде всего я посѣщалъ то мѣсто, гдѣ учатъ ловлѣ драгоценныхъ раковинъ, дающихъ названіе свое Царскимъ одеждамъ. Тамъ два рода сихъ раковинъ, и ихъ собираютъ совершенно иначе, нежели на берегахъ Финикійскихъ. Страна Ливійская и берега многихъ острововъ на Средиземномъ морѣ изобилуютъ сими раковинами. Весною пурпуровыя черепахи собираются кучами и выходятъ; тогда — то хорошо ловить ихъ живыхъ. Въ то время краска ихъ бы-

ваетъ очень ярка. Тиріянне вынимаютъ самыхъ большихъ изъ раковинъ, и жмутъ сокъ изъ нихъ, а меньшихъ прутъ въ мѣльничкѣ. Потомъ, когда кладутъ ихъ въ чистую рѣчную воду, то онѣ умираютъ; влага, выходящая изъ нихъ, имѣетъ дурной запахъ. Цвѣтъ ея бѣловатъ и мушенъ; но она, появивъ на воздухѣ, дѣлается зеленоватою, потомъ голубою небеснаго цвѣта. Пелопонескія пурпуровыя черепахи превосходятъ всѣхъ другихъ послѣ Тирскихъ.

Если бы случилось двумъ человѣкамъ говорить къ народу, то одинъ изъ нихъ, покрытый пурпуромъ, скорѣе убѣдитъ и преклонитъ его на свою сторону, нежели другой, не имѣющій сей одежды. — Не уже ли человѣкъ подобенъ тѣмъ животнымъ, которыя раздражаются или смиряются, смотря на различные цвѣты? — Опець семейства не имѣетъ нужды въ длинной одеждѣ, обведенной по

краямъ Тирскимъ пурпуромъ, чтобы сыны и сыны сыновъ его уважали и любили.

Должно ли быть столь жаднымъ къ пышности, когда извѣстно, что Тиръ одолженъ своею славою не столько трудамъ своимъ, или способностямъ политическимъ, не столько неупомимой дѣятельности, или заслугамъ, оказаннымъ торговлѣ — сколько малому земноводному животному, котораго свойство открылъ имъ случай?

Тиръ не очень великъ, и зданія не столько обширны, сколько высоки. Никогда не видалъ я домовъ во столько этажей. Они все подобны между собою. Кровля служитъ террасою, гдѣ бываетъ иногда ужинъ. Городскія стѣны возвышаются на 150 футовъ Греческихъ; все изъ большихъ камней и соединяются въ видѣ бѣлой цѣпи, обнимающей двадцать стадій. Скала, на которой Тиріане утвердили свое укрѣпленіе, представляетъ полукружіе. Сады Тирскіе находятся на

добрый землѣ, которую привозятъ съ матерой страны, и покрываютъ сію кремнистую скалу, превращенную въ величественный городъ. Никогда боги не дѣлали такихъ чудесъ, какъ люди, кто бы что ни говорилъ. Но Природа, которая любитъ напоминать о своемъ могуществѣ горделивымъ смертнымъ, ее не признающимъ, кажется нарочно по временамъ наносить ужасъ богатымъ жителямъ Тирскимъ, колебля основаніе, на которомъ возвысили они огромную массу.

Стѣны Тирскія укрѣплены высокими башнями, на которыхъ видѣлъ я такихъ почто кумировъ, какихъ сей купечесвенный народъ спавитъ на кормѣ и даже на носахъ кораблей своихъ. Эти статуи покрыты одеждами и вооружены лукомъ и стрѣлами. Легко можно почесать ихъ за часовыхъ. Мнѣ сказали, что это боги покровители страны сей, хранящіе день и ночь этотъ городъ. — Но жители Тира не вовсе полагаются на

сіе священное охраненіе; они воздвигаютъ гордые храмы, и блестящіе куполы ихъ возносятся выше другихъ зданій.

Однакожь Тиръ чувствуетъ нужду въ хорошей водѣ; для сего выкопаны глубокіе каналы по общему согласію, и токъ подземной воды столь быстръ, что даже металлы уносятся съ теченіемъ. Особливо при канала заслуживаютъ вниманіе; ближайшій къ морю течетъ за полторы сажени отъ онаго.

Женщины Тирскія, спрашась нѣкотораго змѣя, носятъ его изображеніе на шеѣ, которое по разнымъ цвѣтамъ и виду очень подобно сему пресмыкающемуся и пятнамъ его кожи.

Саднѣ у Финикійскихъ женщинъ шочно то, что *Синдонѣ* у женщинъ, живущихъ на берегахъ Нила: — длинная мантія, покрывающая даже пяты.

Въ Тирѣ такъ много невольниковъ, отправляющихъ домашнія должности,

что они со временемъ могли бы сдѣлаться повелителями въ городѣ.

Въ семъ купеческомъ городѣ любятъ долгія пиршества. Если бы гость во время стола завелъ рѣчь о философской матеріи, то былъ бы осмѣянъ. Во время пиршества ни о чемъ больше не говорятъ, какъ только о наипкахъ, и смѣются шуткамъ, больше или меньше острымъ; и если бы кто не выпилъ спакана Библосскаго вина, прохлажденнаго въ снѣгахъ Эрмонскихъ или Ливанскихъ, на того бы всѣ взглянули непріятнымъ взоромъ.

Въ Финикіи жрецы бываютъ вмѣстѣ и поварами. Сіи двѣ должности кстапи соединены вмѣстѣ, и одна другой помогаютъ. Кадмъ былъ главнымъ поваромъ при Дворѣ Сидонскомъ. — Первый Тиранъ Сиціонской Ореагерасъ былъ поварѣ.

Но, прежде Государей, поговоримъ нѣсколько о богахъ страны сей. Тиряне славнѣйшимъ божествомъ почитаютъ Геркулеса. Онъ научилъ ихъ имѣть со-

общеніе съ другими народами на морѣ и на сушѣ; — онѣ показалъ имѣ способъ заводить усадьбы, когда и гдѣ только нужно; онѣ открылъ средство, какъ наводить пурпуровый цвѣтъ на льняныя одежды. Эпа одна тайна достойна храма.

Жители Тира не были неблагодарны: они почтили его божескими почестями. Впрочемъ и несвойственно было основателю такого города, каковъ Тиръ, считаться обыкновеннымъ человекомъ; непременно должно было сдѣлать его по крайней мѣрѣ полубогомъ.

Я вошелъ въ одинъ храмъ его, гдѣ народъ толпился безпрестанно; скоро онѣ не помѣстивъ безчисленныхъ сокровищъ, ежедневно приносимыхъ на олтарь его. Мнѣ также хотѣлось заплашить дань ему. Отецъ мой со всѣмъ спараніемъ вырѣзалъ на драгоценномъ камнѣ сего Героя, гдѣ онѣ самъ воздвигаетъ столбы своей славы.

Сіе золотое кольцо я поднесъ первосвященнику, который удоспоилъ принять даръ мой и сказалъ: „Благочестивый юноша! ты достоинъ видѣть чудеса сего храма. Вотъ здѣсь точное и вѣрное изображеніе двенадцати подвиговъ Геркулесовыхъ, искусно вырѣзанныхъ на пыльномъ рельефѣ Гадскомъ, въ одномъ нашемъ селеніи. Нѣсколько дальше, посмотри на два столба, напоминающіе о пѣхъ, которые самъ великой богъ нашъ поставилъ для означенія конца своихъ подвиговъ и своихъ походовъ. Одинъ изъ сихъ столбовъ вылитъ изъ чистаго золота, а другой сдѣланъ изъ черепахи, имѣющей свойство разливать во всю ночь тихое сіяніе, подобное тому, каковымъ наслаждаются въ щасливыхъ поляхъ Елисейскихъ.“

Я хотѣлъ возразить противъ чудеснаго свойства черепахи и доказать жрецу, что онѣ, по крайней мѣрѣ, увеличилъ это дѣйствіе; но — жрецамъ не

возражаютъ. Я, пользуясь совѣтомъ Алкмеоновымъ, спросилъ только, какъ давно воздвигнутъ храмъ Геркулесовъ? — „Больше двухъ тысячъ лѣтъ, отвѣчалъ онъ съ видомъ увѣришельнымъ; онъ такъ же старъ, какъ и самой городъ.“

Никакъ не могъ я скрыть удивленія; онъ примѣтилъ, и прямо обратилъ рѣчь къ истиннымъ происшествіямъ, дабы прикрыть обманъ свой, жрецамъ свойственнѣй. Тотчасъ увидишь ты, сказалъ онъ, двѣ причины, увѣряющія въ сей отдаленной древности. Впервыхъ: Финикійскіе нравы, извѣстные тебѣ конечно, столько усовершенствованы, что не лзя не предположишь двухъ или трехъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ. Ни что такъ медленно не образуется въ подлунной, какъ языкъ: нарѣчіе скоро портится, но сохраняется вѣками. Помомъ, юноша! посмотри вокругъ себя въ семь храмъ. Увидишь ли ты хотя одну статую Гер-

кулеса? Но тебѣ знать должно, что первобытные люди не смѣли изображать боговъ; представили образъ ихъ кистию или рѣзцомъ, по ихъ мнѣнію, была такая дерзость, которая достойна всеразщитаго небеснаго гнѣва. Свяпилища ихъ были безъ всякихъ украшеній, но тѣмъ не меньше ихъ уважали. Народъ, привыкшій видѣть на жертвенникахъ изображенія боговъ своихъ, научилась думать, что они существуютъ только въ храмахъ, и что внѣ храма боги ихъ не видятъ; и слѣдственно, не страшась казни, совершаютъ тайно злодѣянія, извѣстныя только одному преступнику. Мы сохранили простоту древнихъ. Пртемлемъ приношенія, но не представляемъ кумировъ того бога, которому поклоняются.

Пифагоръ. Эта система успокоиваетъ Арписповъ; ибо, для изображенія бога, они имѣютъ одно только средство, представили его въ образъ человѣческомъ, и слѣдуя здравой Логикѣ, и

чиспой Богословіи, ничто сполько не подобно богу, какъ человекъ. Не было только случая, когда бы богъ сдѣлался человекомъ.

Первосвященникъ. Юноша! ты слишкомъ скоро и слишкомъ далеко заходишь; возвратимся къ первому вопросу о семъ священномъ зданіи. Ты удивился отдаленной его древности? Но что бы ты сказалъ, если бы услышалъ Египетскихъ жрецовъ? Они не менѣе придали шестидесяти тысячъ лѣтъ приписываютъ своему Геркулесу Фивскому.

Я отвѣтствовалъ: все это можно согласить между собою, если предположить только многихъ Геркулесовъ; и въ Греціи не было ли еще также Геркулеса? Но Тирскій, безъ сомнѣнія, истинный. —

Первосвященникъ. Безъ всякихъ прекословій!

Улыбаясь на счетъ довѣренности, съ какою люди впечатлѣваютъ насъ оплеванные понятія, я хотѣлъ выдти. Первосвященникъ это примѣтилъ, подозвалъ меня и сказалъ: „По крайней мѣрѣ ты согласишься, что нигдѣ съ такимъ чистымъ благоговѣніемъ не служатъ сему богу, какъ въ сихъ странахъ. Мы, готовясь къ служенію, удаляемся отъ всякаго общества съ женщинами; и, за нѣсколько дней передъ празднествомъ, поведеніе наше бываетъ такъ чисто, не замарано, какъ бѣлая тонкая одежда, насъ покрывающая. Мы унижаемъ до того, что даже брѣдемъ себѣ головы. Все украшеніе наше составляетъ пурпуровыя перевязи. Мы скидаемъ обувь, приближаясь къ тому жертвеннику, гдѣ огонь священный горитъ и не стараетъ. Благоуханіе заступаетъ мѣсто жертвоприношеній; Геркулесъ отвергъ жертву крови человеческой. Онъ обогрѣлъ жезлъ свой кровію, но кровію злодѣевъ.

Мы стараемся удалить отъ храма его свиней и женщинъ.“

Пивагоръ. Для чего женщинъ? Онъ, кажешся, вездѣ хороши, и великой Алкидъ не убѣгалъ ихъ. — Я вышелъ, не ожидая отвѣта.

Въ храмѣ поразила меня одна странность: колонны, поддерживающія своды, разположены по шри вмѣстѣ. Мнѣ сказали, что это сдѣлано для означенія трехъ временъ года и трехъ *декадъ* (или десятиковъ дней) каждаго мѣсяца.

XXXIV.

Тирскія лѣтописи.

Наконецъ былъ я въ архивѣ лѣтописей. Меня предупѣдомили, что Тиръ, стараясь о славѣ своей, хранитъ всѣ древности; но лѣтописи сего города, которой считаетъ себѣ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, написаны за чешыре или за пять вѣ-

ковъ; мнѣ позволили прочесть ихъ. Сначала я прочелъ какое-то неизвѣстное время, описанное худо; видѣлъ имена Царей, мало извѣстныхъ; и между прочимъ Малкандера, современника Озирису.

Въ это время Цари сражались оружіемъ воображенія, занимались игрою ума; они предлагали другъ другу вопросы, загадки; тотъ, кто не рѣшитъ, долженъ плашить значную сумму золота или серебра, которую тотчасъ народъ старался заплашить, надѣясь, что ихъ Монархъ скоро самъ выиграетъ. Для чего бы, кажешся, изобрѣтать другую войну?

Въ такихъ невинныхъ сраженіяхъ Принцы плашили за себя только во время войны. Хирамъ, преемникъ Веймала, имѣлъ царедворца *Абдемона*, родомъ изъ Тира, которой разрѣшалъ ему всѣ прудности. Тирскія лѣтописи прославляютъ слишкомъ набожность сего Государя и мудросіть другаго Монарха, ему современнаго, которой прислалъ нѣкогда во-

прось для рѣшенія; а въ прошивномъ случаѣ положилъ пеню: двадцать тысячъ мѣръ оливнаго масла. Вопросъ былъ слѣдующій: „Не одно ли должны составлять олтарь съ треномъ? и что изъ нихъ, въ случаѣ нужды, предпочесть должно?“

Запруднителенъ былъ сей вопросъ, особливо для набожнаго Монарха. Три дни и три ночи провелъ въ размышленіи Царь Тирскій; наконецъ прибѣгнулъ къ мудрому Абдемону, который сказалъ ему: „Государь! прежде рѣшенія сей загадки должно бы спросить у него, нужны ли для благоденствія смертныхъ троны и жертвенники? Было время, когда родъ человѣческой не имѣлъ ни того, на другаго, но тѣмъ не менѣе былъ щасливъ. Это время названо золотымъ вѣкомъ. Напомни Монарху, тебѣ вопросившему, что предки наши, Перидзѣенцы, будучи гонимы предшественниками своими, гонимы имъ самимъ

въ разсѣлины горъ съ жестокостію, между тѣмъ какъ прочіе сдѣлались несчастными — Перидзѣенцы долго наслаждались блаженствомъ въ мирной долині безъ трона и безъ олтарей. На кедровыхъ доскахъ написаны были ихъ законы и прибиты къ столбамъ среди ихъ хижинъ. При послѣднемъ бѣдствіи сіи доски сожжены вмѣстѣ съ ихъ законами; но въ Тирѣ и теперь еще хранятся ихъ остатки. И такъ, Государь! на этомъ мы можемъ остановиться, продолжалъ *Абдемонъ*; дѣло кончено.“

Тирскія лѣтописи не говорятъ ничего больше о семъ любопытномъ происшествіи; но я замѣнилъ въ своемъ *Альбумѣ* (или записной книжкѣ) имя Перидзѣенцовъ, Финикійской усадьбы мало извѣстной. Наблюдатель самъ можетъ дополнить молчаніе Писателей, слишкомъ робкихъ, или можетъ быть льстивыхъ царедворцевъ. Мнѣ кажется, что лѣтописи Тирскія писаны жрецами. Хирамъ

превознесенъ до небесъ похвалами; ибо онъ возобновилъ храмы — воздвигъ два новые и вылилъ изъ чистаго золота спасую Юпитера.

Шестой Царь послѣ Хирама поку- сился въ самомъ дѣлѣ рѣшить загадку, изъясненную *Абдемономъ*. Герофану Иобалу оставалось сдѣлать только одинъ шагъ для достиженія прона; онъ все сдѣлалъ, и двоякая власть перешла въ его руки; ибо пронъ Сидонскій, моего опечества, принадлежалъ одной верховной власти съ прonomъ Тирскимъ.

Преемникъ Иобаловъ, заславившій говорить о себѣ еще больше, былъ Пигмалюнъ, меньшей братъ основательницы Карфагена, славнѣйшей изъ всѣхъ Тирскихъ колоній. Исторія сего деспота совершенно обезображена. Лѣтописи оправдали мое мнѣнiе. Царствованiе сего Государя есть важный урокъ для народовъ, часто ослѣпляемыхъ наружнымъ блескомъ. Отецъ отдалъ пронъ его се-

спрѣ, старшей его лѣтами. Когда же онъ спалъ сиротою, то народъ заставилъ его принять скипетръ. Можно думать, что онъ сдѣлалъ это противъ воли. Не предвѣщала ли такая скромность крошкаго царствованiя? Первой опытъ неограниченной власти его — было умерщвление роднаго дяди, первосвященника Геркулесова, коего все имѣнiе онъ себѣ присвоилъ.

Потомъ — слѣдовали налоги за налогами, и обременили гражданъ до послѣдней крайности. Однакожъ онъ приказывалъ людямъ, коимъ порученъ былъ сборъ произвольной пошлины, и отъ которыхъ никто не былъ избавленъ, поступать сколько можно добродушнѣе. „Не забудьте чelовѣчества, повторялъ онъ имъ, грабя моихъ подданныхъ; вы, совершенно ихъ разоряя, можете жалѣть объ ихъ участи; представьте имъ жалкое мое положенiе, что я, для предупрежденiя нѣкопрыхъ нуждъ, въ крайнихъ обстоя-

шельствехъ принужденъ прибѣгнуть къ такимъ налогамъ. Но вамъ скажутъ: у насъ нѣтъ войны; отвѣщайте: благоразумной Государь не долженъ ожидать рѣшишельной минуты, чѣобы во время ужасной крайности искать помощи. Скажите умнѣйшимъ средняго соспоянїя Тирїйцамъ: посмотрише на дѣлашелей пурпура. Они богатше всѣхъ въ городѣ, но лучше ли они граждане? роскошь сдѣлала ихъ эгоистами, развращенными, испощила силы ихъ; — и такъ не уже ли худое дѣло привести ихъ въ посредственное соспоянїе, которое больше хвалятъ, нежели любяшъ?

Такъ Пигмалїонъ собиралъ безчисленныя богатства! — Чѣобы народъ до нихъ не допрогивался, онъ препоручалъ ихъ храненїю боговъ, плаща, со всею почтостїю, десятиую часть того, что давалъ въ охраненїе. Тутъ заключалось еще другое намѣренїе: чѣобы прикрыть сребролюбїе свое маскою благоговѣйной набожности. Онъ

принесъ въ даръ храму Геркулесову величайшую смоковницу — удивительное произведенїе — плоды на ней изъ черепахи, совершенно подобные смоквамъ, еще зеленымъ.

Пигмалїонъ скончался на пронѣ. Одна Природа взяла прудъ на себя избавить Тиръ отъ его ига: жители и то считали за щастїе, чѣо деспоты ихъ только грабятъ. Никогда не смѣли они попребовать отчета во всѣхъ подапяхъ, ими взносимыхъ, такъ хладнокровно и учпиво, какъ заимодавецъ, самъ предлагающїй должникамъ деньги. Такая повинность всѣмъ грабежамъ и разоренїямъ удивитъ только тѣхъ, коимъ извѣсны права коммерцїи: можно согласишься на нѣкоторыя пожертвованїя — только, пока царствуетъ миръ и спокойствїе, пока есть надежда умножить свое имѣнїе.

По смерти деспота, жители Тира, спрашась, чѣобы не подпастъ еще большему игу, часто воспоминали о прошед-

шемъ. (Эта книга лѣтописей сочинена Диусомъ, древнѣйшимъ Историкомъ Финикійскимъ послѣ Мосха.) Нѣкто, ловившій пурпуровыя раковины, можетъ быть тайно завидуя пышности красильщиковъ и дерзости ихъ даже противу тѣхъ, безъ коихъ они обойтись не могутъ, пошелъ въ печальной церемоніи, провожавшей гробъ Пигмаліоновъ. „Граждане! вскричалъ онъ (сбросивъ мертвое тѣло съ колесницы) у насъ нѣтъ Царей! Пусть сей будетъ послѣднимъ! онъ мертвъ — простите ему грабежъ и убійство дяди своего, первосвященника Геркулесова; но исправьте съ сего дни столько лѣтъ подлаго рабства. Тиръ, образецъ всѣхъ городовъ, долго показывалъ примѣръ злодѣйствъ ненаказанныхъ. Торговля одолжена успѣхомъ своимъ вольности, кою рою прежде сей городъ наслаждался. Поживемъ спокойно, не чувствуя тяжести скиптра. . . . Ненасытное сребролюбіе Государя гнало насъ по всѣмъ морямъ, собирая сокровища въ извѣстномъ свѣтѣ.

Тщешно отецъ семейства, возвращаясь изъ долгихъ и гибельныхъ своихъ путешествій, надѣется, что дѣти его будутъ наслаждаться его трудами; — являясь приславъ Царскій, и грабитъ у него двѣ трети имѣнія, столь праведно имъ пріобрѣшеннаго! . . . Народъ купечесственный долженъ имѣть республиканское правленіе и слѣдовать законамъ, предписываемымъ торговлю. У насъ были Спарѣйшины и Сенатъ; но они молчали во все время царствованія Пигмаліонова: ибо не довольно чувствовали поддержки со стороны всѣхъ гражданъ. Возвратимъ правительству нашему употребленіе языка — поставимъ небольшое число между нами для исполнительной власпи — но на малое время и съ условіемъ, снятъ опчешъ въ дѣлахъ ихъ! Пусть не будетъ наследственныхъ Государей, но Судьи, нами избираемые. Въ общемъ благѣ всѣ должны принимашъ участіе.“

Неожиданно было такое приключеніе. Переворотъ начался тѣмъ самымъ, что никшо къ нему не былъ приготовленъ. Народъ поддержалъ спорону ловишеля раковинъ. Спарѣйшины оцѣпенѣли — но ихъ присутствіе удержало тѣхъ, коимъ непріятно было это предложеніе. Новость обольстила большую часть народа, и возпоминаніе о прошедшемъ рабствѣ совершенно обратило ихъ къ новому правленію — и Тиръ, наканунѣ бывшій подъ властію одного Государя, на другой день управлялся прѣмя Судіями.

Лѣтописи Тирскія оканчиваются описаніемъ сего великаго произшествія; но оно не изгладило изъ памяти моей Перидзѣнцовъ, и крапкая исторія ихъ умножила нешерпѣливое мое любопытство. Мнѣ казалось, что исторія народа — *ластуховъ*, жившихъ безъ жрецовъ и Государей, должна представитъ памятникъ, примѣчанія достойный. Трудно было уговорить служилелей архивъ Тирскихъ,

чтобы они поручили мнѣ эту часть своихъ сокровищъ; ибо Тиръ чрезъ нѣсколько лѣтъ опять подпалъ Монархической власти, какъ будто по какому-то натуральному склоненію, свойственному богатой обласпи. При сей перемѣнѣ правительство приняло всѣ мѣры, для изпребленія слѣдовъ минушней вольности, которою Тиръ наслаждался.

Герольды слышали въ тѣхъ справахъ, гдѣ они объявляли сіи законы, что народъ считаетъ издашелемъ ихъ Мосха. И подлинно, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцовъ въ сихъ мирныхъ долинахъ; былъ тамъ законодатель прежде вступленія въ санъ первосвященника. — Любезные ученики! вы знаете, что народъ, принявшій сію малую книгу законовъ, имѣлъ жрецовъ и Государей, сожалѣнія достойныхъ. Не трудно было Мосху показатъ имъ средство, какъ можно обойтись и безъ нихъ.

ДЕВЯТЬ ЗАКОНОВЪ РАЗУМА.

Москѣ, Законодатель Перидзіенской, селенія ластушескаго, по ту сторону Ливана лежащаго, въ верхней Финикіи.

I. Старѣйшины, вспооществуя Старѣйшинамъ семействъ другихъ, каждой въ хижинѣ своей опправляетъ должность жреца и Государя.

II. Старой кедръ, зеленѣющій близъ хижины, будетъ святилищемъ и прономъ для Старѣйшины.

III. Старѣйшій соединяетъ супруговъ, присутствуетъ при рожденіи младенцовъ, утѣшаетъ скорбящихъ и больныхъ, и первый въ пригробныхъ церемоніяхъ.

IV. Старѣйшій, съ помощію другихъ Старѣйшинъ, услышитъ признаніе виновнаго, и сдѣлаетъ удовлетвореніе обиженному.

V. Каждое утро, при восходѣ солнца, Старѣйшій, опираясь одною рукою

на жезлъ Папріаршеской, положитъ другую на чадъ семейства своего, и благословитъ ихъ именемъ Природы.

VI. Каждый годъ, съ исходомъ зимы, или наступленіемъ дней весеннихъ, Старѣйшина съ опцами и чадами осмошитъ поле каждаго семейства, и пролетъ мольбы свои предъ Геніемъ - покровителемъ того мѣста.

VII. Каждый годъ также, когда осень кончится и когда зима наступитъ, Старѣйшій со всѣми семействами придетъ въ долину успокоенія, и тамъ на могилахъ совершитъ воспоминаніе въ честь добродѣтельнымъ смертнымъ, окончившимъ странствіе сего мѣра въ томъ годѣ.

VIII. Юноши, достигшіе двадцатаго года, преклонятъ колѣно предъ Старѣйшиной, которой, положивъ руку на главу ихъ, произнесетъ слѣдующее: Встаньте! и займите свое мѣсто между нами.

Вы теперь сдѣлались *человѣками*! нашъ долгъ защищать всѣ ваши права, а вашъ — исполнять всѣ должности, приличныя челоуѣку.

IX. Наконецъ Перидзѣнцы, желая заключить всѣ полишическія и священныя правила въ одномъ законѣ, утверждаютъ, что нѣтъ у нихъ другаго почитанія, кромѣ преданности сыновней; другаго правленія, кромѣ совѣшовъ родителейскихъ.

Конецъ первой Части.
